

Проф. И. А. Сикорский.

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ

ПО ВОПРОСАМЪ

общественной психологіи, воспитанія и нервно-психической
гигіены,

ВЪ ПЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Статьи по вопросамъ общественной психологіи.

ЮЖНО-РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ф. А. ЮГАНСОНА.

Кіевъ,
пат. и Прорѣзной, 1;
№ 37.

Харьковъ,
Московская улица, домъ
Тихонова.

15

С

SCHICHTSEITE

TASCHENPACKUNG
BESTELLEN ODER SCHICKEN
DR. SCHLEUSSNERS
SPEZIAL-
RÖNTGENPLATTEN
GRÖSSE 13,5 x 18,5 cm

Name des Patienten
Anrede
Wohnort
Strasse
Telefon
Bemerkungen
Auftrag vom 21. Juni
Aufnahme durch Dr.
Zweck der Aufnahme
Bemerkungen

Zu beachten: Die hier für Preis 3 in Rede stehenden Röntgenplatten sind für gewöhnlich 2 1/2 mm dick. Für die Aufnahme von Knochen ist eine Dicke von 3 mm erforderlich. Für die Aufnahme von Weichteilen ist eine Dicke von 2 mm erforderlich. Für die Aufnahme von Röntgenbildern ist eine Dicke von 1 mm erforderlich.

Preis
13 x 18 18 x 24
M. 0,75 M. 1,50
pro Dtz. netto.

Dr. C. Schleussner Aktiengesellschaft,
Frankfurt a. M. 21

Dr. Schleussners
gesetzlich geschützte

Neue
Platten-Einzelpackung

für
Röntgenaufnahmen
vermeidt

die Nachteile der bisherigen Einzel-
packung, **beibehält ihre Vorteile** und
bringt Ordnung und Uebersicht in die
Aufbewahrung der Negative.

Man verlange nähere Auskunft.

S PERMINUM

Erfolgreich angewandt bei Neu-
senilis, Blutarmut, Rachitis, Pod-
tismus, Syphilis, Tuberkulosis,
des Herzens (Myocarditis Herz-
Hysterie, Tabes dorsalis, Re-
impotentia etc. und für

Beste Urteile erster medizinischer
Die höchsten Auszeichnungen (Grand Prix) an

Anw
3 mal täglich
der Ess
lischen
1-2 Amp
Bleibklysi
Röhren
Wasser
Essentia Spermini-Poehl pro
uso interno.

Sperminum-Poehl pro injectione,
2% sterilisierte Lösung in Glas-
ampullen eingeschmolzen.
Sperminum-Poehl sicc. pro clysm.

Zu haben in allen grösseren
Depots: Berlin: Kronen-Apotheke, D
Apotheke, Magdeburg: Rats-Apotheke, M
Wien: Engel-Apotheke.

Literatur gratis und fran
Organotherapeutische
Prof. Dr. v. Poehl
St. Petersburg, Rus
Vor Nachahmungen und Verfälschungen v

Проф. И. А. Сикорскій.

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ

ПО ВОПРОСАМЪ

общественной психологіи, воспитанія и нервно-психической
гигіены,

ВЪ ПЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Статьи по вопросам общественной психологіи.

2012

1972

ЮЖНО-РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ф. А. ЮГАНСОНА.

Кіевъ,

Уголъ Крещат. и Профзаной, 1;

Харьковъ,

Московская улица, домъ
Тихонова.

Крещатикъ, № 37.

ИНВЕНТАР

№ 3367

15.
~~6128~~

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 26 Ноября 1899 г.

РЕЦЕНЗІЯ

2102

65к

КІЕВЪ,

Тип. С. В. Кузьменко, Ново-Елисаветинская, д. № 4.
1899.

Отъ издателя.

Научно-литературные труды проф. И. А. Сикорскаго появлялись въ свѣтъ то отдѣльными изданіями, то въ видѣ журнальныхъ статей въ медицинскихъ, педагогическихъ и философскихъ журналахъ въ Россіи и за границей.

Приступая къ изданію этихъ трудовъ, издатель руководился отчасти непрекращающімся спросомъ на нихъ, болѣе же всего—желаніемъ положить начало изданію тѣхъ научно-литературныхъ трудовъ русскихъ ученыхъ, которые по содержанію своему касаются вопросовъ жизни и имѣютъ общественный интересъ, независимо отъ научнаго. Не входя, впрочемъ, въ обсужденіе этой стороны дѣла, мы исполняемъ нашъ издательскій долгъ въ отношеніи трудовъ проф. И. А. Сикорскаго, печатая почти полностью все, что вышло въ свѣтъ изъ подъ его пера, за исключеніемъ статей, имѣющихъ чисто специальное—психіатрическое или медицинское значеніе. Все изданіе, въ пяти книгахъ, выйдеть въ свѣтъ въ Январѣ 1900 г.

Кіевъ, 2-го Января 1900 г.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

	Стр.
Отъ издателя	I
I. Въ чемъ состоитъ такъ называемое чтеніе или узнаваніе мыслей другого	1
II. Черты изъ психологіи Славянъ	29
III. Черты изъ психологіи великихъ людей	48
1) Гербертъ Спенсеръ	46
2) Адамъ Мицкевичъ	50
3) А. С. Пушкинъ	51
4) М. Е. Салтыковъ	52
5) С. П. Боткинъ	54
6) О. Іоаннъ Кронштадскій	58
IV. Душа и мозгъ великихъ людей—Гамбетты, Тургенева и Гельмгольца	78
V. О душевномъ состояніи при аффектахъ	97
VI. Состояніе духа предъ самоубійствомъ	133
VII. О двадцати пяти заживо погребенныхъ	165

I.

Въ чемъ состоитъ такъ называемое чтеніе или узнаваніе мыслей другого? ¹⁾

Курьезный психологическій экспериментъ чтенія и узнаванія мыслей состоитъ въ слѣдующемъ. Одно изъ лицъ *А* думаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ о чемъ-либо, напр., объ извѣстной нотѣ на фортепіано, другое лицо *Б*, держась за руку *А*, узнаетъ задуманную ноту. Подобнымъ-же образомъ, узнается одинъ изъ задуманныхъ предметовъ, находящихся, положимъ, на письменномъ столѣ, на подоконникѣ и проч. Опытъ дѣлаютъ еще и такимъ образомъ: субъектъ *А* прячетъ какой-либо предметъ—шляпу, книгу, иголку, гдѣ нибудь въ потайномъ мѣстѣ, въ дальней комнатѣ и пр.; субъектъ *Б*, держась за *А* или прикасаясь, узнаетъ, гдѣ предметъ спрятанъ и отыскиваетъ его. Еще примѣръ: *А* задумаетъ букву или цифру; *Б* узнаетъ задуманное. Если опытъ происходитъ гладко, онъ поразителенъ для наблюдателей, производя впечатлѣніе чего-то сверхъестественнаго.

Въ 1884 году я имѣлъ случай наблюдать въ С.-Петербургѣ опыты извѣстнаго *чтеца мыслей*—*Bishop'a*, который развѣзжалъ по Европѣ и давалъ сеансы за деньги.

¹⁾ Статья напечатана была въ свое время въ газетѣ «Врачъ» въ 1884 г. и въ Archives de Neurologie, изд. проф. Charcot въ 1885 г. tome X.

Занявшись подобными опытами, я безъ особаго труда научился «читать мысли» и, изощривъ на этихъ опытахъ свое вниманіе, рѣшился дать научный сеансъ въ засѣданіи Общества Психіатровъ въ С.-Петербургѣ (15 Декабря 1884 года). Опыты состояли въ отгадываніи задуманныхъ цифръ и буквъ. Мнѣ было предложено нѣсколькими изъ бывшихъ въ засѣданіи членовъ до 10 задачъ. Во время задумыванія и записыванія задачъ, я былъ удаленъ въ особую комнату. Всѣ задачи были мною отгаданы быстро и безъ ошибокъ. Затѣмъ я подробно показалъ и объяснилъ самый способъ отгадыванія. Настоящая статья представляетъ собою сущность доклада, сдѣланнаго мною въ Обществѣ Психіатровъ.

Выраженіе «узнавать мысли» — въ примѣненіи къ разбираемымъ явленіямъ — совершенно неправильно, какъ увидимъ далѣе; ближе къ истинѣ было бы выраженіе «узнавать намѣренія» или «узнавать заготовленную волю». Но я не стану вводить новаго термина и буду пользоваться установившимся выраженіемъ въ наименованіи факта, достаточно извѣстнаго. Явленіе угадыванія мыслей представляетъ въ сущности незамысловатый психологическій опытъ, который, однакоже, — надо это признать — до того времени не находилъ себѣ надлежащаго разъясненія. Одной своей стороною разбираемый опытъ относится къ разряду тѣхъ, такъ называемыхъ, загадочныхъ явленій, которыя еще недостаточно изучены и, благодаря этому, служатъ — для однихъ предметомъ шарлатанскаго употребленія, а для другихъ — источникомъ вѣры въ новыя, еще будто бы неоткрытыя, силы природы. Разъясненіе этихъ явленій, привлечшихъ къ себѣ вниманіе фізіологовъ и психологовъ (*Carpenter*), имѣеть, по нашему мнѣнію, такой-же интересъ для ученія о *воспріятіяхъ*, какой имѣлъ стереоскопъ для ученія объ образованіи зрительныхъ представленій. Но, независимо

отъ научнаго интереса, разъясненіе «чтенія мыслей» можетъ имѣть безспорно и большое практическое значеніе въ качествѣ «предупреждающаю средства», если ему удастся ослабить ту эпидемію въры въ тайныя силы, которая время отъ времени нападаетъ на людей.

Относительно сущности узнаванія мыслей многіе дѣлаютъ совершенно справедливую догадку, примѣняя къ разъясненію этого явленія научную мысль, впервые высказанную *Chevreuil*'емъ 60 лѣтъ тому назадъ ¹⁾. Для объясненія явленій, относящихся къ той-же категоріи, какъ и чтеніе мыслей, *Chevreuil* высказалъ предположеніе, близкое къ истинѣ, о существованіи произвольныхъ движеній, которыя могутъ обнаруживаться въ ту пору, когда человѣкъ считаетъ себя совершенно пассивнымъ. Когда въ 30-хъ—40-хъ годахъ былъ поднятъ вопросъ о сущности столоверченія, то *Faraday* устроилъ даже особый приборъ, который и назвалъ «указателемъ» (индикаторомъ), съ цѣлію показать инструментально то, о чемъ столь ясно высказался *Chevreuil*. Съ того времени разъясненіе загадочныхъ явленій мало подвинулось; и, если чтеніе чужихъ мыслей раздѣляло общую участь, то причиною этого было то обстоятельство, что элементы и основы, на которыхъ могло-бы быть построено разъясненіе, еще не существовали ни во времена *Faraday*'я, ни долгое время спустя; эти основы даны только впоследствии работами физиологовъ, которые впервые примѣнили гочный способъ записи (регистраціи) къ изученію психическихъ явленій.

Въ послѣднее время большинство авторовъ въ объясненіи чтенія мыслей пользовались мыслию *Chevreuil*'я и

¹⁾ Въ его письмахъ къ *Ampère*'у; см. *Revue des deux Mondes*, 1883 г. См. также *Carpenter*. Спиритизмъ, перев. съ англ., 1878, стр. 50.

Faraday'я, о существованіи опредѣленныхъ движеній, которыя, не будучи сознаваемы человѣкомъ, совершающимъ ихъ, служатъ, однако-же, руководящей нитью для отгадчика. Приверженцы этого мнѣнія даютъ въ сущности немного, такъ какъ они не отвѣчаютъ на вопросъ: какимъ же именно образомъ совершаются у подвергаемаго опыту лица не подозрѣваемая имъ движенія и какимъ образомъ эти движенія могутъ служить показателемъ для другого лица? Нѣкоторые думали объ утомленіи нервной и мышечной системъ, послѣ чего будто бы безсознательныя дѣйствія получаютъ свободу и обнаруживаются. Таково, если вѣрить газетнымъ отчетамъ, было и объясненіе проф. *Θ. П. Шереметьевскаго* ¹⁾. Отсутствіе яснаго отвѣта на этотъ вопросъ привело къ тому, что авторы мистическаго лагеря не хотятъ признать научности за справедливой догадкой *Chevreul*'я и *Faraday*'я и склоняются къ мысли, что передъ ними новое явленіе, дѣйствіе новыхъ, неоткрытыхъ еще силъ природы. По мнѣнію этихъ авторовъ (между которыми есть имена и знаменитыхъ—только не въ области психологіи—ученыхъ), возможенъ непосредственный переходъ мысли или воли изъ одного человѣка въ другого. Согласно съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ, если между двумя лицами установлено матеріальное сообщеніе, путемъ ли непосредственнаго соприкосновенія, или даже чрезъ посредство воздуха, то мысли изъ одного организма потекутъ въ другой. Такимъ образомъ мысль и воля сравниваются здѣсь съ электрическимъ токомъ, а нѣкоторые (проф. *Бутлеровъ*) говорятъ даже объ истеченіи вліяній изъ организма и о дѣйствіи ихъ на разстояніи ²⁾, о вліяніи волевыхъ импульсовъ одного организма на дѣй-

¹⁾ Новое Время, № 3141.

²⁾ Кое-что о медиумизмѣ, Сиб., 1884, стр. 14.

ствія другого, безъ прямой передачи ихъ словами или знаками ¹⁾. Другіе авторы (*Р. Р. Вреденъ*) ²⁾ почти отождествляютъ нервы и мозгъ съ индуктивными приборами, а мышленіе съ электрическимъ наведеніемъ. Какъ ни просты подобныя объясненія, они, однако-же, находятся въ полномъ несоотвѣтствіи съ твердо-установленными данными анатоміи и фізіологіи мозга, а равно несогласны и со многими безспорными истинами фізіологической психологіи. Между русскими учеными, защитниками прямого перехода мысли отъ одного лица къ другому, кромѣ академика проф. *Бутлерова*, можно указать еще и на проф. *Вагнера* ³⁾.

Не входя въ критику изложенныхъ мнѣній—такъ какъ ни одно изъ нихъ не отвѣчаетъ на вопросъ: *какимъ образомъ*,—я постараюсь разъяснить интересующее насъ явленіе съ точки зрѣнія фізіологической психологіи. Къ этому я долженъ прибавить, что я произвелъ нѣсколько наблюденій для разъясненія этого явленія и не могу не замѣтить, что оно во многихъ отношеніяхъ имѣетъ безспорный интересъ для психолога. Я старался не только уразумѣть смыслъ и сущность явленія, но выяснить также и самую постановку и условія опытовъ; и, если читатель не удовлетворится предлагаемымъ мною объясненіемъ, то онъ, во всякомъ случаѣ, найдетъ въ моей замѣткѣ фактическій матеріаль.

Чтеніе чужихъ мыслей уже давно производилось въ Англии и Америкѣ; въ Петербургѣ имъ занимался, до пріѣзда въ столицу гг. *Bishop'a* и *Cumberland'a*, кружокъ лицъ, интересующихся явленіями медиумизма. Чтеніе мыслей было извѣстно этому кружку; и въ технику его многіе

¹⁾ Ребусъ, 1884, стр. 434.

²⁾ St.-Petersburger Herold, 1883, № 318.

³⁾ Новое Время, № 3141.

члены этого кружка проникли также далеко, какъ *Bishop* и др. Объ этомъ мы находимъ указанія въ статьѣ проф. *Ванера* (1. с.) Впослѣдствіи чтеніемъ мыслей успѣшно занимался и проф. *Ө. П. Шереметьевскій* въ Москвѣ ¹⁾. Доступность и удобовыполнимость этого психическаго опыта таковы, что для удачи его не требуется ни особенной подготовки, ни долгаго упражненія. Нѣкоторые входятъ въ роль сразу. Это, впрочемъ, справедливо лишь относительно одной части опытовъ; другая же часть требуетъ нѣкотораго навыка. Часть моихъ наблюденій была произведена надъ лицомъ съ медицинскимъ образованіемъ. Это лицо, никогда раньше незанимавшееся никакими подобными опытами, обнаружило необыкновенную точность и быстроту въ отгадываніи и въ тоже время сохранило полную объективность и остроту сознанія, что давало ему возможность анализировать свое самочувствіе, отвѣчать на мои вопросы и, прерывая спыты, въ любую минуту переходить, еще подъ живымъ впечатлѣніемъ, къ психологическому анализу, субъективному и объективному.

Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній перехожу къ частному разбору вопроса.

Постановка опыта угадыванія мыслей состоитъ въ слѣдующемъ. Одинъ или нѣсколько человекъ, въ отсутствіи лица, назначеннаго служить отгадчикомъ, задумываютъ какую-либо простую механическую операцію (напр., подойди къ окну, взять какой-либо предметъ, лежащій на подоконникѣ и т. п.); затѣмъ отгадчикъ призывается; задумавшее лицо прикасается къ нему своими руками; они начинаютъ ходить по комнатѣ, послѣ чего отгадчикъ обыкновенно угадываетъ задуманную операцію и испол-

¹⁾ Новое Время, № 3141.

няетъ ее. Всего чаще въ опытѣ участвуютъ два человѣка: задумавшій что-либо остается съ открытыми глазами, а отгадчикъ съ закрытыми; такимъ образомъ, два лица—*внушитель* и *отгадчикъ* составляютъ пару, и ихъ взаимодѣйствіе обусловливаетъ успѣхъ. Роль каждаго члена пары строго опредѣлена: *внушитель* держитъ за руку отгадчика или касается другой части его тѣла, напр., шеи, и обязанъ—*conditio sine qua non*—сосредоточить все свое вниманіе на задуманномъ, долженъ желать исполненія его или, по крайней мѣрѣ, напряженно думать о немъ, оставаясь во всѣхъ другихъ отношеніяхъ совершенно недѣятельнымъ и нестѣсняя почина своего товарища. Въ свою очередь, другой членъ пары—*отгадчикъ*—долженъ отказаться отъ всякаго личнаго почина, быть умственно недѣятельнымъ, ни о чемъ не думать, а только *стараться чувствовать волю и мысль своего товарища—внушителя*. Пара пускается въ путь и находится въ постоянномъ движеніи: неподвижность или стояніе на одномъ мѣстѣ не общаются успѣха. Я видѣлъ лицъ, которыя по $\frac{1}{2}$ часу и болѣе оставались на мѣстѣ, тупо уставившись, и ничего не могли отгадать, не смотря на то, что потѣли отъ напряженія. Наоборотъ, чѣмъ живѣе движеніе пары, тѣмъ успѣхъ вѣрнѣе. *Bishop*—одинъ изъ лучшихъ отгадчиковъ—не ходитъ, а бѣгаетъ со своей парой; женщина-врачъ, о которой я упомянулъ выше, во время опыта идетъ медленно, но руки ея находятся въ состояніи чрезвычайной подвижности и дѣлаютъ массу мелкихъ ощупывательныхъ движеній, точно эти руки бѣгаютъ по клавишамъ фортепіано (о мимикѣ я скажу впослѣдствіи). Если опытъ производится чисто, то впечатлѣніе на наблюдателя поразительно: отгадчикъ идетъ къ цѣли быстро и, главное, такъ увѣренно, какъ будто онъ уже знаетъ задуманное внушителемъ. Я замѣтилъ, что *Bishop* и

женщина-врачъ, по временамъ, останавливаются въ недоумѣннн и нерѣшительности, но затѣмъ, у перваго послѣ массы вертлявыхъ движеній всѣмъ тѣломъ, а у второй, послѣ ряда оцупывательныхъ движеній рукою, вдругъ сильно нарастаетъ увѣренность, и они мѣтко направляются къ цѣли. Картина носить такой характеръ, какъ будто отгадчикъ, является руководителемъ и зачинщикомъ движенія, а внушитель играетъ страдательную роль и идетъ на буксирѣ. Это ошибочное заключеніе имѣло мѣсто особенно при опытахъ *Bishop'a*, который идетъ не рядомъ, а всегда впереди своей пары. Въ бѣльшей части удачныхъ опытовъ внушитель держитъ отгадчика за лѣвую руку или отгадчикъ внушителя за правую. Это самыя вѣрные пріемы, но въ Англии былъ въ ходу и другой пріемъ: двое внушителей клали свои руки одинъ на грудь, а другой на спину отгадчика и, такимъ образомъ, составляли движущуюся группу ¹⁾).

Присутствуя при опытахъ *Bishop'a* въ С.-Петербургѣ въ 1884 г. и входя въ составъ контрольной комисіи, слѣдившей за опытами, я возымѣлъ счастливую мысль предложить *Bishop'у* два—три вопроса: можетъ ли онъ отгадать, какой цвѣтъ или какой вкусъ я задумалъ. Отрицательные отвѣты *Bishop'a* и его увѣреніе, что этого никто не можетъ отгадать, навели меня на мысль, что отгадыванію доступна только узкая область фактовъ.

Обыкновенныя и, можно сказать, единственныя задачи, доступныя угадыванію, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Прячутъ какой-либо предметъ или вкалываютъ гдѣ либо булавку; и отгадчикъ долженъ найти спрятанное.

2) Задумываютъ какое-либо лицо изъ присутствующихъ; и требуется подойти къ этому лицу.

¹⁾ Тоже описываетъ и проф. *Ватнеръ* (1. с.).

3) Задумываютъ извѣстный предметъ; и нужно подойти къ мѣсту, гдѣ лежитъ этотъ предметъ (остальное понятно).

4) Предлагаютъ отгадать задуманное число, задуманное слово, задуманную фигуру.

5) Отгадать задуманный музыкальный мотивъ.

Мы начинаемъ разборъ сущности задачъ съ психической точки зрѣнія.

Задачи №№ 1, 2 и 3, по существу своему, тождественны и сводятся на угадываніе направленія, въ которомъ надо идти, и мѣста, гдѣ находится задуманный предметъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, собственно говоря, не объ отгадываніи задуманнаго лица или предмета, а только мѣста, гдѣ они находятся. Такое-же значеніе имѣетъ и таинственная обстановка опыта *Bishop'a* съ отгадываніемъ оружія (кинжала), которымъ совершено мнимое убійство и отыскиваніемъ мѣста, гдѣ спрятано это оружіе, и лица, которое его спрятало у себя. Отыскать среди 10—12 кинжаловъ, лежащихъ рядомъ, кинжалъ, употребленный для опыта, значитъ, отыскать мѣсто, гдѣ лежитъ данный кинжалъ.

Задачи №№ 4 и 5 тождественны между собою, но отличаются отъ №№ 1, 2 и 3. Отгадываніе задуманнаго мотива сводится на узнаваніе мѣста, занимаемаго каждою изъ нотъ на клавиатурѣ фортепіано. Отгадать задуманную арію, значитъ, отыскать пальцемъ и придавить требуемые клавиши. Слѣдовательно, задача равна приблизительно прежней—отыскать кинжалъ въ ряду другихъ. Мы сейчасъ увидимъ, что на самомъ дѣлѣ это такъ и бываетъ. Съ перваго взгляда задачи №№ 4 и 5 кажутся невообразимо трудными, но онѣ облегчаются слѣдующими условіями, безъ которыхъ не можетъ обойтись отгад-

чикъ и даже и такой, безспорно опытный, человекъ, какъ *Bishop*. Требуется:

1) Чтобы арія была изъ тѣхъ, которыя отгадчику хорошо извѣстны;

2) Чтобы внушитель былъ музыкантъ, играющій на томъ самомъ инструментѣ, на которомъ исполняется задуманная арія. Когда на сеансѣ *Bishop*'а (11-го ноября 1884 г.) изъ публики къ нему, по недоразумѣнью, вышелъ скрипачъ, то *Bishop* 20 минутъ бился и не могъ рѣшить задачи; и только послѣ этого, къ своему великому неудовольствію, узналъ, что его пара не играетъ на фортепіано. *Bishop* заявилъ, что при такихъ условіяхъ опытъ не можетъ удасться.

3) Дальнѣйшее облегчающее условіе, о которомъ мнѣ говорилъ самъ *Bishop*, состоитъ въ томъ, что онъ обыкновенно отгадываетъ только первыя три ноты и по нимъ уже сразу опредѣляетъ всю арію. Дѣло, слѣдовательно, сводится на узнаваніе цѣлаго по частямъ, въ родѣ отгадыванія, напр., имени *Павель* по двумъ звукамъ *па*, если извѣстно напередъ, что рѣчь идетъ о собственномъ имени. Опытъ отгадыванія задуманнаго слова, задуманнаго ряда цифръ и задуманной фигуры тоже обставленъ ограничительными условіями, а именно:

а) Отгадывающій не можетъ произнести задуманное число или слово—онъ можетъ его только записать, подобно тому, какъ и задуманная нота можетъ быть взята на инструментѣ, но не можетъ быть ни опредѣлена, ни названа безъ посредства инструмента и т. п.

б) Слово или рядъ словъ и цифръ должны быть коротки; не можетъ быть и рѣчи объ отгадываніи, напр., цѣлой строки.

Для всего дальнѣйшаго анализа весьма важно замѣтить, что узнаваніе задачъ первой категоріи (№№ 1, 2

и 3) относительно легко; задачи же второй категоріи (№№ 4 и 5) весьма трудны даже для *Bishop'a*: и онъ часто ошибается, нерѣдко подолгу путаетъ, затрудняясь опредѣлить первыя ноты аріи, первыя буквы слова. Объ этой относительной трудности задачъ второй категоріи *Bishop* всегда предупреждаетъ зрителей, требуя у нихъ терпѣливаго ожиданія и снисхожденія къ неудачѣ.

Мы значительно подвинемся въ разъясненіи интересующаго насъ вопроса, если опредѣлимъ и разграничимъ психологически, какъ это я дѣлалъ въ своихъ наблюденіяхъ, области, гдѣ узнаванія возможны, отъ тѣхъ, которыя ему недоступны. Нельзя отгадать: 1) задуманнаго запаха, 2) задуманнаго вкуса, 3) задуманнаго звука, 4) задуманнаго зрительнаго образа и 5) задуманнаго осязательнаго качества предмета.

Если я, напр., задумаю въ умѣ *домъ* или *церковь*, то этого никто не можетъ отгадать. Если я предложу рѣшить задачу: думаю ли я объ упругомъ или неупругомъ шарѣ, то даже и эта простая альтернатива неразрѣшима: ее отказался рѣшить на мой запросъ даже и «профессоръ физиологіи» *Bishop*. Равнымъ образомъ неразрѣшима и другая простая альтернатива: задуманъ ли очень кислый или умѣренно-кислый вкусъ и т. п. Говоря психологически, *всѣ представленія изъ областей зрительной, слуховой, осязательной, вкусовой и обонятельной—недоступны отгадыванію*. Оказывается, что можно отгадывать легко только тѣ представленія, тѣ мысли, которыя соединены съ *движеніемъ*. Но и въ этомъ отношеніи сфера доступнаго чрезвычайно сужена. Какъ показываютъ приведенные выше примѣры, можно узнать задуманное только при двухъ условіяхъ, а именно; 1) если въ составъ задачи входитъ перемѣщеніе всего туловища въ пространствѣ (локомоторныя движенія): 2) если въ составъ задачи входятъ движенія ру-

кою. Второе положеніе, въ свою очередь, сильно суживается и ограничивается тѣмъ условіемъ, что внушитель пары долженъ *стоять*, а не *сидѣть* (напр., въ опытѣ отгадыванія числа, слова, аріи). Сидѣніе внушителя затрудняетъ отгадываніе. Съ психологической точки зрѣнія это почти равносильно полному уничтоженію второго положенія и замѣнѣ его первымъ: стояніе есть, конечно, одинъ изъ элементовъ, одна изъ фазъ перемѣщенія; сидѣніе же равносильно исключенію перемѣщенія. Всѣ остальные загадки, даже если онѣ связаны съ движеніемъ, недоступны отгадыванію. Въ поясненіе я приведу нѣсколько примѣровъ. Въ качествѣ внушителя экспериментирующей пары я могу, напр., предложить узнать, въ какую сторону я устремилъ взоръ—вправо, или влево—этого мой отгадчикъ собрать никакимъ образомъ не можетъ отгадать.—Другой примѣръ: нужно рѣшить, думаю ли я о домѣ настоящей величины или игрушечной; я напряженно представляю себѣ этотъ домъ стоящимъ въ двухъ шагахъ отъ меня и измѣряю взоромъ его высоту, при чемъ мои глаза дѣлаютъ большія передвиженія въ отвѣсной плоскости, но задача остается неразрѣшимой для отгадчика, онъ отнюдь не понимаетъ моей мысли. Болѣе того—подобныя задачи неразрѣшима даже и при условіяхъ, сходныхъ съ постановкою опытовъ *Bishop*'а и *K⁰*. Я держу руку отгадчика и думаю напряженно объ извѣстномъ словѣ, мысленно произношу это слово, отгадыванія нѣтъ; я кладу руку отгадчика на мою грудь—тоже безъ успѣха... Дальнѣйшіе примѣры излишни. Такимъ образомъ, если въ задуманныхъ движеніяхъ замѣшана даже иннервация глаза или брюшныхъ, голосовыхъ мышцъ и т. д. задача, все-таки, неразрѣшима. Она доступна рѣшенію только при двухъ указанныхъ выше условіяхъ, т. е., при перемѣщеніяхъ и при движеніи рукою. Если бы мысль почтеннаго д-ра

Р. Р. Вредена ¹⁾ была вѣрна, если бы, какъ онъ думаетъ, мозгъ былъ не болѣе, какъ индуктивный приборъ, въ которомъ можетъ быть наведена мысль сосѣдняго мозга, то было бы безразлично, какая категорія мыслей подлежить отгадыванію; и было бы достаточно для успѣха опыта того условія, которое онъ предлагаетъ, т. е., близости двухъ головъ—задумывающей и отгадывающей. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы видѣли, *безъ движенія—нѣтъ угадыванія.*

Уже приведенный фактическій матеріаль многое разъясняетъ. Очевидно, что отгадчикъ руководится передвиженіями внушителя въ однихъ опытахъ и движеніями его руки, не безъ примѣси передвиженія, въ другихъ. Какъ уже было сказано въ началѣ стабъ, объ этомъ догадывались многіе: и выраженіе американскихъ врачей «мышечное чтеніе» (muscle reading) служитъ тому подтвержденіемъ. Съ этой стороны вопросъ о процедурѣ отгадыванія мыслей можно было считать предрѣшеннымъ, но онъ оставался нерѣшеннымъ въ другой своей части: *«какія именно движенія совершаются внушителемъ; почему онъ не сознаетъ этихъ движеній и считаетъ себя недѣятельнымъ; почему его показанія или внушенія до такой степени ясны, что по нимъ отгадчикъ читаетъ, какъ по книжѣ; почему, наконецъ, отгадчикъ не сознаетъ движеній внушителя, а только чувствуетъ какую-то силу, которая его направляетъ?»* Эти вопросы долго оставались неразрѣшенными; и въ этомъ, быть можетъ, и кроется одна изъ причинъ, почему приверженцы мистическаго и адепты вѣры въ тайныя силы не соглашаются признать движенія внушителя за источникъ проницательности отгадчика. Я постараюсь разрѣшить предложенные вопросы, исходя изъ принциповъ фізіологической психологіи и опираясь

¹⁾ St. Petersburger Herold, № 318, 1884.

на провѣрочныя наблюденія, которыя я сдѣлалъ надъ отгадывающими парами. Рѣшеніе этихъ вопросовъ имѣеть не только частный интересъ, по отношенію къ занимающему насъ предмету, но оно не лишено значенія и какъ матеріалъ для ученія о невольныхъ или безсознательныхъ движеніяхъ—вопросъ, который занималъ *Chevreuil*'я, *Faraday*'я, *Carpenter*'а и др. и который играетъ существенную роль въ истолкованіи медиумическихъ явленій. Только съ этой теоретической стороны насъ и занимаетъ вопросъ *чтенія мыслей*, и только въ этомъ направленіи онъ и можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія.

Начнемъ съ разбора психическаго состоянія, въ которомъ находятся внушитель и отгадчикъ. Внушитель имѣеть опредѣленный рядъ мыслей и на нихъ напряженно сосредоточиваетъ вниманіе; отгадчикъ не имѣеть никакой ясной цѣли, и на первое время онъ ни на чемъ не сосредоточиваетъ своей воли; его мимика обнаруживаетъ нерѣшительность, а лицо имѣеть неопредѣленное выраженіе. Если эти факты мы переведемъ на языкъ психической механики, то получимъ слѣдующее существенное различіе между двумя субъектами. Вниманіе, если оно напряжено, оказываетъ, какъ извѣстно, тормозящее или подавляющее дѣйствіе на воспріятіе впечатлѣній: сознаніе внимательнаго человѣка занято опредѣленнымъ кругомъ воспріятій, положимъ, зрительныхъ, а всѣ другія впечатлѣнія съ трудомъ доходятъ до него (углубившись въ извѣстную работу, мы не слышимъ ударовъ маятника). Понятно, что внушитель, вниманіе котораго сосредоточено на задуманномъ, будетъ мало воспріимчивъ къ впечатлѣніямъ отъ собственнаго тѣла, напр., къ движеніямъ, которыя онъ дѣлаетъ, и легко можетъ не замѣтить ихъ. Совершенно въ иныхъ условіяхъ находится человѣкъ съ завязанными глазами, играющій роль отгадчика. Въ на-

чалъ опыта онъ ни на чемъ не сосредоточенъ и потому доступенъ впечатлѣніямъ. Но такъ какъ онъ не пользуется зрѣніемъ и даже получаетъ мало слуховыхъ впечатлѣній (опытъ производится въ условіяхъ полнѣйшей тишины), то воспріятіе осязательныхъ впечатлѣній для него чрезвычайно облегчено; осязательное чувство является его главнымъ средствомъ ориентированія; кожныя и мышечныя чувства будутъ его главными органами внѣшнихъ чувствъ. При такихъ условіяхъ, движенія его товарища—внушителя имѣютъ всѣ шансы производить на него *большое впечатлѣніе*, и притомъ впечатлѣніе, усиленное нечаянностью, потому что отсутствіе зрѣнія дѣлаетъ всякое осязательное впечатлѣніе неожиданнымъ. Значительная часть движеній отгадчика при такихъ условіяхъ получаетъ характеръ какъ бы отраженныхъ, т. е., движенія будутъ легко возникать изъ его осязательныхъ впечатлѣній и будутъ отличаться относительными силой и рѣзкостью; въ сущности слабыя импульсы внушителя будутъ имѣть шансы давать крупныя эффекты, и вслѣдствіе этого едва замѣтные повороты внушителя вызовутъ значительныя соотвѣтственныя передвиженія отгадчика. Если участвовать въ опытѣ въ роли внушителя, то легко убѣдиться, что малѣйшее движеніе оказываетъ уже явное дѣйствіе на отгадчика; равнымъ образомъ и намѣренное уклоненіе отъ принятой цѣли видимо сбиваетъ съ толку отгадчика. Преувеличенность его двигательныхъ реакцій—вполнѣ очевидно. Если наблюдать за манипуляціями отгадчика, то можно замѣтить, что онъ жадно ищетъ указаній внушителя, и въ этомъ отношеніи наблюденіе за мимикой отгадчика многое разъясняетъ. Онъ дѣлаетъ массу пробныхъ движеній (*Bishop*—всѣмъ туловищемъ, женщина-врачъ—рукою); эти движенія слѣдуютъ группами, то оживляясь, то слабѣя и приостанавливаясь. Какъ только отгадчикъ

приостановился, Вы замѣчаете на его лицѣ мимику недоумѣнія: онъ усталъ, онъ не понимаетъ, что надо дѣлать. За оживленными движеніями слѣдуютъ или живая мимика вниманія—онъ напалъ на слѣдъ,—или же, наоборотъ, мимика недоумѣнія—онъ обманулся. Эта связь локомоторныхъ движеній съ мимическими ясно указываетъ, что отгадчикъ руководится, *ощупывая и осязая движенія внушителя*, и только на этомъ сосредоточено его вниманіе.

Но какія движенія производитъ внушитель во время опыта? Рѣшеніе этого вопроса составляетъ существенную часть нашей задачи.

Напряженіе вниманія—если человѣку дана строго опредѣленная задача—ставитъ его въ особыя условія, сущность которыхъ хорошо выяснена физиологическими опытами, касающимися такъ наз. *времени реакціи* (*Reactionszeit Exner'a*). Если изслѣдуемому лицу напередъ извѣстно движеніе, которое ему предстоитъ сдѣлать по полученіи сигнала, и если извѣстно самое качество сигнала, то, какъ показали сказанные опыты, требуемое движеніе можетъ быть заготовлено напередъ; и, благодаря этому, время необходимое для того, чтобы дать отвѣтъ на сигналъ (*Reactionszeit Exner'a*), можетъ быть *значительно укорочено*. Это укороченіе времени падаетъ не на физиологическій, а на психо-физическій проводникъ (т. е., не на проведеніе возбужденія по периферическимъ нервамъ, а на передвиженіе его по центрамъ). Говоря коротко, въ этихъ опытахъ заготавливается напередъ волевой актъ для требуемаго движенія и ожидается сигналъ для начала дѣйствія. Для нашей цѣли чрезвычайно важно остановиться на нѣкоторыхъ, вытекающихъ отсюда, послѣдствіяхъ. Предварительное заготовленіе волеваго акта *превращаетъ психическій процессъ въ простой рефлексъ*. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что

въ опытахъ измѣренія быстроты психическихъ актовъ, когда вниманіе напряжено, случайное впечатлѣніе иногда принимается участникомъ опыта за сигналъ и неудержимо ведетъ къ разрѣшенію заготовленнаго двигательнаго акта. Человѣкъ, съ которымъ это происходитъ, вполне понимаетъ свою ошибку, но не можетъ остановиться: заготовленное движеніе совершается не только независимо отъ его воли, но и наперекоръ ей. Общеизвѣстнымъ, вульгарнымъ, примѣромъ подобнаго психическаго состоянія можетъ служить игра въ перебѣжку. Когда состязающіеся стали въ рядъ и съ напряженнымъ вниманіемъ ждутъ опредѣленнаго сигнала для начала бѣга, то часто случайное впечатлѣніе, а вовсе не условленный сигналъ, заставляетъ нѣкоторыхъ пуститься въ бѣгъ, наперекоръ волѣ и при полномъ сознаніи ошибки. Но возвратимся къ нашему вопросу. Внушитель находится именно въ тѣхъ условіяхъ, какъ и состязающіеся въ перебѣжкѣ или какъ лицо, которое служитъ для опыта съ записью впечатлѣній при психометрическихъ опытахъ. Въ обоихъ случаяхъ, въ ожиданіи сигнала, благодаря напряженному вниманію, двигательные акты для исполненія задуманной задачи заготовлены, и малѣйшая причина можетъ повести къ ихъ осуществленію. Пояснимъ примѣромъ. Пара стоитъ среди комнаты; задумано подойти къ окну, находящемуся впереди и вправо. Внушитель ясно представляетъ себѣ окно, и его вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы подойти къ окну, заготовленный волевой актъ для осуществленія этого движенія составляетъ существенную часть напряженнаго вниманія и, такъ сказать, просится наружу. Но, по условіямъ опыта, отгадчикъ, по возможности, сдерживаетъ проявленіе своей воли и находится въ напряженномъ равновѣсіи. Однакоже, малѣйшее движеніе отгадчика нарушаетъ это равновѣсіе, ибо, по условіямъ того же опыта, внушитель дол-

женъ слушаться движеній отгадчика, не долженъ мѣшать имъ, долженъ слѣдовать за ними. Очевидно, что эти движенія будутъ имѣть для внушителя тоже значеніе, какое имѣетъ сигналъ въ приведенномъ выше физиологическомъ опытѣ записи впечатлѣній. Слѣдовательно всякое движеніе отгадчика будетъ освобождать заготовленные волевые толчки внушителя, въ данномъ примѣрѣ—толчки для движеній къ окну, и эти толчки будутъ жадно восприниматься кожнымъ и мышечнымъ чувствами отгадчика. Сущность описываемаго взаимодействія состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что внушитель постоянно находится въ извѣстномъ состояніи мышечнаго равновѣсія, готоваго всякую минуту разрѣшиться опредѣленнымъ движеніемъ, а отгадчикъ своими движеніями непрерывно выводитъ его изъ этого равновѣсія—чѣмъ и даются ему условія для разоблаченія заготовленныхъ движеній внушителя. Если отгадчикъ случайно попалъ на надлежащія движенія, то его локомоція совпадаетъ съ локомоціей внушителя, какъ у танцующей пары, и никакого насилія одного лица надъ другимъ не будетъ. Въ случаѣ же несогласія движеній, отгадчикъ наталкивается на заготовленное движеніе внушителя, какъ на *препятствіе*. Непрерывная масса этихъ препятствій, какъ уже сказано, постепенно вталкиваетъ отгадчика въ русло движеній, задуманныхъ внушителемъ. Самочувствіе ваше, когда вы исполняете роль отгадчика, несомнѣнно убѣждаетъ васъ въ этомъ. Женщина-врачъ всегда вѣрно угадывала направленіе движенія; и когда задача состояла во взятіи извѣстнаго предмета на извѣстномъ мѣстѣ, то, придя къ мѣсту, она увѣренно говорила: *теперь мы у цѣли, именно здѣсь что-то надо взять*. Когда я пытался поколебать ея увѣренность, говоря, что она ошибается, то она тотчасъ пошатывала руку своего внушителя, и при томъ такъ, чтобы пошатнуть весь

его корпусъ, и увѣренно говорила: «нѣтъ, нѣтъ, мы у цѣли». Ощущенія свои она выражала словами: «рука пассивна», т. е., передвиженіе этой руки вправо, влево, вверхъ, внизъ, вообще во всѣхъ направленіяхъ, не обнаруживаетъ никакихъ разницъ въ оказываемомъ ею противодѣйствиіи. Ясно, что въ этой рукѣ нѣтъ заготовленныхъ двигательныхъ толчковъ. Между тѣмъ, пока цѣль движенія еще недостигнута, пошатываніе руки тотчасъ обнаруживаетъ неодинаковость мышечнаго напряженія по различнымъ направленіямъ и указываетъ на стремленіе корпуса куда-то двигаться.

Движеніе отгадчика, направляемое внушителемъ, скоро становится въ подчиненное положеніе, потому что у внушителя вниманіе напряжено, зрѣніе дѣйствуетъ и имѣется опредѣленная цѣль; у отгадчика же—наоборотъ. Такимъ образомъ, быстрое подчиненіе его неизбежно, тѣмъ болѣе, что отгадчикъ скоро послѣ начала движеній спутывается и утрачиваетъ представленіе о томъ, гдѣ онъ находится, и вообще его ориентированіе затруднено.

Но здѣсь выступаютъ два частные вопроса, существенно важные для окончательнаго разъясненія дѣла. Почему отгадчикъ чувствуетъ не толчки, а только какое-то напряженіе или *неуловимовъ, препятствіе*; и, съ другой стороны, почему внушитель остается въ убѣжденіи, что онъ не даетъ указаній отгадчику и, вообще, не проявляетъ своей воли активно, не насилуетъ отгадчика? Другими словами, отъ чего каждый чувствуетъ обратное тому, что существуетъ на дѣлѣ? Этотъ парадоксальный фактъ складывается изъ нѣсколькихъ моментовъ:

1) Отгадчикъ чувствуетъ не толчки, а плавное давленіе или «указаніе воли», потому что сила сокращенія мышцъ внушителя и сопротивленіе, которое онъ оказываютъ рукѣ отгадчика, нарастаютъ параллельно движе-

ніямъ этой руки,—точно также, какъ напряженіе нашихъ мышцъ пропорціонально силѣ встрѣчнаго вѣтра и его порывамъ: если мы идемъ противъ напора воздуха, то мы сопротивляемся вѣтру плавно, безъ толчковъ.

2) Внушитель не сознаетъ своихъ мышечныхъ сокращеній какъ чего-то активнаго, зависящаго отъ его воли,—главнымъ образомъ, потому, что эти движенія разрѣшаются независимо отъ него и совершенно невольно, подъ вліяніемъ движеній отгадчика. Строго говоря, внушитель не производитъ своихъ движеній: онъ только возвращаетъ члены въ то состоянія равновѣсія, въ то положеніе, изъ котораго они сейчасъ выведены движеніемъ отгадчика; и потому онъ по совѣсти можетъ считать себя недѣятельнымъ. Субъэктивное убѣжденіе внушителя въ своей недѣятельности имѣетъ, сверхъ того, несомнѣнное психологическое основаніе въ томъ фактѣ, что между актомъ воли, заготовившимъ движеніе, и самымъ исполненіемъ этого движенія протекаетъ болѣе или менѣе продолжительный, неопредѣленный промежутокъ времени, который въ сознаніи выполняется множествомъ текущихъ воспріятій, такъ что ближайшая связь между актомъ воли и движеніемъ теряется.

3) Наконецъ, по самымъ условіямъ опыта (вниманіе отгадчика къ волѣ внушителя), между внушителемъ и отгадчикомъ устанавливается извѣстное взаимное приспособленіе, подобное тому, напр., какое существуетъ между препятствіемъ, представляемымъ водою веслу гребца, и напряженіемъ мышцъ этого послѣдняго. Вслѣдствіе этого и внушитель, и отгадчикъ, сознаютъ себя субъэктивно свободными и самодѣятельными: каждый изъ нихъ оцѣниваетъ свою роль съ субъэктивной, психической точки зрѣнія, а не съ объэктивной, фізіологической.

Изложенныя общія воззрѣнія окончательно разъясняются на частныхъ примѣрахъ, къ описанію которыхъ мы и переходимъ. Пусть, задумана задача подойти къ окну, находящемуся впереди и влѣво отъ производящей опыты пары. По свойству задачи, въ составъ акта вниманія у внушителя входятъ заготовленныя локомоторныя движенія для перемѣщенія къ означенному мѣсту. Пусть, отгадчикъ, не зная цѣли, сдѣлаетъ первое движеніе вправо, т. е., въ сторону, противоположную отъ цѣли, — онъ тотчасъ-же натолкнется на систему заготовленныхъ двигательныхъ напряженій внушителя и, если не повернетъ сразу, то, наталкиваясь на эти препятствія при всякомъ новомъ ошибочномъ движеніи, онъ постепенно отклонится отъ первоначально взятаго пути и войдетъ въ русло движеній внушителя. Что будетъ при приближеніи къ цѣли? По условіямъ опыта, внушитель долженъ непремѣнно думать о предметѣ, въ данномъ случаѣ — объ окнѣ. Съ постепеннымъ приближеніемъ къ предмету величина его образа на сѣтчаткѣ внушителя увеличивается; вслѣдствіе этого актъ вниманія нарастаетъ, а послѣднее, какъ извѣстно (*Fechner*), неразрывно связано съ усиленіемъ существующей иннервации. Наростаніе это, однако-же, весьма незначительно, и этимъ объясняются частыя ошибки отгадчика. Но разъ онъ, дѣйствительно, пришелъ къ цѣли, загадка уже вполнѣ разъясняется по отсутствію локомоторной иннервации у внушителя: куда бы вы, въ роли отгадчика, ни передвигали внушителя, вы встрѣчаете равныя *противодѣйствія*. Между тѣмъ, пока движеніе неокончено, пока вы не пришли къ цѣли, *противодѣйствіе* внушителя будетъ наименьшимъ въ направленіи и въ сторону цѣли наибольшимъ въ обратную сторону и равнымъ въ обѣ боковыя стороны. Достиженіе цѣли въ такой степени ясно чувствуется, что женщина-врачъ, бывшая предметомъ

опытовъ, всякій разъ съ убѣжденіемъ говорила: «мы у цели... тутъ на этомъ мѣстѣ надо что-то искать» и т. д.; и это убѣжденіе вытекало у нея изъ того факта, что внушитель оказывался недѣятельнымъ, куда бы его ни направлять. *Bishop* значительно облегчаетъ себѣ распознаваніе локомоторныхъ движеній своего товарища тѣмъ, что быстро движется; очевидно, что при такихъ условіяхъ всѣ разницы должны выступать рѣзко.

Весьма интересно упомянуть о фактѣ, который былъ мнѣ переданъ очевидцами, какъ курьезъ, и который легко можетъ быть объясненъ послѣ всего сказаннаго. Однажды внушитель спряталъ булавку, заколовъ ее себѣ въ платье. Отгадчикъ долго искалъ ее. Наконецъ, оба стали кружиться въ районѣ самаго ничтожнаго поперечника, и въ заключеніе отгадчикъ усталъ и объяснилъ, что булавка гдѣ-то тутъ близко, но найти онъ ея не можетъ. Ясно, что внушитель не могъ имѣть никакихъ заготовленныхъ двигательныхъ актовъ къ перемѣщенію, и отгадчикъ это смутно сознавалъ.

Еще съ большею ясностью заготовленная воля можетъ быть распознаваема въ опытѣ угадыванія задуманнаго числа, слова или фигуры. Отгадываніе задуманной фигуры представляетъ, конечно, задачу, сходную съ отгадываніемъ буквъ и цифръ. Дѣло идетъ объ очертаніи различной кривизны, какъ и въ цифрахъ и буквахъ. По условіямъ опыта, отгадчикъ *пишетъ* задуманное внушителемъ; очевидно, что въ умѣ внушителя должны возникать очертанія или *письменные* знаки, соотвѣтствующие задуманному слову, фигурѣ или числу, а въ его правой рукѣ должны напрашиваться заготовленные двигательные толчки для письменнаго изображенія. Наблюденіе вполнѣ подтвердило это. Я опишу подробно путь, какимъ я пришелъ къ опытному рѣшенію этого положенія. Я рассууж-

далъ слѣдующимъ образомъ: если я предложу кому-либо задумать одну изъ двухъ цифръ 1 или 7, то иннервация, которую это лицо заготовить, будетъ въ первомъ случаѣ выражена въ стремленіи двинуть руку въ направленіи ея длинника, а, во второмъ, т. е., для 7, первое движеніе должно будетъ состоять въ отведеніи руки, необходимо для написанія первой, горизонтальной, черты. Задавъ женщинѣ-врачу такую задачу и не обнаруживая пока своего плана, я взялся отгадывать. Для этого, держа экспериментируемое лицо моею лѣвой рукой за правую руку (за предплечіе, у самой кисти руки), я сдѣлалъ нѣсколько пробныхъ движеній приведенія и отведенія этой руки и замѣтилъ, что рука одинаково подвижна въ обоихъ направленіяхъ. Тогда я попробовалъ потянуть руку впередъ и назадъ, т. е., по направленію ея длинника и тотчасъ убѣдился въ существованіи очевиднаго мышечнаго напряженія въ этомъ направленіи,—я заключилъ о скрытомъ намѣреніи писать 1, и догадка оправдалась. Я сталъ повторять опыты съ этими-же двумя цифрами и тотчасъ встрѣтился съ условіями, которыя ясно указывали, что была задумана цифра 7. Эти условія выразались въ томъ, что я встрѣчалъ значительную косность руки при попыткахъ перемѣщенія руки вправо и влѣво, какъ будто я имѣлъ дѣло съ окоченѣлой рукой. Было ясно, что рука готовилась писать горизонтальную черту цифры 7; по существованію этой одной черты я заключилъ объ остальномъ. Сдѣлавъ пробу на многихъ лицахъ и даже на дѣтяхъ, я научился довольно хорошо отгадывать задуманные 1 или 7¹⁾. Послѣ этого я перешелъ къ 0. Я предлагалъ задум-

¹⁾ Для начала упражненій я совѣтую предлагать загадчику выбрать одну изъ двухъ фигуръ или т. е. вертикальную и горизонтальную черту и, научившись узнавать ихъ, перейти уже къ другимъ правильнымъ фигурамъ, напр., кругу, квадрату и т. д. Буквы и цифры для начала трудны.

мать одну изъ трехъ цифръ—1, 7, 0—и начиналъ процедуру отгадыванія съ того, что пробовалъ, не задумано ли 7, не задумана ли 1, послѣ чего быстро дѣлалъ движеніе, которое составляетъ діагональ двухъ первыхъ пробъ, и тогда выяснялся вопросъ, гдѣ я встрѣчалъ наибольшее сопротивленіе. Если тахітумъ сопротивленія лежалъ по діагонали, то я заключалъ, что задуманъ 0. Успѣхъ отгадыванія оправдалъ ожиданія. Тогда я перешелъ къ буквамъ N и O. Первую я отгадываю по присутствію признаковъ, соотвѣтствующихъ единицѣ, а послѣднюю по признакамъ, соотвѣтствующимъ нулю. Цифру 4 я научился отгадывать, исходя изъ 1, при чемъ я убѣдился въ относительной трудности операціи и въ возможности смѣшать обѣ цифры, такъ какъ первая черта у обѣихъ общая; тогда я пришелъ къ мысли заставлять загадывающаго смотрѣть внимательно на пустое мѣсто нарисованнаго квадрата и живо воображать себѣ задуманную цифру вписанной въ квадратъ. Оказалось, что, при такой постановкѣ дѣла (въ которой, какъ извѣстно, прибѣгаетъ и *Bishop*), движенія руки становятся гораздо болѣе отчетливыми подъ вліяніемъ, конечно, возникающаго при этихъ условіяхъ сочетаннаго движенія рукъ и глазъ. Говоря коротко, рука въ этомъ случаѣ начинаетъ работать подъ руководствомъ глазъ. Какъ скоро я ввелъ это условіе, то всѣ операціи отгадыванія значительно облегчились; и получилась возможность почти безошибочно различать цифры 4 и 1. Когда загадавшее лицо смотритъ въ квадратики, то, въ случаѣ цифры 4, оно оказываетъ бѣльшее сопротивленіе перемѣщенію руки, и самая экскурсія руки становится очень малой, какъ будто рука боится расчеркнуться въ длину цѣлаго квадрата. По этой малой экскурсіи и отличаю 4 отъ единицы. Чтобы напрактиковаться, я составлялъ ряды въ родѣ слѣдующихъ: 1704,

7104, 0174, 4170, 4071, 4017, 4710, и предлагалъ загадчику выбирать по произволу то или другое число; и это окончательно разъяснило принципъ отгадыванія. Цифру 3 я отгадывалъ слѣдующимъ образомъ: убѣдившись въ существованіи верхней горизонтальной черты, я внезапно двигаю руку загадчика, чтобы убѣдиться въ существованіи мышечнаго напряженія въ направленіи, отвѣсномъ къ первому. Умѣренная степень найденнаго препятствія обозначаетъ длинную черту цифры 7, а большое упорство руки, которая какъ бы боится сдвинуться съ мѣста, обозначаетъ короткую черту, т. е., соотвѣтствуетъ отвѣсной линіи цифры 3; о существованіи же остальной части этого знака, т. е. кривой линіи, составляющей нижнюю часть цифры, я просто умозаключаю.

Описаніе дальнѣйшихъ пріемовъ излишне. Все обученіе заняло у меня нѣсколько дней. Буквы легко отгадывать по тѣмъ-же пріемамъ, какіе описаны для цифръ. Я дѣлалъ также попытки угадывать задуманную фигуру; для этого я рисовалъ нѣсколько фигуръ, болѣе или менѣе отличавшихся, но одинаковой величины,—положимъ, нѣсколько профилей лица, обращенныхъ въ одну сторону, но отличавшихся, напр., формой носа,—(острый носъ, толстый носъ и проч.) и предлагалъ задумать одну изъ нихъ. Я отгадывалъ задуманное.

Остается сказать о психическомъ состояніи участниковъ опыта. Прежде всего возникаетъ вопросъ, не находится ли отгадчикъ въ одномъ изъ тѣхъ состояній, при которыхъ сознаніе подавлено, а воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ повышена (истерія, гипнозъ). Я прихожу къ отрицательному выводу, основываясь на томъ, что мнѣ приходилось наблюдать. Нѣкоторыя лица, дѣйствительно, волнуются во время опыта, въ особенности если прибѣгаютъ къ нелѣпымъ и бесполезнымъ пріемамъ,

напр., наклоненію головы, покачиваніямъ и т. п.; но у женщины-врача я находилъ полное спокойствіе, какъ будто она находилась за работой. Я тоже произвожу отгадываніе безъ малѣйшаго волненія.

Опыты чтенія мыслей, какъ сказано выше, я демонстрировалъ съ успѣхомъ въ засѣданіи Общества психіатровъ въ С.-Петербургѣ 16 Декабря 1884 года. Опыты были сдѣланы надъ членами Общества. Объ этихъ опытахъ въ газетѣ «Новости» № 347 было сообщено слѣдующее:

«Въ засѣданіи Психіатрическаго Общества, 16 го Декабря 1884 года, проф. *Сикорскій* сдѣлалъ сообщеніе, возбудившее величайшій интересъ тѣмъ что предъ объясненіемъ самой сущности процесса отгадыванія мыслей проф. *Сикорскій* предложилъ присутствовавшимъ задумать цифры и фигуры. Все задуманное въ написанномъ видѣ передавалось предсѣдателю проф. *И. П. Мержевскому*. Опытъ былъ обставленъ со всей научной строгостью. Проф. *Сикорскій* быстро и безошибочно отгадывалъ задуманное при общемъ напряженіи вниманія ученой публики».

Быть можетъ, самую существенную и самую интересную сторону разобраннаго нами вопроса составляетъ возможность извлечь изъ него нѣкоторые выводы, пригодные для рѣшенія одного капитальнаго вопроса психологіи. Я разумѣю вопросъ о соотношеніи между *актомъ вниманія*, какъ состояніемъ психическимъ, и *напряженіемъ мышцъ*, какъ состояніемъ физиологическимъ. Эта психофизическая связь была извѣстна *Fechner'у*, но онъ заключалъ о ней по субъективнымъ ощущеніямъ. Новѣйшая психологія придаетъ особенно важное значеніе выясненію этого вопроса. Современные французскіе психологи (*Egger*) говорятъ о *внутренней рѣчи* (*parole interne*), разумѣя подъ этимъ понятіемъ всю сумму матеріальныхъ субстратовъ, свойственныхъ извѣстному психическому акту, какъ состоянію субъективному. Англійскіе психологи различаютъ

состояніе *сильное* и состояніе *слабое*: первый терминъ обозначаетъ собою реальный внѣшній актъ (напр., движеніе руки), а второй—психическій (мысль о движеніи, намѣреніе двинуть рукою). Эта терминологія уже указываетъ на сущность воззрѣній англійскихъ психологовъ. *Herbert Spencer* является наиболѣе полнымъ выразителемъ этихъ воззрѣній: онъ считаетъ мысль объ извѣстномъ движеніи только слабымъ зачаточнымъ проявленіемъ тѣхъ самыхъ процессовъ, которые происходятъ при дѣйствительномъ движеніи. Нѣмецкіе психологи (*Wundt*) не разнятся отъ англійскихъ въ своихъ взглядахъ на данный вопросъ. Изъ русскихъ психологовъ проф. *И. А. Сеченовъ* раздѣляетъ ту же точку зрѣнія¹⁾. Какъ ни естественнымъ кажется подобный взглядъ на интересующую насъ психофизическую задачу, нужно сознаться, однако же, что для него не существовало никакого прямого доказательства. Существовавшіе доводы или имѣютъ умозрительный характеръ, или же основаны на аналогіяхъ.

Возможность узнавать задуманное движеніе по извѣстному напряженію мышцъ даетъ основаніе для положительнаго рѣшенія вопроса: очевидно, что въ составъ мысли о движеніи входитъ дѣйствительное напряженіе мышцъ или, другими словами,—мысль о совершеніи извѣстнаго двигательнаго акта сопровождается подготовительнымъ напряженіемъ тѣхъ мышечныхъ группъ, которыя должны работать при осуществленіи самого движенія. Такимъ образомъ, незамысловатый психическій опытъ чтенія мыслей получаетъ значеніе доказательства въ рѣшеніи крупнаго психологическаго вопроса.

Я долженъ указать на примѣненіе разобраннаго вопроса къ рѣшенію еще и другой психологической задачи.

¹⁾ Элементы мысли, Вѣстникъ Европы, 1879.

Я имѣю въ виду вопросъ о т. наз. *иннервационныхъ чувствахъ*, которыми нѣкоторые психологи (*Wundt*) думали замѣнить отчасти мышечныя чувства. Предполагалось, что въ мыслительныхъ процессахъ наше сознание судить о силѣ мышечныхъ сокращеній по степени центральной иннервации, которая заготовлена или воспроизведена воспоминаніемъ. Теоретически такое мнѣніе, безъ сомнѣнія, допустимо. Но теперь является вопросъ, не проще ли, не вводя новыхъ понятій, думать объ иннервационномъ чувствѣ, какъ о психическомъ актѣ, который имѣетъ свои корни въ периферіи. Такое воззрѣніе основано на реальныхъ фактахъ, тогда какъ мнѣніе о существованіи центральныхъ иннервационныхъ чувствъ имѣетъ за себя лишь умозрительные доводы.

II.

Черты изъ психологіи славянъ.

Речь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Славянскаго благотворительнаго общества 14 мая 1895 года. ¹⁾

Исслѣдованія въ области антропологіи открыли рядъ крайне интересныхъ фактовъ касательно устойчивости, съ которой физическія свойства расы или племени сохраняются въ продолженіе длинной цѣпи вѣковъ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію. Цвѣтъ кожи и волосъ, цвѣтъ глазъ, форма и размѣры черепа передаются, какъ физическое наслѣдіе, нисходящимъ поколѣніямъ. Благодаря этому, по ископаемымъ черепамъ, сохранившимся въ землѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, можно опредѣлить, нерѣдко съ совершенной точностью, расу и племя, къ которымъ принадлежалъ черепъ.

Но, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе интереса представляетъ тотъ фактъ что подобною-же устойчивостью отличаются и духовныя качества расы или племени. Черты народнаго характера, его достоинства и недостатки передаются нисходящимъ поколѣніямъ: черезъ тысячи лѣтъ въ

¹⁾ Напечатано въ Журналѣ: *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, Juin 1898 и въ отчетахъ Славянск. Общ. въ Кіевѣ.

данной расѣ мы встрѣчаемъ тѣ-же особенности народнаго характера. Французъ XIX столѣтія, говоритъ Рибо, представляетъ тѣ-же черты характера, что Галль времянь Цезаря. «Галлы, говоритъ Цезарь, любятъ перевороты, увлекаются всякими ложными слухами и предпринимаютъ дѣйствія, о которыхъ впоследствии сожалѣютъ; они вдругъ рѣшаютъ самые важные вопросы; неудача повергаетъ ихъ въ отчаяніе; они необдуманно и безъ достаточной причины предпринимаютъ войны; въ несчастіи теряютъ голову и падаютъ духомъ». Кто въ этомъ описаніи Юлія Цезаря не узнаетъ современныхъ французовъ, говоритъ Рибо.

Сравнимая историческія описанія характера русскаго племени и другихъ племенъ славянской расы, мы находимъ тѣ-же основныя черты теперь, что и тысячу лѣтъ назадъ: то-же славянское миролюбіе и гостепріимство, ту же любовь къ труду, тѣ-же семейныя добродѣтели, тотъ-же идеализмъ, ту же славянскую рознь и ту-же нерѣшительность характера, которая отличали большую часть славянъ въ теченіе тысячи лѣтъ ихъ исторической жизни.

Черты характера народа имѣютъ извѣстное вліяніе и на его историческія судьбы; ознакомленіе съ этими чертами стало предметомъ, возбуждающимъ общій интересъ. Въ наши дни психологія народовъ становится предметомъ изслѣдованій; это касается всѣхъ культурныхъ націй и въ меньшей степени русскихъ и другихъ славянъ.

Появленіе славянскаго племени на авансценѣ міра, говоритъ Ренанъ, есть самое поразительное событіе настоящаго столѣтія. Славянскія племена начинаютъ принимать рѣшительное участіе не только въ политической, но и въ культурной жизни народовъ. «Будущее, говоритъ Ренанъ, покажетъ мѣрку для оцѣнки того, что дастъ человечеству этотъ удивительный славянскій геній съ его пылкой вѣрой, съ его глубокимъ чутъемъ, съ его особен-

ными воззрѣніями на жизнь и смерть, съ его потребностью мученичества, съ его жаждой идеаловъ». Эта тонкая глубокомысленная характеристика обнимаетъ существенныя черты психологіи славянъ и неожиданно вводитъ насъ въ міръ новыхъ и старыхъ фактовъ изъ жизни великой расы, которой всѣ мы имѣемъ честь и счастье принадлежать.

Какъ сложились основныя черты славянской души, славянскаго генія,—это скрыто отъ насъ непроницаемымъ покровомъ доисторическихъ временъ; но несомнѣнно, что на развитіе народнаго духа оказали важное вліяніе два фактора: антропологическій составъ племени и внѣшняя природа, среди которой живетъ славянская раса, въ особенности крупнѣйшая вѣтвь ея—русское племя. Эту природу можно назвать болѣе бѣдной, а условія жизни болѣе тяжелыми въ сравненіи съ природой и жизненными условіями, въ которыхъ живутъ другіе народы. Отличаясь рѣзкимъ переходомъ отъ тепла къ холоду и болѣе низкой средней температурой, восточная половина Европы налагаетъ на своихъ обитателей необходимость напряженнаго труда для добыванія насущнаго хлѣба, а также для добыванія теплаго платья и устройства теплыхъ жилищъ, въ которыхъ гораздо менѣе нуждаются жители болѣе благодатныхъ уголковъ Западной Европы. Отъ самаго бѣднаго человѣка наша суровая природа требуетъ теплаго полушубка, тепло истопленной избы, т. е. такихъ расходовъ, отъ которыхъ избавленъ человѣкъ Западной Европы. Физическія условія, среди которыхъ живетъ русское племя, составляютъ причину высокой смертности, именно 34 смерти на одну тысячу населенія въ годъ. Такой высокой смертности не даетъ ни одна страна въ Европѣ. Въ Англіи 22,3 смерти на тысячу населенія, Франціи 21,5, Германіи 26,5, Австріи 31,1, Италіи 30,25 и т. д.

Природа Восточной Европы сурова и небогата впечатлѣніями, которыя дѣйствуютъ на душу человѣка. Нельзя не удивляться, какимъ образомъ могло развиться глубокое чувство у народа, живущаго среди этой бѣдной природы, — сѣрой, однообразной, почти лишенной красокъ. Не менѣе удивительно, какимъ образомъ плоская, приземистая, монотонная по своему рельефу страна, почти лишенная внѣшняго величія, могла воспитать великій народный духъ? Это составляетъ истинную психологическую загадку, которая едва-ли разъясняется предположеніемъ, что славянская раса, въ ряду другихъ идно-европейскихъ расъ, отличается наибольшей чистотой крови и менѣе другихъ расъ пострадала отъ смѣшенія съ инородцами (Maury) по крайней мѣрѣ за послѣднее тысячелѣтіе.

Внѣшняя природа великой Европейской равнины, не дающая своимъ обитателямъ ни ласкъ, ни тепла, ни яркихъ и сильныхъ впечатлѣній, рано заставила ихъ углубляться въ самихъ себя и искать ободряющихъ впечатлѣній въ человѣческомъ духѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что славяне вообще и русскіе въ частности отличаются склонностью къ внутреннему анализу, въ особенности къ анализу нравственному. Окружающая человѣка обстановка жизни мало интересуютъ русскаго человѣка; онъ обходится безъ внѣшняго комфорта, необходимаго англичанину, безъ избытка изящества, которымъ окружаетъ себя французъ; русскій довольствуется простой внѣшностью, не ищетъ удобствъ и всему предпочитаетъ теплую душу и открытое сердце. Когда разсматриваешь всемірныя художественныя выставки и обращаешь вниманіе на темы, разрабатываемыя художниками различныхъ національностей; то невольно бросается въ глаза у русскихъ художниковъ бѣдность колорита и въ то-же время обиліе и глубина

психологическихъ темъ. То-же мы замѣчаемъ и у выдающихся писателей, напр., у Лермонтова, Тургенева, Достоевскаго—психологическій анализъ на первомъ планѣ, изображеніе внѣшней природы на второмъ. Нѣчто подобное замѣчается и въ другихъ проявленіяхъ жизни. Такимъ образомъ *культура духа*, въ противоположность *культуры природы*, составляетъ отличительную черту славянскаго народнаго генія.

Указанныя свойства славянской природы проявляются съ очевидной ясностью въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ явленій жизни, именно въ актѣ самосохраненія.

Выше мы видѣли, какую великую дань платитъ смерти русскій народъ въ борьбѣ съ физической природой: смертность отъ болѣзней въ Россіи превышаетъ подобную же смертность у всѣхъ другихъ народовъ Европы. Тѣмъ поразительнѣе, что славяне, въ особенности-же русскіе, проявляютъ великую силу въ дѣлѣ нравственнаго самосохраненія, особенно въ охраненіи себя отъ такихъ золъ, какъ самоубійство и преступленіе.

Мрачное рѣшеніе наложить на себя руки принадлежитъ къ числу величайшихъ несчастій, постигающихъ человѣка, и это несчастье, столь противоположное инстинкту самосохраненія, возрастаетъ у всѣхъ народовъ Европы изъ года въ годъ. Съ 1818 г., когда впервые создавалась статистика самоубійствъ, они увеличились въ ужасающей пропорціи. Самоубійство стало обыкновеннымъ явленіемъ жизни, и хотя, въ большей части случаевъ, ему предшествуетъ тяжелая драма, вѣсть о немъ въ наши дни поражаетъ людей не болѣе, чѣмъ вѣсть объ естественной смерти. Въ такой поразительной степени понизился инстинктъ самосохраненія!

Сравнивая различныя страны Европы въ отношеніи числа самоубійствъ, мы видимъ, что славяне въ особен-

ности-же русскіе, даютъ наименьшее число самоубійствъ. На 1 милліонъ жителей приходится самоубійствъ:

въ Саксоніи	311
» Франціи	210
» Пруссіи	133
» Австріи	130
» Баваріи	90
» Англіи	66
» Россіи	30

Что подобное, столь поразительное различіе зависитъ не отъ климата, не отъ образованности населенія и другихъ причинъ, а только отъ свойствъ расы—это доказывается тѣмъ фактомъ, что въ Австріи и Пруссіи смежно живущія населенія, славянскія и нѣмецкія, даютъ неодинаковое число самоубійствъ, именно—незначительное число самоубійствъ въ славянскомъ населеніи и большое число въ нѣмецкомъ. То-же замѣчается и въ смѣшанныхъ славянскихъ поселеніяхъ. Въ Австріи присутствіе элемента южно-славянскаго тоже очень сильно уменьшаетъ склонность къ самоубійству: тѣ страны, гдѣ славянъ много (въ Далмаціи 89^{0/0}, Славоніи-Хорватіи 94^{0/0}, Военной Границѣ 99^{0/0}), имѣютъ самую малую цифру самоубійствъ—25 на 1 милліонъ, чрезвычайно близкую къ той, которую даетъ русскій народъ. Въ Чехіи и Моравіи—сѣверныхъ славянскихъ земляхъ Австріи, гдѣ много нѣмцевъ, склонность къ самоубійству высока—147 на 1 мил. Въ Россіи коренное русское населеніе даетъ небольшое число самоубійствъ. Относительно Россіи Морзелли говоритъ слѣдующее: «славянскій элементъ понижаетъ среднюю цифру самоубійствъ, и народы финно-алтайскіе на сѣверныхъ славянъ вліяютъ такъ-же, какъ германское племя на южныхъ славянъ, т. е. повышаютъ склонность къ самоубійствамъ. Разсматривая число самоубійствъ въ Россіи и

въ Европѣ за длинный промежутокъ времени, мы встрѣчаемся еще съ однимъ поразительнымъ фактомъ, а именно: число самоубійствъ въ Россіи осталось почти безъ всякаго увеличенія за послѣднія 30 лѣтъ, между тѣмъ, какъ у всѣхъ народовъ Европы число самоубійствъ возросло за это время почти на 30—40%. Такимъ образомъ, самоубійство въ Россіи приближается къ смертности отъ болѣзней. Можно поэтому сказать, что самоубійство въ Россіи болѣе напоминаетъ собою зло физическое, тогда какъ въ Западной Европѣ носитъ свойства нравственнаго зла.

Каковы-бы ни были воззрѣнія на причину самоубійства, остается несомнѣннымъ фактъ, что славянская раса отличается особенной нравственной выносливостью.

Но есть зло, худшее смерти—это преступленіе. Великій мудрецъ древности и вмѣстѣ величайшій изъ людей—Сократъ сказалъ, что легче охранять себя отъ смерти, чѣмъ отъ преступленія. Данныя нравственной статистики, наравнѣ съ данными о самоубійствахъ, могутъ служить мѣрой нравственнаго самосохраненія.

Prof. *Richmund Mayo-Smith*. (*Statistics und Sociology*. New-York 1896) даетъ слѣдующія цифры преступности.

Осуждено на 100,000 населенія:

(Данныя *Vodio*.)

Страна.	Убійство.	Тѣлесн. пов.	Воровство.
Италіи . .	8,05	226,6	78,17
Франціи .	1,46	71,62	114,79
Германіи .	0,80	154,70	177,36
Англии . .	0,40		

Сравнивая данныя, касающіяся болѣе тяжкихъ видовъ преступленій у различныхъ народовъ за 1887 г., мы получаемъ слѣдующій рядъ таблицъ; число осужденныхъ за убійство въ 1887 году на 1 миллионъ населенія было:

въ Италіи . . .	96
» Испаніи . . .	55
» Австріи . . .	22
» Россіи . . .	20
» Франціи . . .	15
» Германіи . . .	9
» Англии . . .	6

Осужденныхъ за воровство на 1 миллионъ въ томъ же году было:

Въ Германіи . . .	1840
Въ Англии . . .	1385
Во Франціи . . .	1128
Въ Россіи . . .	482

Наконецъ, приведемъ число осужденныхъ за тѣ преступленія противъ нравственности, которыя, по словамъ Монтескье, скорѣе приводятъ къ гибели государства, нежели самое нарушеніе законовъ. Число преступленій этого рода на 2 миллиона жителей приходится.

во Франціи	21,7
въ Италіи	7,4
» Россіи	6,7 *)

Въ такихъ размѣрахъ выражается нравственное самосохраненіе славянъ въ отношеніи главныхъ видовъ преступленій.

*) Данныя касательно преступности заимствованы изъ соч.: Garofalo, La Criminologie. Paris, 1890. A. Bournet, De la criminalité en France et en Italie Paris, 1884. Касательно Россіи: „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по уголовнымъ дѣламъ, производившимся въ 1887 г.“. Спб. 1881 года. Изд. Мин Юст.

Едва ли нужно говорить о томъ, что нравственное самосохраненіе не дается легко, что оно требуетъ затраты силъ, требуетъ особеннаго напряженнаго труда. Оно представляетъ скорѣе подвигъ, чѣмъ явленіе обыкновеннаго порядка.

Понятно, что народъ, который живетъ согласно правилу: *лучше смерть, чѣмъ нравственная уступка*—долженъ неминуемо затрачивать много физическихъ силъ, много энергіи. Безъ сомнѣнія эта энергія измѣряется не количествомъ воздвигнутыхъ зданій, не числомъ верствъ вновь открытой желѣзной дороги, не количествомъ матеріальныхъ сбереженій или иной матеріальной мѣрой, она не измѣряется даже умственными приобрѣтеніями; она имѣетъ значеніе и цѣну высшаго факта и является въ формѣ коллективнаго нравственнаго усовершенствованія, въ формѣ нравственнаго инстинкта, совмѣщающаго въ себѣ всѣ стороны духовной жизни народа. Бдительность и вѣрное дѣйствіе этого инстинкта есть величайшая и труднѣйшая задача, которая не можетъ быть достигнута безъ крайняго напряженія физическихъ силъ. Мы считаемъ вѣроятнымъ, что высокая смертность отъ болѣзней въ Россіи должна быть отчасти объяснена затратой силъ на нравственное самосохраненіе. Поэтому выраженіе, которымъ мы старались охарактеризовать направленіе нравственной жизни славянъ: *лучше смерть, чѣмъ нравственная уступка*—это выраженіе вовсе не метафора, а реальность. Пояснимъ эту мысль. Что добываніе куска хлѣба и теплаго платья, устройство теплыхъ жилищъ, борьба съ суровой природой требуютъ затраты силъ—это ни въ комъ не можетъ возбуждать сомнѣнія. Но физиологія и психологія также доказали, что и нравственныя усилія, нравственное самосохраненіе, въ свою очередь, неминуемо требуютъ траты физическихъ силъ и притомъ гораздо

большей, чѣмъ какая-бы то ни было тяжелая физическая работа. Животное, скажемъ словами фізіолога, тратитъ много силъ на то, что его ухо слышитъ, его глазъ видитъ, его органы чувствъ бодрствуютъ. Гораздо большей затраты силъ требуетъ бодрственное состояніе народной совѣсти. Поэтому мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что народъ, отличающійся высшимъ нравственнымъ самосохраненіемъ, тѣмъ самымъ совершаетъ и великій фізіологическій трудъ.

Послѣ сказаннаго, можетъ быть, покажется излишней и не требующей доказательствъ мысль о томъ, что русскій народъ не тратитъ времени попустому, но мы все таки скажемъ нѣсколько словъ по этому поводу, въ особенности въ виду обще-распространеннаго предразсудка отчасти въ Россіи и за границей, будто русскій народъ бесполезно тратитъ время, равное четверти года, на праздники. При скудной пищѣ, которою питается русскій простолюдинъ, сохраненіе здоровья и поддержаніе фізіологическихъ силъ возможно только при помощи частыхъ отдыховъ. Праздники, какъ дни отдыха, удовлетворяя религіознымъ и нравственнымъ требованіямъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ, условіемъ, дающимъ возможность русскому человѣку бодро выдерживать тяжелый трудъ, налагаемый природой и историческими условіями жизни.

Вѣковая привычка къ напряженной физической и нравственной работѣ, вмѣстѣ съ пережитыми тяжелыми историческими судьбами, придали славянской расѣ особый отпечатокъ, который нынѣ уже составляетъ прочную унаслѣдованную особенность народнаго характера. Самыми типическими чертами этого характера являются: *скорбь, терпѣніе и величіе духа среди несчастій*. Рольстонъ справедливо говоритъ, что русскій народъ склоненъ къ меланхоліи, составляющей типическую его черту. Брандесъ,

характеризуя произведенія Тургенева, какъ національнаго писателя, говоритъ, что «въ произведеніяхъ Тургенева много чувства, и это чувство всегда отзывается скорбью, своеобразной глубокой скорбью; по своему общему характеру это есть славянская скорбь, тихая, грустная, та самая нота, которая звучитъ во всѣхъ славянскихъ пѣсняхъ». Для характеристики этой славянской скорби и разъясненія ея психологическаго характера мы можемъ прибавить, что наша національная скорбь чужда всякаго пессимизма и не приводитъ ни къ отчаянію, ни къ самоубійству, напротивъ, это есть та скорбь, о которой говоритъ Ренанъ, что она *«влечетъ за собою великія послѣдствія»*. И въ самомъ дѣлѣ у русскаго человѣка это чувство представляетъ собою самый частый и естественный выходъ изъ тяжелаго внутренняго напряженія, которое иначе могло бы выразиться какимъ либо опаснымъ душевнымъ волненіемъ, напр., гнѣвомъ, страхомъ, упадкомъ духа, отчаяніемъ и тому подобными аффектами. Среди несчастій, въ опасныя минуты жизни, у славянъ является не гнѣвъ, не раздраженіе, но чаще всего грусть, соединенная съ покорностью судьбѣ и вдумчивостью въ событія. Такимъ образомъ славянская скорбь имѣетъ свойства *предохранительнаго* чувства, и въ этомъ кроется ея высокое психологическое значеніе для нравственнаго здоровья; она оберегаетъ душевный строй и обезпечиваетъ незыблемость нравственнаго равновѣсія. Являясь унаслѣдованнымъ качествомъ, славянская скорбь стала основной благотворной чертой великаго народнаго духа.

Вторую отличительную черту славянства составляетъ *терпѣніе*. Съ психологической точки зрѣнія терпѣніе представляетъ собою напряженіе воли, направленное къ подавленію физическаго или нравственнаго страданія. Отсутствие сентиментальности, стоическая покорность судьбѣ и готов-

ность страдать—если это необходимо—составляютъ самый характеристическій обликъ русскаго терпѣнія. Это терпѣніе и вытекающая изъ него потребность мученичества, о которой говоритъ Ренанъ, не безъ основанія всегда удивляли иностранцевъ. Потребность мученичества является какъ бы необходимой психологической практикой, какъ-бы внутреннимъ предуготовительнымъ упражненіемъ, безъ котораго была бы невысказима борьба съ препятствіями, налагаемыми на человѣка суровой и бѣдной природой. Самымъ важнымъ плодомъ терпѣнія у русскаго народа является *самообладаніе*, способность подавлять въ себѣ волненіе и внести миръ въ собственную душу.

Терпѣніе и покорность судьбѣ должны быть несомнѣнно признаны за самыя выдающіяся особенности русской души. Блестящее художественное изображеніе этой истинно-народной русской черты находимъ въ повѣсти: *Хозяинъ и Работникъ* гр. Толстого. Главный герой этой повѣсти олицетворяетъ въ себѣ типическія черты русскаго народнаго духа: *терпѣніе, вдумчивость, самообладаніе*. Эти качества обезпечили ему и физическое, и нравственное самосохраненіе: спасли его отъ физической смерти въ борьбѣ съ грозной стихіей и охраняли его отъ преступленій, которыми пропитана была окружавшая его атмосфера.

Развитая сила терпѣнія въ соединеніи со способностью превращать всѣ порывистыя волненія души въ тихое чувство скорби, дѣлаютъ славянъ великими въ несчастіи и даютъ имъ возможность сохранять спокойствіе и самообладаніе въ серьезныя минуты жизни. Эти качества, глубоко присущія и прирожденные славянской натурѣ, служатъ самымъ вѣрнымъ основаніемъ нравственнаго самосохраненія. Послѣ этого становится понятнымъ то крайне незначительное число самоубійствъ въ Россіи и у славянъ, которое составляетъ столь поразительную особенность славянскаго

племени. Главнѣйшими причинами самоубійства являются: бѣдность и нищета, болѣзни и семейные раздоры и, наконецъ, упадокъ духа. Величіе славянскаго характера даетъ возможность не поддаваться гнету этихъ человѣческихъ несчастій.

Но самую привлекательную особенность славянской расы составляетъ ея *идеализмъ*, вытекающій изъ тонкаго чувства. Славянская грусть, говоритъ Доде, заунывная, какъ и славянская пѣсня, звучитъ въ глубинѣ твореній славянскихъ писателей. Это тотъ человѣческой вздохъ, о которомъ говорится въ Креольской пѣснѣ, тотъ клапанъ, который не даетъ міру задохнуться: «если-бы міръ не могъ вздохнуть, онъ задохся-бы!» Этотъ вздохъ повсюду слышится въ произведеніяхъ славянскихъ поэтовъ и писателей. Брандесъ слѣдующими словами характеризуетъ послѣднія произведенія Тургенева. «Въ этихъ произведеніяхъ, говоритъ онъ, звучитъ еще болѣе глубокая меланхолія, нежели въ юношескихъ его работахъ; эти произведенія проникнуты высокой поэзіей. Здѣсь художникъ въ послѣдній разъ заглядываетъ въ тайны жизни и съ глубокой грустью пытается изобразить ее въ символическомъ образѣ: природа жестка и холодна; тѣмъ болѣе обязаны люди любить другъ друга и природу! Тамъ есть сцена, какъ авторъ, во время одинокаго переѣзда на пароходѣ изъ Гамбурга въ Лондонъ, по цѣлымъ часамъ, держалъ въ своей рукѣ лапу бѣдной, печальной, привязанной на цѣпь обезьянки: геній, постигшій міровыя истины, рука объ руку съ маленькимъ звѣрькомъ, какъ два добрые товарища, два дѣтища одной и той-же матери—въ этомъ заключается больше истиннаго назиданія, нежели въ любой глубокомысленной книгѣ». Великій англійскій историкъ Карлейль отзывался объ одномъ изъ русскихъ произведеній, что это самая трогательная исторія, которую ему случалось читать.

Славянское чувство чуждо сентиментальности; оно глубоко и сильно. Это качество въ соединеніи съ замѣчательнымъ миролюбіемъ и искренностью славянъ послужило основаніемъ особеннаго развитія семейныхъ началъ и поставило женщину у славянъ, уже на зарѣ ихъ исторической жизни, въ такое высокое положеніе, какого она не занимала у другихъ народовъ. Уже въ самыя отдаленныя времена женщина у славянъ была независима и даже могла сдѣлаться правительницей—что было немыслимо у другихъ народовъ вслѣдствіе низкаго соціального уровня, отведеннаго женщинѣ.

Тонкое чувство славянской природы, дающее возможность проникать глубоко въ нравственные тайники и видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, дѣлаетъ славянина равно свободнымъ какъ отъ сентиментальности, такъ и отъ пессимизма и поддерживаетъ въ его душѣ непоколебимую вѣру въ лучшее будущее.

Развитое, человѣчное чувство славянъ дѣлаетъ ихъ безпристрастными и даетъ имъ возможность установить правильныя отношенія къ чужимъ національностямъ. Это чувство выражалось съ незапамятныхъ временъ выдающейся и общепризанной *славянской добродѣтелью—юстенріимствомъ*, а въ послѣдствіи оно стало выражаться уваженіемъ ко всему иностранному, отсутствіемъ духа партикуляризма и усвоеніемъ лучшихъ сторонъ чужой культуры. Оно же, наконецъ, служитъ основаніемъ вѣротерпимости и примирительнаго отношенія къ инородческимъ элементамъ, съ которыми славяне соприкасаются и живутъ. Едвали въ другой странѣ инородный элементъ встрѣчаетъ столь братскій пріемъ, какъ у славянъ и въ Россіи. Даже еврейская раса со своими замѣчательными достоинствами и недостатками, вытѣсняемая изъ всѣхъ странъ Европы, сосредоточилась главной массой своей въ Россіи: въ Россіи живетъ

болѣ половины евреевъ земного шара. Эта масса цѣпко держится Россіи и неохотно переселяется въ другія страны.

Гуманныя черты составляютъ вѣковую особенность славянъ и поражали наблюдателей уже въ отдаленныя времена. Прокопій говоритъ, что славяне обходились съ плѣнными человѣколюбивѣ всѣхъ другихъ народовъ и питали отвращеніе къ набѣгамъ на сосѣдей. Тѣже черты видимъ и въ наше время у русскихъ: феноменальное человѣколюбіе русскаго солдата на войнѣ, въ отношеніи побѣжденныхъ враговъ, поражаетъ иностранцевъ въ наше время не менѣе, чѣмъ поражало Прокопія человѣколюбіе славянъ.

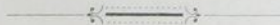
Религіозная и расовая терпимость славянъ яснѣ всего сказала въ объединяющемъ и ассимилирующемъ вліяніи славянъ на смежныя мало-культурныя народы. Качество это дало русскому племени значеніе одного изъ самыхъ важныхъ распространителей культуры въ Сѣверной и Средней Азіи. Такую же роль русское племя играло въ историческія и доисторическія времена въ Сѣверной и Восточной Европѣ. Роль эта отличалась безусловно мирнымъ характеромъ и привела къ глубокому полному національному сліянію сосѣдственныхъ инородцевъ съ русскими. Почти весь сѣверъ Россіи былъ населенъ финскими племенами даже въ историческія времена. Теперь эти финскія племена вполнѣ обрусѣли. Они сохранили свои типичныя финскія черты въ антропологическомъ отношеніи, но зато глубоко усвоили себѣ языкъ, религію и національный духъ русскихъ и въ силу этого совершенно слились съ послѣдними. Этотъ сложный процессъ обрусѣнія завершился вполнѣ мирнымъ путемъ, безъ жертвъ, безъ войнъ, безъ истребленія одного племени другимъ.

Къ числу отличительныхъ качествъ славянской природы относится *нерѣшительность* или слабость характера. Примѣромъ этой черты можетъ служить образъ главнаго героя въ повѣсти Тургенева «Рудинъ». Этихъ же качествомъ отличались такъ-назыв. *люди сороковыхъ годовъ* (настоящаго столѣтія); это качество критики называли *рефлексіей*, задерживающей дѣйствіе. Публицисты указываютъ какъ на одинъ изъ выдающихся примѣровъ славянской нерѣшительности на тотъ фактъ, что русская армія въ 1878 г. остановилась у воротъ Константинополя и не вошла въ него. Въ отношеніи этой черты существуютъ противоположныя мнѣнія. Одни считаютъ ее недостаткомъ характера, слабостью; другіе усматриваютъ въ этой нерѣшительности достоинство.

Сущность психологической черты, о которой идетъ рѣчь, состоитъ въ выжиданіи, въ опасеніи сказать слово или совершить дѣйствіе, недопускающее возврата. Это осторожность, которая по временамъ, можетъ быть, переходитъ границы. Очевидно, что эта черта имѣетъ тѣсное соотношеніе съ тонко-развитымъ чувствомъ славянъ и составляетъ послѣдствіе преобладающаго значенія чувства въ душевномъ строѣ. Ключемъ къ пониманію этой отличительной національной черты могутъ послужить намъ новѣйшія изслѣдованія Фулье о такъ-наз. *силѣ идей* или *идейной силѣ* (*idée-force*). Это—психическая сила, составляющая зародышъ и ядро будущихъ сильныхъ актовъ воли, будущихъ великихъ рѣшеній; эта сила должна накопиться, чтобы произвести должное дѣйствіе; тонкое чутье, внутреннее сознаніе, что этой силы накопилось недостаточно, можетъ задерживать дѣйствіе, можетъ дѣлать человѣка временно нерѣшительнымъ. Славянскій геній не чуждъ пониманія свойствъ этой черты своего характера,

и намъ кажется, что та истина, философскимъ разъясне-
ніемъ которой мы обязаны Фуллье, смутно предчувство-
валась коллективнымъ чутьемъ русской души и поэтически
изображена въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ.

Нужно-ли говорить о будущности расы, которая
обладаетъ симпатичными чертами, только отчасти намѣчен-
ными въ нашемъ краткомъ очеркѣ. Можно сказать смѣло,
что мы всѣ, — вмѣстѣ съ нашимъ великимъ русскимъ на-
родомъ, — полны вѣры въ будущее. Мы убѣждены, что
славянскій геній, въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи, пой-
детъ по тому самобытному, тихому, вѣрному пути, кото-
рому онъ слѣдовалъ въ послѣднюю тысячу лѣтъ, руко-
водясь своимъ простымъ и въ то-же время тонкимъ ин-
стинктомъ физическаго и нравственнаго самосохраненія!
Лишь надо придать ему ту новую силу, которую разви-
тіе человѣчества поставило на очередь. Мы разумѣемъ
широкое народное образованіе.

III.

Черты изъ психологіи великихъ людей.¹⁾

1) Гербертъ Спенсеръ.

Конецъ 1895 года ознаменовался празднованіемъ пятидесятилѣтняго юбилея научной дѣятельности Герберта Спенсера на широкомъ полѣ философіи и литературы.

Выдающійся мыслитель нашего вѣка—Гербертъ Спенсеръ можетъ быть по справедливости названъ представителемъ *эволюціонизма*. Быть можетъ, не многимъ извѣстно, что термины: „*переживаніе наиболѣе приспособленныхъ, естественный подборъ, приспособленіе къ окружающей средѣ*“, введены въ науку не Дарвиномъ, какъ казалось бы, а Гербетомъ Спенсеромъ²⁾.

Значеніе Спенсера для современной науки, опредѣляется болѣе всего тѣмъ фактомъ, что его философскія идеи о прогрессивномъ усовершенствованіи нервной системы и параллельномъ усложненіи психическихъ явленій содѣйствовали могущественнымъ образомъ оживленію вниманія естествоиспытателей, психологовъ и врачей къ изученію анатоміи нервной системы въ связи съ психологіей. Пренебреженію, въ которомъ находилась у естествоис-

¹⁾ Изъ журнала: Вопросы Нервно-Психической Медицины за 1897—1898 годъ.

²⁾ Review of Reviews by St. Stead, Nov. 1895, стр. 399—407.

пытателей и врачей психологія послѣ Иоганнесъ-Мюллера, положенъ былъ конецъ Спенсеромъ. Со времени обнаруженія его трудовъ по соціологіи и психологіи началось сравнительно-анатомическое изученіе мозга (Мейнертъ, Гудденъ и др.), положены основы фізіологической психологіи (Гельмгольцъ, Дондерсъ, Валентинъ, Вундтъ и др.) и окрѣпло эволюціонное изученіе психическихъ явленій (Ribot). Въ этомъ отношеніи заслуги Спенсера для наукъ безграничны. Но, независимо отъ этой главной заслуги, въ второстепенныхъ трудахъ Спенсера, мы впервые послѣ полуторавѣкового затишья встрѣчаемся снова съ афоризмами и общими положеніями, касающимися основъ перво-психической гігіены (его этика, воспитаніе и пр.). Эта новая и практически-важная отрасль человѣческихъ знаній въ настоящее время получаетъ особое развитіе и обѣщаетъ благотворные результаты.

Не лишено интереса бросить взглядъ на прилагаемый портретъ великаго мыслителя нашего вѣка—нынѣ 80-лѣтняго старца, но еще бодрого и полного силъ работника. Черты его лица носятъ отпечатокъ *великой мысли, силы характера, жизнерадостнаго настроенія и надеждъ*. Вотъ краткій разборъ его фізіогноміи.

Отсутствіе морщинъ на лбу, вмѣстѣ съ прямолинейностью бровей, указываетъ на постоянное, привычное, сильное напряженіе *мышцъ мысли* (m-li orbitales superiores—верхнія орбитальныя мышцы).

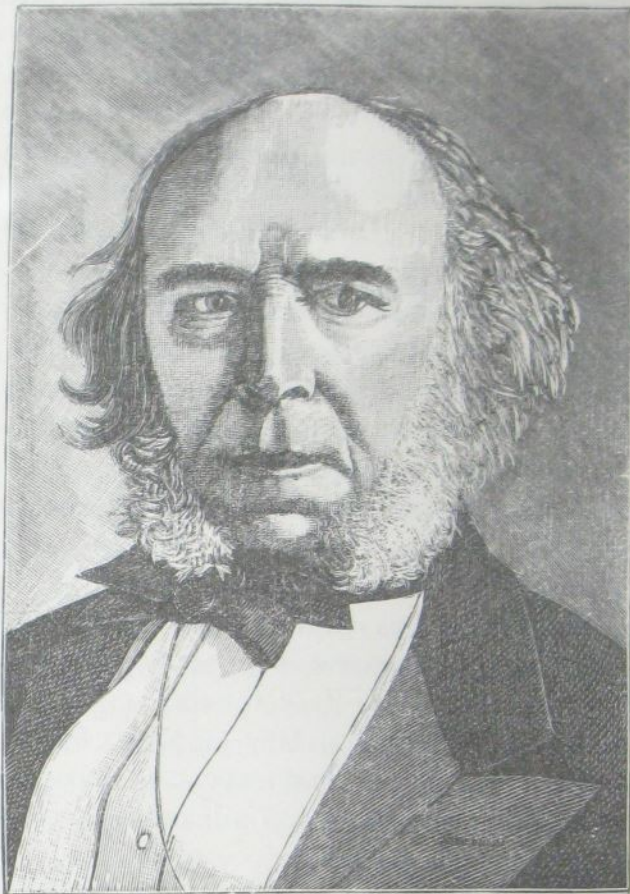
Рѣзкое напряженіе большихъ скуловыхъ мышцъ совместно съ нижними орбитальными мышцами указываетъ на *жизнерадость*.

Общее напряженіе всей мускулатуры указываетъ на силу воли и вниманія.

Особенное, свойственное Спенсеру, рѣзкое напряженіе нижней орбитальной мышцы (подъемъ нижняго вѣка)

свидѣтельствуеъ объ умственной неумоимости этого человека и придаетъ его взору отпечатокъ пронизательности.

Единовременное равномерное сокращеніе квадратной

Herbert Spencer

мышцы верхней губы и большой скуловой мышцы, указываетъ на гармонію противоположныхъ чувствъ, или иными

словами на нравственную уравновѣшенность философскаго характера, вытекающую изъ самообладанія.

Въ подтвержденіе приведеннаго фізіогномическаго анализа приводимъ собственныя слова Спенсера, свидѣтельствующія о его смѣлости, силѣ характера, неутомимости, вѣрѣ въ будущее.

Гербертъ Спенсеръ издалъ послѣдній томъ своей „Системы синтетической философіи“. Въ предисловіи къ этому тому онъ объясняетъ, при какихъ необычайныхъ условіяхъ выполнялся и доведенъ до конца этотъ огромный трудъ. „Оглядываясь на протекшіе 36 лѣтъ съ того времени, какъ начать этотъ трудъ, пишетъ Спенсеръ, я удивляюсь смѣлости предпринять его и еще болѣе удивленъ тѣмъ, что могъ окончить его. Въ 1860 г. мои небольшіе ресурсы почти всѣ ушли на то, чтобы я имѣлъ возможность писать и печатать книги, которыя не оправдывали расходовъ на нихъ; мало того, я страдалъ хронической болѣзью, причиненной утомленіемъ мозга, которая, въ теченіе 18 мѣсяцевъ, лишивъ меня способности работать, вообще принудила ограничить мою работу тремя часами въ день. Можно судить, до какой степени безумнымъ долженъ былъ казаться проектъ мой очевидцамъ моей жизни, когда узнаешь, что еще раньше окончанія первой главы перваго тома, болѣзнь вынудила меня прекратить работу, но безразсудныя намѣренія не всегда терпятъ фіаско. Иногда надежда, сперва казавшаяся несбыточной, потомъ оправдывается событіями. Несмотря на повтореніе приступовъ болѣзни, длившихся недѣлями, мѣсяцами, годами, которые заставляли меня отчаяваться въ достиженіи преслѣдуемой цѣли, эта цѣль, наконецъ, достигнута. Конечно, въ былое время, я бы испыталъ горделивую радость, но по мѣрѣ того, какъ уходятъ годы, чувства ослабляются, и теперь главная моя радость

заключается въ томъ, что я избавленъ отъ этого продолжительнаго усилія. Всякій разъ я испытываю истинное удовлетвореніе при мысли, что жестокія утраты, разочарованія и разрушенное здоровье не помѣшали мнѣ выполнить цѣль моей жизни“.

2) Адамъ Мицкевичъ.

Подобно всѣмъ великимъ людямъ, Мицкевичъ съ необыкновенной силой и яркостью отразилъ въ себѣ народныя черты. Онъ говорилъ и пѣлъ языкомъ своего народа и стоналъ народной душой. Глубина и сила, съ которою поэтъ переживалъ и изображалъ дѣйствительность, подняла его на высоту не только національнаго, но мірового пѣвца: его устами, во многихъ его произведеніяхъ говорилъ не польскій народъ, но человѣчество.

Благодаря событіямъ времени, поэзія Мицкевича запечатлѣна особымъ оттѣнкомъ, который у знатока Славянской литературы охарактеризована въ слѣдующихъ словахъ. *Вся Польская поэзія и литература этого времени (врем. Мицкевича) можетъ быть охарактеризована, какъ голосъ сильнаго чувства, какъ выраженіе крайней степени нервной напряженности, заставляющей сильно звучать всѣ струны наибольшаго сердца и нерѣдко доходящей до истерики и бреда*¹⁾. Эта особенность направленія иногда ставится въ упрекъ великому поэту, но безъ сомнѣнія, всякій упрекъ великому человѣку представляетъ собою плодъ ошибки, превосходящей всѣ заблужденія великаго человѣка. Съ своей стороны мы можемъ сказать только, что особое направленіе, которое поэзія Мицкевича получила

¹⁾ Всеобщ. Ист. Литературы, подъ ред. Корша и Кирпичникова. Т. III, стр. 165.

подъ вліяніемъ современныхъ поэту національныхъ и политическихъ событій, не представляетъ собою чего-либо исключительнаго, свойственнаго только Польскому поэту. Весь послѣдній періодъ дѣятельности Шекспира, ознаменованный созданіемъ его пяти величайшихъ трагедій, былъ слѣдствіемъ мрачныхъ впечатлѣній реакціи и казней, которыя до глубины души потрясли Шекспира, потерявшаго, въ лицѣ казненныхъ, ближайшихъ друзей своихъ. Шекспиръ *ужаснулся* всею силою своей великой души, напрягъ всѣ усилія своего творческаго анализа, чтобы въ живыхъ образахъ раскрыть зло, выяснитъ корень людскихъ пороковъ, преступленій и заблужденій, и далъ міру свои безсмертныя произведенія: Лира, Гамлета, Макбета и пр. Вполнѣ естественно, что и польскій поэтъ отразилъ живую дѣйствительность, и если мы отрѣшимся отъ всякой политической морали, то не можемъ не сказать, что, быть можетъ, онъ этимъ оказалъ крупную услугу народной душѣ польскаго племени, доведя до высшей точки напряженное народное чувство и тѣмъ давъ ему естественный исходъ, естественный разрядъ, за которымъ уже начинается болѣе спокойное трезвое обсужденіе совершившихся историческихъ событій и поворота исторіи.

3) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Современникъ и другъ Польскаго поэта, Пушкинъ былъ необыкновеннымъ и непримѣрнымъ отраженіемъ русскаго народнаго духа. Отличительными характеристическими чертами его художественнаго творчества была простота и вѣрность натурѣ. Не смотря на свой необыкновенно впечатлительный и пылкій характеръ, Пушкинъ отличался рѣдкимъ самообладаніемъ и силой воли среди работы. Записанныя имъ наблюденія надъ самимъ собою,

даютъ, въ этомъ отношеніи, въ высшей степени интересный психологическій матеріалъ. Съ истинно-философской проницательностью Пушкинъ анализируетъ свое психическое состояніе среди творческой работы и разъясняетъ различіе работы съ энтузіазмомъ отъ высшей *спокойной* работы, которая одна въ состояніи дать художественно-прекрасное произведеніе. Крайне любопытно, что во всѣ сильные моменты своей жизни, среди самой возбуждающей обстановки, Пушкинъ отличался поразительнымъ самообладаніемъ и спокойствіемъ. Благодаря этому спокойствію, онъ обладалъ недостижимо тонкимъ чутьемъ субстратовъ мысли и умѣлъ для своихъ мыслей находить такіе точные и вмѣстѣ съ тѣмъ простые словесные образы, что въ этомъ отношеніи его никто не превзошелъ въ русской литературѣ, не исключая и Тургенева. Его рѣчь была всегда кратка, проста, точна, и онъ самъ указываетъ на преимущества такой рѣчи, никому впрочемъ недоступной кромѣ его.

Не лишень интереса общеизвѣстный фактъ, что бабушка Пушкина происходила изъ фамилій Ганнибаловъ (арабъ Петра Великаго) и такимъ образомъ въ крови поэта оставались антропологическіе слѣды черной расы. Этимъ, не безъ основанія, многіе объясняютъ необыкновенную горячность характера Пушкина и его стихійную гнѣвность, а равно и одно изъ главнѣйшихъ увлеченій поэта, его страсть къ женщинамъ. Въ строеніи головы Пушкина, въ цвѣтѣ его лица и въ характерѣ несомнѣнно сказалось значеніе смѣшанной расы.

4) Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Щедринъ).

Въ апрѣлѣ текущаго 1899 года минуло 10 лѣтъ со смерти М. Е. Салтыкова и въ литературѣ появились во-

споминанія о немъ, а А. Н. Пыпинъ издалъ книгу о русскомъ сатирикѣ.

Во все время своей литературной дѣятельности Салтыковъ встрѣчалъ двойное отношеніе къ себѣ: одни восхищались его произведеніями и искали себѣ нравственнаго освѣженія въ каждой новой строкѣ, выходявшей изъ-подъ его пера, другіе питали и проявляли къ нему крайнюю враждебность, какъ человѣку будто бы холодному и злему насмѣшнику. Это послѣднее мнѣніе вытекало изъ глубокаго недоразумѣнія.

„Салтыковъ, говоритъ Пыпинъ, былъ характеръ очень сложный и потребуется много объясненій историческихъ и психологическихъ, чтобы стали понятны его особенности. Въ сущности это былъ необыкновенно тонкій наблюдатель общественной жизни, который умѣлъ распознавать ея невѣрные шаги въ самомъ началѣ. Всю жизнь онъ оставался суровымъ, неподкупнымъ наблюдателемъ, въ которомъ нашла своего выразителя лучшая часть общественнаго мнѣнія. Его вѣчно тревожная душа искала, какъ онъ самъ говорилъ, только справедливости, и онъ изображалъ жизнь, угнетаемую, какъ онъ выражался, *«иномъ безуміа»*».

Хотя, какъ мы сказали, отношеніе къ Салтыкову было двойное, но не подлежитъ сомнѣнію, что его вліяніе было висьма сильно какъ въ отношеніи его поклонниковъ, такъ и въ отношеніи враговъ. Этимъ болѣе всего измѣряется его сила и значеніе, какъ писателя.

Значеніе Салтыкова какъ общественнаго дѣятеля очень тонко передано И. С. Сѣченовымъ въ формѣ сравненія Салтыкова съ С. П. Боткинымъ. Называя Боткина великимъ діагностомъ въ распознаваніи физическаго зла, Сѣченовъ назвалъ Салтыкова великимъ діагностомъ въ распознаваніи нравственнаго зла.

5) Сергѣй Петровичъ Боткинъ.

Въ декабрѣ минувшаго 1899 года прошло десять лѣтъ со времени смерти великаго русскаго клинициста.

Имя Сергѣя Петровича принадлежитъ къ числу самыхъ извѣстныхъ въ наукѣ и самыхъ популярныхъ въ общественной жизни.

Едва окончивъ курсъ медицинскихъ наукъ въ 1856 году, Сергѣй Петровичъ отправился вмѣстѣ съ Пироговымъ въ Крымъ на службу нашей арміи, отстаивавшей цѣлость отечества. Разказы самого Сергѣя Петровича объ этомъ времени полны глубокаго общественнаго, психологическаго и нравственнаго интереса. Съ окончаніемъ крымской войны Сергѣй Петровичъ отправился въ продолжительную командировку за границу съ ученой цѣлью. Здѣсь въ первоклассныхъ клиникахъ и лабораторіяхъ развился его талантъ среди напряженныхъ занятій физиологіей, патологической анатоміей и внутренней клиникой. Явившись въ Россію, Сергѣй Петровичъ былъ вооруженъ такими обширными знаніями и такой подготовкой, какими въ ту пору въ Россіи не обладалъ никто. Онъ не имѣлъ себѣ равныхъ въ Россіи, и это высокое научное положеніе сохранилъ до смерти. Молодая русская клиническая медицина въ лицѣ Сергѣя Петровича получила своего перваго блестящаго представителя. Явившись въ Петербургъ въ 1862 году, молодой клиницистъ произвелъ величайшее впечатлѣніе на умы и съ первыхъ лекцій своихъ сразу занялъ во врачебномъ мірѣ и въ аудиторіи то высокое положеніе, на которое онъ имѣлъ право по своей безпримѣрной эрудиціи и по своему неподражаемому клиническому таланту. Во все время профессорской дѣятельности Сергѣя Петровича, его аудиторія принадлежала къ числу самыхъ блестящихъ въ нашемъ отечествѣ; она вмѣщала въ себѣ наполовину студентовъ, наполовину врачей

и профессоровъ. Великое значеніе Боткина, какъ клиническаго наставника измѣряется не только его научными работами, не только огромнымъ количествомъ трудовъ, вышедшихъ изъ его клиники и лабораторіи, но, быть можетъ, болѣе всего его клиническими лекціями. Объ этихъ лекціяхъ можно сказать съ полнымъ правомъ, что большая часть изъ нихъ представляла цѣлые научные трактаты, полные новизны и оригинальности. Этимъ и объясняется тотъ интересъ, который лекціи Боткина возбуждали постоянно во врачахъ. Многие изъ этихъ лекцій осталось лишь въ памяти слушателей Сергѣя Петровича и только въ послѣдніе года жизни знаменитаго клинициста его ученики пришли къ мысли записать и издать въ свѣтъ каждое слово учителя, подобно тому, какъ это дѣлалось во всѣ времена относительно великихъ наставниковъ ихъ учениками, записывавшими все, что выходитъ, *ex ore excellentissimi magistri*. Самъ Сергѣй Петровичъ чувствовалъ и высказывалъ потребность опубликовать всѣ свои научныя идеи, весь колоссальный запасъ своего клиническаго опыта. Двумя выпусками своихъ клиническихъ лекцій онъ положилъ начало этому грандіозному труду, но тутъ неожиданная смерть прекратила начатое дѣло.

Я не стану перечислять ни того, что вышло изъ клиники и лабораторіи Сергѣя Петровича, ни того, что напечатано имъ самимъ. Все это извѣстно врачамъ, а то, что написано самимъ Боткинымъ, относится къ числу настоящихъ книгъ каждаго клинициста и врача.

Научныя заслуги Сергѣя Петровича были оцѣнены не только въ отечествѣ, но и за его предѣлами, и это всего ярче сказалось во время поѣздки Сергѣя Петровича за границу, куда онъ отправился отчасти для поправленія здоровья. Сергѣй Петровичъ повсюду встрѣчалъ самый высокій пріемъ со стороны первоклассныхъ ученыхъ.

Боткинъ всѣми мѣрами старался сохранить свою обычную русскую скромность, и тѣмъ не менѣе его поѣздка по Европѣ была въ полномъ смыслѣ слова триумфальнымъ шествіемъ русскаго врача.

Сергѣю Петровичу принадлежитъ безпорная заслуга въ томъ, что онъ выдвинулъ русскаго врача и поставилъ его на принадлежащее ему мѣсто въ его отечествѣ. Сергѣй Петровичъ былъ чуждъ космополитизма въ научно-практической дѣятельности: при всемъ уваженіи, которое онъ питалъ къ европейской наукѣ, отъ глубоко вѣрилъ въ русскія силы, въ русскаго врача, въ русскаго человѣка. Онъ горячо поддерживалъ мысль о самостоятельности русской медицины, необходимости русскихъ медицинскихъ журналовъ и изданій и печаталъ на русскомъ языкѣ работы, выходившія изъ его клиники. Сергѣй Петровичъ былъ въ числѣ первыхъ лицъ, поднявшихъ значеніе научныхъ трудовъ, сдѣланныхъ въ Россіи.

Съ именемъ Сергѣя Петровича исторія русской медицины свяжетъ періодъ особеннаго оживленія дѣятельности общества русскихъ врачей въ Петербургѣ. Съ 1875 года и по день смерти Сергѣй Петровичъ былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ общества русскихъ врачей: при ежегодныхъ выборахъ онъ былъ единогласно избираемъ.

На ряду съ своимъ участіемъ въ дѣятельности общества русскихъ врачей, Сергѣй Петровичъ принималъ живое участіе въ дѣлахъ Петербургскаго городского общественнаго управленія. Онъ былъ гласнымъ Петербургской городской думы и предсѣдателемъ городской комиссіи общественнаго здравія. Общественное управленіе города Петербурга широко пользовалось совѣтами знаменитаго клинициста по всѣмъ вопросамъ здравоохраненія и устройства больничнаго дѣла столицы. Все, включительно до назначенія личнаго медицинскаго персонала, не проходило

безъ совѣтовъ и указаній Сергѣя Петровича, и всѣ успѣхи преобразованія больничнаго дѣла въ столицѣ связаны съ именемъ Боткина.

Все *русское* было близко къ сердцу этого русскаго человѣка: выдающіеся русскіе литераторы находили въ немъ своего врача-цѣлителя, и жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. М. Е. Салтыкова, была продлена на многіе годы лишь искусствомъ Сергѣя Петровича. Всѣ событія въ отечествѣ находили себѣ горячій откликъ въ его душѣ. Во время сербской войны въ 1877 г. Сергѣй Петровичъ снарядилъ на собственные средства санитарный отрядъ для помощи раненымъ.

Говорить-ли мнѣ о Боткинѣ, какъ о человѣкѣ? Русскія національныя черты нашли себѣ живѣйшее выраженіе въ его душѣ. Его ученики и сотрудники по лабораторіи и клиникѣ были всегда его друзьями и товарищами. Въ ихъ сотрудничествѣ онъ видѣлъ стимулъ личнаго научнаго усовершенствованія. Вотъ какъ возвышенно и какъ идеально Сергѣй Петровичъ смотрѣлъ на русскую ученую молодежь. Благодаря попеченію Боткина, окрѣпъ русскій врачъ, русскій клиницистъ. Тотъ, кто имѣлъ счастье быть ученикомъ Боткина, навсегда сохранилъ въ душѣ своей благоговѣйную память объ этомъ. Истинно русская скромность не оставляла Сергѣя Петровича и въ минуты самыхъ торжественныхъ событій его жизни. Когда въ 1882 году праздновали 25-лѣтній юбилей ученой дѣятельности Сергѣя Петровича, онъ сдѣлался предметомъ невиданнаго у насъ дотолѣ почета со стороны врачей, ученыхъ обществъ, общественныхъ и административныхъ учрежденій. На это торжество собрались единодушно всѣ безъ различія направленій, которымъ кто слѣдовалъ въ своей дѣятельности. Но и здѣсь, въ этомъ личномъ торжествѣ, Сергѣй Петровичъ умѣлъ

найти общественную и философскую точку зрѣнія. Онъ сказалъ, что великая честь, которой онъ удостоился, превышаетъ его заслуги, что русское общество оцѣнило идеи, которыхъ онъ явился носителемъ, что съ его именемъ связали то, что принадлежитъ цѣлой эпохѣ, цѣлому ряду дѣятелей, и онъ принимаетъ этотъ почетъ не за свой счетъ, а за счетъ цѣлой эпохи, которая и его самого выдвинула вмѣстѣ съ другими.

Таковъ нравственный обликъ этого выдающагося русскаго человѣка!

б) Отецъ Иоаннъ Ильичъ Сергіевъ Гронштадтскій и его пребываніе въ Кіевѣ въ 1893 году.

Пріѣздъ о. Иоанна въ Кіевъ въ Апр. 1893 г. и пребываніе въ немъ представляютъ собою выдающееся событіе мѣстной жизни, которое должно быть занесено въ лѣтописи.

Около двухъ мѣсяцевъ кряду, не прекращаясь, ходили слухи о пріѣздѣ въ Кіевъ о. Иоанна, и люди всѣхъ возрастовъ, классовъ и состояній жадно прислушивались къ вѣстямъ о пріѣздѣ человѣка, котораго Кіевъ еще никогда не видѣлъ, но котораго онъ уже хорошо зналъ, какъ и вся Россія.

Съ начала Оминой недѣли ко всякому поѣзду Курско-Кіевской дороги собиралась многочисленная публика встрѣчать о. Иоанна. Не смотря на то, что не было извѣстно время пріѣзда о. Иоанна въ Кіевъ и что имъ былъ избранъ путь не на Москву и Курскъ, а на Бѣлостокъ—прихода поѣзда 16-го апрѣля ждала многочисленная публика. Кіевъ встрѣтилъ о. Иоанна и привѣтствовалъ такъ, какъ его встрѣчаютъ и привѣтствуютъ вездѣ въ Россіи.

Уже въ день прїѣзда многочисленная публика наполняла улицу дома, гдѣ остановился о. Іоаннъ. Многіе провели на улицѣ ночь въ благоговѣйномъ ожиданіи увидѣть *батюшку*.

О. Іоаннъ прибылъ въ Кіевъ въ 8 часовъ вечера 16-го апрѣля, а 17-го апрѣля уже съ трехъ часовъ пополуночи со всѣхъ концовъ Кіева собрались на улицѣ массы народа: весь Кіевъ зналъ о прїѣздѣ о. Іоанна. Съ 4-хъ часовъ утра о. Іоаннъ началъ пріемъ *труждающихся* и *обремененныхъ*, ищущихъ утѣшенія. Въ 8 часовъ утра 17-го апрѣля о. Іоаннъ съ великимъ трудомъ сквозь густыя массы народа достигъ генераль-губернаторскаго дома, гдѣ въ домовой церкви совершилъ обѣдню.

Къ 10-ти часамъ утра населеніе Кіева было на ногахъ; одушевленіе, которымъ всѣ были проникнуты, можно назвать безпримѣрнымъ. Во всѣхъ концахъ города собиралась публика и въ благоговѣйной тишинѣ ожидала его прїѣзда. Никто не зналъ, гдѣ *онъ* будетъ, *его* вездѣ ждали. Повсюду, гдѣ показывался о. Іоаннъ, одушевленіе было необычно и велико, и его нельзя охарактеризовать иными словами, какъ *мольба*, *молитва*, *благоговѣніе*, *жажда* видѣть его. Таково было всеобщее настроеніе. Этому настроенію поддавались всѣ, даже тѣ, которые пришли, руководясь однимъ любопытствомъ.

17 апрѣля, вслѣдъ за окончаніемъ обѣдни въ домѣ генераль-губернатора о. Іоаннъ посѣтилъ нѣкоторыхъ лицъ и затѣмъ прослѣдовалъ въ Андреевскую церковь, видимо горя желаніемъ посѣтить и узрѣть собственными глазами священныя и историческія мѣстности Кіева. Его стремленіе—его жажда поскорѣе увидѣть этотъ чудный храмъ Кіева—художественно поставленный на выступѣ высокихъ Кіевскихъ горъ—было необыкновенно велико. Быстро поднялся, почти взбѣжалъ о. Іоаннъ по чугун-

ной лѣстницѣ на площадку Андреевской церкви, откуда открывается обширный и весной особенно поразительный видъ на Подоль, Днѣпръ, Заднѣпровье и на окрестныя горы. Благоговѣно, въ молчаніи о. Іоаннъ разсматривалъ ближайшія и отдаленныя окрестности, и въ молитвенномъ настроеніи его всепроницающая мысль перенеслась къ тому отдаленному времени, когда по христіанскому преданію апостоль Андрей Первозванный стоялъ на этомъ самомъ мѣстѣ, предрекая великую историческую судьбу Кіеву. Всею силою всего горячаго чувства о. Іоаннъ переживалъ въ своей душѣ историческія судьбы отечества и христіанства, отражая на своемъ лицѣ всю полноту религіознаго и художественнаго одушевленія.

Въ продолженіе немногихъ минутъ площадка Андреевской церкви наполнилась массой посѣтителей, которые со всѣхъ сторонъ устремились къ Андреевской церкви, какъ только стало извѣстно, что здѣсь находится о. Іоаннъ. На площадкѣ и въ самой церкви о. Іоанна увидѣли многочисленныя пришлыя богомольцы Кіева. Съ этого момента начинается рядъ нескончаемыхъ трогательныхъ овацій, предметомъ которыхъ сдѣлался о. Іоаннъ. Единодушіе, съ которымъ люди всѣхъ званій и состояній привѣтствовали его и стремились къ нему, не поддается описанію. Его душа отражала въ себѣ настроеніе народной души. Многократно о. Іоаннъ молился и молитвенно радовался, отвѣчая на привѣтствія. Его радость вытекала изъ сознанія, что люди объединяются, и что религія является могущественной объединяющей силой человѣчества.

Посѣтивъ Михайловскій монастырь, о. Іоаннъ направился къ памятнику св. Владиміра. Его сопровождали массы народа; тутъ были и богомольцы, и публика, и учащіеся—всѣ искали видѣть его, принять отъ него бла-

гословеніе. Въ отвѣтахъ о. Іоанна на привѣтствія окружающихъ сказывалась постоянно та безграничная любовь къ людямъ и та пронизательность, которая такъ свойственна о. Іоанну и которая отличаетъ его отъ тысячъ и милліоновъ людей. Давши благословеніе двумъ подошедшимъ къ нему взрослымъ гимназистамъ и горячо обънявъ ихъ, онъ пожелалъ имъ *хорошо выдержатъ экзамены и поступить въ студенты*. Подошедшему студенту университета пожелалъ *трудиться на общую пользу и не переставать трудиться*. Приблизившись къ памятнику св. Владиміра, о. Іоаннъ предался воспоминаніямъ о протекшихъ историческихъ судьбахъ Россіи и съ пламеннымъ чувствомъ и благоговѣніемъ онъ то подымалъ взоръ къ монументу Просвѣтителя Россіи, то опускалъ его долу, гдѣ находится мѣсто крещенія Руси.

Отсюда о. Іоаннъ пожелалъ проѣхать на Аскольдову Могилу.

Посѣщеніе этого перваго кладбища христіанскихъ мучениковъ произвело особенное впечатлѣніе на о. Іоанна. Здѣсь впервые для окружающихъ стали видимы тѣ глубокія черты характера, которыя свойственны о. Іоанну и которыя составляютъ источникъ его необыкновеннаго вліянія на людей. Пробывъ почти неотлучно въ теченіе трехъ дней при о. Іоаннѣ и имѣвъ возможность наблюдать его при различныхъ условіяхъ, можемъ сказать, что въ теченіе почти цѣлаго дня о. Іоаннъ находится въ состояніи величайшаго психическаго возбужденія, которое является то въ формѣ молитвы безъ словъ, то въ видѣ возвышеннѣйшаго поэтическаго настроенія, разрѣшающагося трогательными экспромтами, то, наконецъ, въ формѣ мысленнаго и волевого переживанія высшихъ идеаловъ. Можно сказать, что то возвышенное настроеніе, которое у обыкновеннаго человѣка наступаетъ изрѣдка, посѣщаетъ лю-

дей въ исключительныя минуты, у о. Іоанна является обычнымъ и не оставляетъ его почти въ теченіе цѣлаго дня. О. Іоаннъ представляется обыкновеннымъ человѣкомъ лишь въ минуты крайняго утомленія или во время принятія пищи; во все-же остальное время дня онъ находится въ состояніи поэтическаго одушевленія и живетъ самой полной, самой широкой идеальной жизнью, которая только доступна человѣку. Внѣшнія впечатлѣнія застаютъ его всегда готовымъ къ той удивительной, высокой душевной реакціи, которая такъ поражаетъ наблюдателя и такъ глубоко и благотворно дѣйствуетъ на всѣхъ. Основную, видимую черту характера о. Іоанна составляетъ искренность, кротость и величайшая любовь къ человѣку; съ этими качествами неразлучно связана ласковость въ отношеніяхъ къ людямъ и обаятельность, превосходящая всякія ожиданія. Все это написано на лицѣ о. Іоанна, и всякій, кто даже въ первый разъ видитъ этого человѣка, вѣритъ и уповаетъ. Таково впечатлѣніе, производимое о. Іоанномъ на всѣхъ людей....

Приближаясь къ Аскольдовой Могилѣ, о. Іоаннъ умолкъ—что обозначаетъ у него переходъ къ его обычному благоговѣйному настроенію. Едва экипажъ остановился, какъ о. Іоаннъ, какъ-бы подъ вліяніемъ какого-то внутренняго палящаго огня, стремительно направился въ ворота кладбища. Черезъ двѣ или три минуты его уже окружала многочисленная толпа людей: его всюду узнавали и бѣжали за нимъ. Войдя въ церковь въ сопровожденіи кладбищенскаго іеромонаха, о. Іоаннъ нѣсколько минутъ пламенно молча молился. Его настроеніе отразилось на окружающихъ. И вотъ, среди царившей общей тишины, къ о. Іоанну обратилась старуха-крестьянка и твердо громкимъ голосомъ сказала: *батюшка, о. Іоаннъ! благослови меня ірвиницу, блудницу, воровку; благослови меня*

въ далекій путь дороженьку—на тотъ свѣтъ. О. Іоаннъ благословилъ старуху. Вся сцена произвела большое впечатлѣніе на окружающихъ и своей неожиданностью, и той искренностью, съ которою старуха, по своему, исполнила нравственный долгъ гласнаго признанія прочныхъ тайнъ своей жизни.

Второй день пребыванія въ Кіевѣ 18-го апрѣля въ воскресенье о. Іоаннъ началъ Божественной службой въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ имѣеть пребываніе Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна. О. Іоаннъ прибылъ въ Покровскій монастырь къ восьми часамъ утра, но уже на разсвѣтѣ, въ монастырѣ и около, стали собираться массы народа, искавшія видѣть о. Іоанна. Ко времени его пріѣзда число ждавшей публики доходило до десяти—пятнадцати тысячъ. Густыя массы народа запрудили буквально весь дворъ монастыря и смежныя улицы. По окончаніи обѣдни, о. Іоаннъ посѣтилъ Ея Высочество въ Ея Собственныхъ покояхъ и затѣмъ посѣтилъ монастырскую больницу. Лишь съ трудомъ черезъ густыя массы народа, о. Іоаннъ достигъ зданія больницы. Поражающая чистота и уютный видъ больницы произвели благопріятное впечатлѣніе на о. Іоанна. Съ обычной ласковостью онъ обошелъ всѣхъ больныхъ, благословлялъ ихъ и утѣшалъ.

Откланявшись Ея Высочеству, о. Іоаннъ изъ Покровскаго монастыря прослѣдовалъ черезъ Глубочицу, по Вознесенскому спуску, на Старый Городъ. Видъ высокихъ горъ, прорѣзанныхъ здѣсь глубокими оврагами, произвелъ на о. Іоанна большое впечатлѣніе, какъ и вообще вся природа и мѣстность Кіева. Въ этомъ впечатлѣніи все сливалось: и благоговѣйное чувство религіознаго челоуѣка, и наблюдательность мыслителя, углублявшагося въ исторію геологическихъ переворотовъ этой мѣстности,

и, наконецъ, увлеченіе красотами природы, которая въ Кіевѣ представляетъ такъ много эстетическихъ сторонъ. Эти чувства охватывали его всякій разъ, когда взору его представлялись тѣ или другіе выдающіеся виды Кіева, напр.: видъ съ Андреевской церкви—на Подоль, съ Лаврскихъ горъ и Аскольдовой Могилы—на Диѣпръ и Заднѣпровье и съ Подола—на Андреевскую церковь. Созѣрцающая виды природы, о. Іоаннъ и молится, и восхищается какъ любитель, и предается глубокимъ философскимъ размышленіямъ о далекомъ прошедшемъ мірозданіи. По свойству своей натуры, онъ постоянно впадаетъ въ истинный поэтическій лиризмъ по поводу всего художественнаго, будетъ ли то въ природѣ, въ исторіи или въ человѣкѣ.

Не смотря на кратковременность пребыванія въ Кіевѣ и на недостатокъ времени, о. Іоаннъ горѣлъ желаніемъ посѣтить строящійся Владимірскій Соборъ. Внутренній видъ храма, его живопись и орнаменты произвели необычайно живое и сильное впечатлѣніе на отзывчивую, высокоодаренную натуру о. Іоанна. Лики святыхъ и стѣнные изображенія событій библейской и христіанской исторіи привели о. Іоанна въ состояніе духовнаго восхищенія. Онъ переносился мысленнымъ взоромъ къ отдаленнымъ временамъ, къ моментамъ самыхъ событій, и вся его фигура, его лицо и тѣлодвиженія озарились тѣмъ чуднымъ огнемъ идеальной жизни, который едва-ли доступенъ изображенію и анализу и который невольно заставляетъ васъ чувствовать, что вы находитель въ обществѣ великаго человѣка. Всегда живущій мыслью о добрѣ, о людяхъ, о ихъ нравственномъ усовершенствованіи, о. Іоаннъ предался размышленіямъ о томъ благотворномъ вліяніи, которое будетъ имѣть для Кіева и для Россіи Владимірскій Соборъ—этотъ памятникъ христіанской, культурной и художественной жизни Россіи. Возможность видѣть

Владимірській Соборъ въ законченномъ видѣ и молиться въ немъ представлялась о. Іоанну особеннымъ счастьемъ, котораго онъ хотѣлъ-бы достигнуть.

Осмотрѣвъ Владимірскій Соборъ, о. Іоаннъ проѣхалъ на Подоль въ Братскій монастырь къ Ректору Духовной Академіи преосвященному Сильвестру, епископу Каневскому. Массы народа уже наполняли погостъ монастыря, и о. Іоаннъ съ величайшимъ трудомъ проникъ въ квартиру преосвященнаго. Между о. Іоанномъ и преосвященнымъ завязался разговоръ, поводомъ которому служило одушевленіе народныхъ массъ, стремившихся видѣть о. Іоанна. Собесѣдники заговорили о необходимости и возможности болѣе тѣснаго нравственнаго объединенія людей. Въ это время въ квартиру преосвященнаго были приглашены студенты духовной Академіи. О. Іоаннъ, всегда умѣющій придать теплый характеръ своему обращенію и своей привѣтливости, быстро поднялся съ мѣста и тономъ любви, облеченной въ формы сотоварищества, съ живостью заговорилъ: *студенты Академіи! Христосъ Воскресъ! здравствуйте, друзья мои, здравствуйте, милые однокашники, дѣти вѣтъ намъ общей духовной школы...* За рѣчью о. Іоанна послѣдовали со стороны студентовъ Академіи самыя горячія, самыя непринужденныя проявленія радости, признательности удивленія и сыновнихъ чувствъ въ отношеніи о. Іоанна.

Выходъ о. Іоанна изъ покоевъ преосвященнаго былъ сопряженъ съ едва одолимыми трудностями въ виду общаго желанія многочисленной публики приблизиться къ о. Іоанну, увидѣть его, получить благословеніе. Среди публики, особенно простой, высказывалось желаніе обратиться по телеграфу съ прошеніемъ на Высочайшее Имя, дабы о. Іоанну повѣлено было оставаться въ Кіевѣ цѣлую недѣлю.

Съ Подола о. Іоаннъ направился въ Институтъ благородныхъ дѣвиць, оттуда въ Левашовскій пансіонъ, гдѣ его давно ожидали. Въ большой залѣ верхняго этажа зданія собраны были воспитанницы и начальство, и о. Іоаннъ, отслужилъ молебень. Затѣмъ по предложенію начальницы пансіона, графини Апраксиной о. Іоаннъ посѣтилъ больницу, гдѣ съ обычной ему любовью и лаской утѣшалъ и ободрялъ больныхъ. Въ числѣ больныхъ ему указали на дѣвочку, которая страдала тяжелымъ тифомъ и у которой незадолго передъ тѣмъ вскрытъ былъ обширный гнойникъ вблизи уха. Дѣвочка неподвижно лежала, вся въ повязкахъ. Едва взглянулъ о. Іоаннъ на больную, вся его фигура внезапно озарилась огнемъ чувства. Онъ быстро подошелъ къ больной, припалъ на колѣняхъ, приникъ къ лицу страдальцы, осыпая ее нѣжнѣйшими ласками и поцѣлуями. Тутъ сказала вся богато-одаренная душа о. Іоанна. На минуту онъ все забылъ: и окружающую обстановку, и свои 63 года и, какъ самая любящая мать, ласкалъ и утѣшалъ болящую: *милое дитячко, тебѣ не больно, ахъ ты страдальца моя*, приговаривалъ онъ... Воцарилось совершенное безмолвіе, и вся сцена произвела глубочайшее впечатлѣніе на окружающихъ. Это впечатлѣніе нельзя передать или описать! Еще возможно было-бы вспомнить сказанныя слова, возможно-бы описать отдѣльныя подробности, но нѣтъ средствъ передать тонъ, оттѣнки голоса и всѣ переливы несравненной мелодіи чувства, которое вылилось изъ души о. Іоанна... Достаточно было видѣть описанную сцену, чтобы у васъ не оставалось сомнѣнія въ томъ, что вы присутствовали при самыхъ глубокихъ проявленіяхъ, на которыя способна человѣческая душа. Тутъ все сказалось: и пылъ беззавѣтнаго чувства, и безграничная любовь, и захватывающая душу жалость, и скорбь у постели больного че-

ловѣка, и, наконецъ, несравненная симпатія со всѣми оттѣнками и модуляціями могучаго чувства.

Въ Левашовскомъ пансіонѣ случилось и другое событіе, которое произвело особенное вліяніе на окружающихъ. Между лицами, присутствовавшими на молебнѣ, въ числѣ многихъ оказалась дама, пріѣхавшая нарочно изъ Харькова съ цѣлью увидѣть о. Іоанна и получить отъ него благословеніе. Обстоятельства ея жизни дѣлали для нея особенно необходимымъ нравственное утѣшеніе, которое такъ умѣетъ подать о. Іоаннъ. Дама случайно попала въ Левашовскій пансіонъ и находилась среди густой толпы. Благословляя всѣхъ, о. Іоаннъ внезапно, какъ-бы по какому-то внутреннему чутью, съ особымъ пыломъ устремился сквозь густую толпу людей прямо къ этой дамѣ и съ горячимъ участіемъ отнесся къ ней, обласкалъ ее, обнялъ и отличилъ особеннымъ вниманіемъ, на которое способно его необыкновенное человѣческое сердце. Дама эта, полная радости и счастья, рассказывала всѣмъ о случившемся, пораженная пронизательностью о. Іоанна, считая случившееся съ нею прямо чудомъ; такъ какъ она еще не имѣла случая обмѣняться съ о. Іоанномъ хотя-бы однимъ словомъ. По ея виду и выраженію лица онъ распозналъ ея душевное состояніе и поспѣшилъ къ ней на помощь, прежде чѣмъ она успѣла свою просьбу заявить словами. И въ самомъ дѣлѣ, пронизательность о. Іоанна поразительна; мы имѣли случай неоднократно убѣдиться въ томъ, что о. Іоаннъ обладаетъ способностью быстро, съ перваго раза, иногда при одномъ внимательномъ взглядѣ на человѣка, опредѣлить безошибочно его душевное состояніе, въ особенности его настроеніе. Въ этомъ отношеніи его діагностическія способности необычайны. Видя передъ собой массу людей, онъ какъ-бы геніальнымъ чутьемъ угадываетъ тѣхъ *труждающихся* и *обремененныхъ*, кото-

рымъ болѣе всего нужна его помощь, и оказываетъ имъ эту помощь предпочтительно предъ другими присутствующими, какъ случилось въ приведенномъ эпизодѣ съ Харьковской дамой. Почти съ такою-же безошибочностью онъ читаетъ въ сердцахъ людей, которые лишены искренности и чужды тѣхъ высокихъ качествъ, которыми онъ самъ богатъ, и которыя стремится развить въ другихъ.

Изъ Левашовскаго института о. Іоаннъ направился въ Училище слѣпыхъ. Здѣсь онъ благословилъ дѣтей, обласкалъ ихъ, распросилъ каждаго изъ нихъ, кто когда потерялъ зрѣніе и помнятъ-ли солнечный свѣтъ. Съ особеннымъ участіемъ и психологической тонкостью онъ отнесся къ тѣмъ, которые ослѣпли въ раннемъ дѣтствѣ и которые на вопросы, помнятъ-ли они свѣтъ и знаютъ-ли они, что такое свѣтъ, отвѣчали отрицательно. О. Іоаннъ утѣшилъ слѣпыхъ, сказавши имъ, что кромѣ зрѣнія тѣлеснаго есть зрѣніе умственное и если они и лишены перваго—у нихъ остается второе. Конечно, большое несчастіе, поучалъ о. Іоаннъ, не видѣть солнечнаго свѣта, но гораздо болѣе несчастны тѣ, которые лишены искры Божіей и никогда не меркнушаго свѣта Божественнаго.

На слѣдующій (третій) день своего пребыванія въ Кіевѣ около трехъ часовъ пополудни о. Іоаннъ направился въ Лавру. Не смотря на утомленіе, вызванное предшествовавшими посѣщеніями, о. Іоаннъ находился въ особенномъ нравственномъ возбужденіи; почти весь путь въ Лавру онъ мысленно молился. Экипажъ о. Іоанна прослѣдовалъ мимо Лаврской гостинницы и остановился у входа въ галерею, ведущую въ Ближнія Пещеры. Здѣсь о. Іоаннъ былъ встрѣченъ намѣстникомъ Лавры. О. Іоаннъ былъ молчаливъ и находился въ глубокомъ молитвенномъ настроеніи. О. намѣстникъ предложилъ пройти въ Ближнія Пещеры не черезъ галерею, а черезъ садъ. Съ сада

открывался восхитительный видъ на горы, на Лаврскіе храмы и пещеры, на Днѣпръ и Заднѣпровье. О. Іоаннъ въ величайшемъ нервномъ напряженіи спросилъ: *идь-же, идь-же пещеры?* Ему указали. Мгновенно все его существо озарилось огнемъ благоговѣнія. Онъ остановился и, обратившись въ сторону пещеръ, громко воскликнулъ: *отцы святые, міра отвершііеся и Христа возлюбившіе! Христосъ воскрес!* Онъ обращался къ угодникамъ Печерскимъ, какъ къ живымъ людямъ, и это чувство близости и единенія съ ними не оставляло о. Іоанна все время, пока онъ находился въ стѣнахъ Лавры. Спустившись въ Пещеры, о. Іоаннъ все время громко молился. Молитва его носила характеръ пламенныхъ импровизацій, въ которыхъ выражалось удивленіе, благоговѣніе и мольба къ Печерскимъ угодникамъ. Они когда-то были обыкновенными людьми, жили и подвизались здѣсь,—на этомъ самомъ мѣстѣ, тутъ они оставили слѣды своей жизни, своихъ трудовъ, своего благочестія. Они представляютъ собою образцы тѣхъ добродѣтелей, того нравственного самоусовершенствованія, которое составляло и составляетъ цѣль и задачу его собственной жизни. Теперь, на 63-мъ году своей жизни, онъ впервые присутствуетъ на мѣстѣ ихъ подвиговъ, гдѣ всюду находятся слѣды ихъ жизни, ихъ дѣятельности, ихъ подвиговъ. Такими словами можно передать настроеніе о. Іоанна. Онъ пламенно молился. *О, друи Божіи, друи Божіи*, часто повторялъ онъ. *Святой Павелъ, дитя послушанія! научи насъ послушанію*, молился онъ у мощей Павла Послушливаго. *Святой Іоаннъ, страсти сожеший!* *научи насъ горѣть пламенемъ любви*, молился онъ у мощей Іоанна Многострадалнаго. Повсюду молитва его носила характеръ необычайной простоты и силы. По временамъ онъ умолкалъ, и изъ груди его вырывались лишь мимолетные тихіе вздохи, столь характерные для о. Іоанна и

свидѣтельствующіе о глубокомъ душевномъ умиленіи, не требующемъ словъ. Посѣтивъ келью и церковь Антонія и Θεодосія, онъ былъ особенно одушевленъ. У выхода изъ Ближнихъ Пещеръ о. Іоаннъ обернулся и произнесъ: *о мудрецы, о философы, міръ удивившіе!* Въ Великой церкви, поклонившись мощамъ Михаила, перваго митрополита Кіевскаго, о. Іоаннъ отступилъ и громко воскликнулъ, какъ къ живому человѣку: *Первоначальникъ выры, Святитель Божій, воззри, сколько духовныхъ чадъ твоихъ—вся Русь православная!*

Возвышенное настроеніе не покидало о. Іоанна и во время перехода изъ Ближнихъ Пещеръ въ Дальнія. Шли по галлерей, о. Іоаннъ шелъ съ такою быстротою, что спутники едва поспѣвали за нимъ. Онъ былъ молчаливъ и горѣлъ огнемъ внутренняго одушевленія... Круто спускались по длинной лѣстницѣ, примыкающей къ церкви Дальнихъ Пещеръ. Вдругъ откуда-то съ большой высоты слышались моляшіе вопли тысячи голосовъ: *Отецъ Іоаннъ, благослови!* Съ минуту о. Іоаннъ искалъ взоромъ народъ... Черезъ желѣзную рѣшетку окна, находившагося на высотѣ нѣсколькихъ сажени, откуда пробивался слабый свѣтъ—просовывались десятки рукъ и виднѣлась масса людей. На огромной высотѣ, какъ птицы небесныя, люди лѣпились у окна, ища видѣть о. Іоанна и получить его благословеніе.

Въ этотъ день о. Іоаннъ посѣтилъ одну больную образованную женщину, которая очень страдала физически и нравственно. Она была больна ракомъ матки и знала о неизлѣчимости болѣзни. Она стремилась видѣть о. Іоанна для нравственнаго успокоенія. Онъ посѣтилъ ее, онъ былъ простъ въ своихъ словахъ. Онъ сказалъ, что не можетъ исцѣлить ее, такъ какъ не обладаетъ ни

искусствомъ, ни силой исцѣленія, но можетъ вмѣстѣ съ нею горячо молиться—и онъ сдѣлалъ это.

По этому случаю намъ вспоминается небольшой разговоръ, который мы имѣли съ покойнымъ О. М. Достоевскимъ. Говоря о массѣ своей литературной работы, онъ добавилъ—«а вотъ и еще работа—отвѣчать на письма. Вотъ пишетъ молодая дѣвица изъ Воронежа, описывая свое душевное состояніе, просить совѣта, а вотъ другое письмо, вотъ третье, иной разъ до десяти писемъ въ день..... что я имъ, я ихъ не знаю, но они умоляютъ дать отвѣтъ, надо отвѣчать. Человѣкъ не можетъ жить безъ человѣка, прежде съ этимъ обращались къ духовнымъ лицамъ, теперь къ намъ, литераторамъ, закончилъ онъ.

Очевидно, что необходимъ такой человѣкъ, который бралъ-бы на себя нравственную тяготу, взялъ-бы на себя страданія людей. Такимъ человѣкомъ сталъ въ наши дни о. Іоаннъ.

Возвращаясь изъ Лавры, о. Іоаннъ посѣтилъ Женское Духовное Училище. Онъ явился сюда, озаренный всѣмъ, что было испытано въ Лаврѣ. Собранныя въ церкви воспитанницы училища были особенно серьезно настроены, суда по тому, что онѣ сохраняли, не смотря на общее возбужденіе, порядокъ почти столь-же полный, какъ тотъ, который замѣчался въ Лаврѣ, гдѣ при одномъ напоминаніи намѣстника о послушаніи, —какъ первомъ долгѣ монаха,—братія соблюдала порядокъ. Дѣти, не смотря на видимую сдержанность, чувствовали полнымъ сердцемъ присутствіе въ ихъ средѣ необыкновеннаго человѣка. Помолившись у намѣстныхъ иконъ церкви, о. Іоаннъ обратился къ дѣтямъ и, окинувъ ихъ испытующимъ взоромъ, произнесъ громко, торжественнымъ голосомъ: *миляя дѣти, цвѣтущія здоровьемъ и красотой! Христосъ Воскресе!...* О. Іоаннъ сказалъ воспитанницамъ нѣсколько

поучительныхъ словъ; изъявленіе радости и восторга воспитанницъ, не смотря на ихъ сдержанность, было глубоко и трогательно. Съ тѣми изъ воспитанницъ, которыхъ о. Іоаннъ лично благословилъ, онъ былъ въ высшей степени нѣженъ, прося передать его любовь всѣмъ остальнымъ.

Въ этотъ день вечеромъ о. Іоаннъ уѣхалъ изъ Кіева въ Курскъ. Публикѣ не былъ извѣстенъ день отъѣзда и, не смотря на то, на вокзалѣ собралась масса народа провожать о. Іоанна. Публика соблюдала образцовый порядокъ. Когда о. Іоаннъ показался у выхода, всѣ обнажили головы, прося благословенія. Настроеніе публики, провожавшей о. Іоанна, можно охарактеризовать словомъ: *благоговѣніе*. По обѣ стороны поѣзда стояли густыя массы публики, треть которой составляли воспитанники учебныхъ заведеній и преимущественно студенты Академіи и Университета. О. Іоаннъ, по просьбѣ публики, переходилъ то къ одному, то къ другому окну, благословляя провожающихъ. Въ проводахъ ничего не было шумнаго, все было тихо, но во всемъ было столько сердца, столько задушевности, столько простоты и величія, что несомнѣнно — Кіевъ пережилъ глубокія душевныя минуты.

Но что же это за человѣкъ, который способенъ вызвать такія необыкновенныя и единодушныя проявленія у множества людей? Что ищутъ люди, чего домогаются, когда, собираясь массами, благоговѣнно стоятъ, какъ въ церкви, по цѣлымъ часамъ, часто по цѣлымъ ночамъ въ ожиданіи увидѣть *его*, услышать *его* голосъ, получить благословеніе?

Не толпа ищетъ о. Іоанна, но люди всякаго званія, всякаго образованія и всѣхъ возрастовъ. Вы увидите здѣсь и образованнаго человѣка, и черноработаго, профессора и студента; вы увидите взрослыхъ и дѣтей, господъ и ихъ прислугу; увидите скромныхъ труженицъ и падшихъ

женщинъ; увидите больныхъ, истеричныхъ, испорченныхъ и преступныхъ людей. Вы встрѣтите здѣсь различныя религіи, различныя національности. Всѣхъ приводитъ къ о. Иоанну одно и то же чувство и несомнѣнно—хорошее чувство. Оно заставляетъ людей, пріѣхавшихъ въ каретахъ, выйти изъ экипажа и стать рядомъ съ обыкновеннымъ сѣрымъ человѣкомъ; оно объединяетъ господъ и ихъ прислугу; оно побуждаетъ истерическихъ и капризныхъ женщинъ оставить свои капризы и притворство; оно поднимаетъ падшую женщину изъ грязи и дѣлаетъ ее человѣкомъ. Это Божья искра, это стремленіе къ идеалу! Вотъ что влечетъ людей къ о. Иоанну. Въ его присутствіи у самаго дурного, самаго одичалаго человѣка пробуждается совѣсть, а у всѣхъ неспорченныхъ людей освѣжаются и оживляются лучшія, идеальныя стороны ихъ характера. О. Иоаннъ, столь чуткій и отзывчивый ко всѣмъ лучшимъ проявленіямъ человѣческой природы, приходитъ въ умиленіе отъ возвышеннаго настроенія народныхъ массъ, обнаруживаемаго въ его присутствіи. *О, милые кіевляне и кіевлянки, о добрые кіевляне!* говаривалъ онъ при видѣ высокихъ чувствъ у тысячъ людей. *И здѣсь то же, что по цѣлой Россіи, тотъ-же духъ, то же благочестіе,* говорилъ онъ. Часто онъ бывалъ глубоко тронутъ проявленіями сердечности и благоговѣнія. *Добрый русскій народъ, его любовь такъ и брызжетъ... есть-ли въ свѣтъ народъ искреннѣе и добрѣе русскаго народа?* говорилъ онъ. Приведенные отзывы, высказанные такимъ тончайшимъ діагностомъ душевныхъ движеній, какимъ является о. Иоаннъ, имѣютъ особое значеніе. Впрочемъ, и для обыкновеннаго человѣка вполне ясно, что массы, группирующіяся вокругъ о. Иоанна, одушевлены лучшими, возвышенными стремленіями.

Намъ случилось слышать мнѣніе, выражаемое людьми, даже не лишенными образованія, будто увлеченіе о. Иоан-

номъ есть явленіе психопатическое, или особаго рода модное движеніе. Подобное мнѣніе совершенно безосновательно, даже легкомысленно. Наблюденія, которыя намъ удалось сдѣлать относительно настроенія массъ, показали совершенно противоположное. Мы почти нигдѣ не видѣли проявленій истеріи, не наблюдали какихъ-либо неумѣренныхъ слезъ, не было и шума, неизбежнаго при большомъ скопленіи людей; напротивъ, наблюдалось почти необычайное самообладаніе. Это показываетъ, что собравшіеся люди не только были одушевлены лучшими чувствами, но и самая воля ихъ была подкрѣплена. Слѣдовательно, это увлеченіе массъ имѣетъ свойства бодрого, здороваго психическаго проявленія и ни въ какомъ случаѣ не болѣзненнаго.

Наибольшая часть людей, обращающихся къ о. Іоанну, ищутъ утѣшенія или исцѣленія отъ нравственныхъ золъ. Это люди, или потрясенные своими собственными ошибками, или постигнутые какими-либо несчастіями, или, наконецъ, впавшіе въ уныніе и утратившіе волю. Въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ, съ цѣлью нравственнаго самосохраненія, обращается къ доброму совѣту и поддержкѣ друзей и близкихъ. О. Іоаннъ, по своему характеру и своимъ свойствамъ, является самымъ искреннимъ, самымъ вѣрнымъ другомъ человѣчества, и къ нему естественно стремятся всѣ нуждающіеся въ опорѣ и поддержкѣ, въ особенности тѣ, кто ищетъ, кромѣ дружеской поддержки, религіознаго утѣшенія. Въ теченіе многихъ лѣтъ о. Іоаннъ былъ посредникомъ въ подаваніи той и другой помощи. Но въ послѣдніе годы его значеніе возрасло, расширилось и далеко вышло за первоначальный предѣлъ. Теперь, въ понятіяхъ людей, онъ уже не просто пастырь Кронштадтской церкви, но общій молитвенникъ, нравственный цѣлитель, народный герой, общій патронъ и совѣтникъ,

общій отець-батюшка. Онъ едва-ли не самый извѣстный и популярный человѣкъ въ Россіи. Подобное значеніе могъ пріобрѣсти лишь выдающійся, талантливый человѣкъ. Таковымъ несомнѣнно слѣдуетъ признать о. Іоанна. Всѣ качества, которыми онъ надѣленъ, таковы, что имъ сначала невольно удивляешься и лишь потомъ анализируешь. Сила представленія у него необыкновенно велика. Его живое воображеніе рисуетъ ему событія, случившіяся нѣсколько столѣтій назадъ, съ такою ясностью, какъ будто событія эти совершаются у него на глазахъ въ эту минуту. Эта необыкновенная сила и ясность, съ которою онъ переживаетъ отдаленные факты и минувшія событія, придаетъ такую жизненность этимъ событіямъ, что зритель и слушатель впадаютъ въ полное обаяніе. Въ его одушевленной передачѣ или, говоря вѣрнѣе, въ его глубококомъ переживаніи передаваемыхъ имъ событій сокрыта великая художественная сила. Рассказывая о больныхъ, о несчастіяхъ людей, передавая событія христіанской исторіи, о. Іоаннъ переноситъ слушателя къ тѣмъ временамъ и событіямъ и заставляетъ испытывать впечатлѣнія непосредственной близости этихъ событій. Еще съ большею силою дѣйствуютъ на зрителя проявляемыя о. Іоанномъ чувства благоговѣнія и порывы любви къ человѣчеству. Въ этомъ отношеніи его вліяніе на людей велико и благотворно. Ему невольно поддаются даже холодные люди. Являясь живымъ, увлекательнымъ и обаятельнымъ примѣромъ необыкновенной человѣчности и возвышенныхъ чувствъ, о. Іоаннъ, тѣмъ самымъ, сталъ величайшей нравственной цѣнностью для общества. Значеніе этой цѣнности мы яснѣе можемъ представить себѣ, если вспомнимъ слова Карлейля, что благоговѣнію необходимо учиться и что онъ, Карлейль, обучившись въ дѣтствѣ этому высокому чувству, счастливъ, что можетъ всякій

разъ предъ величіемъ нравственныхъ идеаловъ испытывать это чувство съ новой силой. Въ душѣ о. Іоанна Кронштадтскаго, на ряду съ другими чувствами, никогда не меркнетъ чувство благоговѣнія, оно у него такъ живо, такъ напряжено, что въ его присутствіи діапазонъ нравственной жизни людей сразу повышается.

Все въ этомъ человѣкѣ носить особенный отпечатокъ. Всѣ проявленія чувства у него отличаются необыкновенной глубиной и полнотой, превосходящей обычные предѣлы. Его пронизательность и тонкость, съ которыми онъ распознаетъ психическое состояніе человѣка, совершенно исключительны. Если къ этому присоединить колоссальную волю, то мы составимъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ его дарованій. Самое здоровье его стоитъ въ полной гармоніи съ его душевными способностями: не смотря на свои 70 лѣтъ, онъ выглядить человѣкомъ, имѣющимъ не болѣе 50 лѣтъ; онъ постоянно бодръ, свѣжъ, неутомимъ. Онъ подкрѣпляетъ свои силы сномъ при возможномъ притока свѣжаго воздуха—при открытыхъ въ смежной комнатѣ окнахъ, даже зимою. Крайнее напряженіе силъ, котораго требуетъ его сложная миссія, не только не оказываетъ вреднаго вліянія на его здоровье, но, повидимому, только укрѣпляетъ и закаляетъ его на новые подвиги. Такая исключительная нервно-психическая организація свойственна большинству талантливыхъ людей. На лицѣ о. Іоанна и во всемъ внѣшнемъ видѣ его отпечатлѣны необыкновенная доброта, кротость и привѣтливость, и намъ вполне понятно стремленіе массъ *видѣть* о. Іоанна, *взглянуть* на него. Въ этомъ стремленіи несомнѣнно сказывается потребность видѣть этого исключительнаго, *истиннаго* *человѣка*—видѣть и поучаться.

Когда мы говоримъ о выдающихся дарованіяхъ какаго-либо лица, мы ищемъ доказательствъ и слѣдовъ его

дѣятельности—въ наукѣ, поэзіи, искусствахъ и практической жизни; мы задаемъ себѣ вопросъ о спеціальности такого человѣка, о его трудахъ, его дѣятельности. Спеціальность о. Іоанна—нравственное усовершенствованіе себя и другихъ. Его труды записаны не въ книгахъ, не на полотнѣ, но въ милліонахъ сердець; записаны и запечатлѣны такъ прочно, какъ не всегда запечатлѣвается въ нашемъ умѣ то, что мы видимъ, слышимъ, читаемъ. Этотъ живой носитель и проповѣдникъ нравственныхъ идеаловъ, проводящій ежедневно 15—20 часовъ то въ храмѣ, то подъ открытымъ небомъ, то въ многолюдныхъ собраніяхъ, не печатаетъ своихъ трудовъ. Онъ словомъ, дѣломъ, примѣромъ, а болѣе всего своей личностью воспитываетъ общество. *Онъ преподаетъ науку жизни.* Повидимому такой науки не существуетъ. Конечно, нѣтъ! Умѣнье жить—это не наука, но философія. Древніе греческіе мыслители были правы, утверждая, что прожить жизнь есть великое искусство, и что только мудрецъ сумѣетъ правильно осуществить эту задачу.

Въ наши дни такимъ мудрецомъ, такимъ нравственнымъ философомъ является о. Іоаннъ Кронштадтскій. Единодушное стремленіе къ нему есть знаменіе времени. Оно показываетъ, какую цѣну для людей имѣетъ нравственность, какъ трудны и какъ дороги всякіе успѣхи въ ней!

Душа и мозгъ великихъ людей—Гамбетты, Тургенева и Гельмгольца.

*Речь, произнесенная на торжественномъ годовомъ собраніи
Кіевскаго психіатрическаго общества 31 октября 1899 г.*

Начало нынѣшняго, уже заканчивающагося, столѣтія ознаменовалось смѣлой, и, для того времени, совершенно недостижимой, попыткой локализовать высшія психическія отправленія въ головномъ мозгу. Галль и Шпурцгеймъ создали свою знаменитую френологію, исходя изъ проблематическаго предположенія о существованіи соотношенія между анатомическимъ развитіемъ мозга и качествомъ душевныхъ свойствъ индивидуума. Та самая страна, которая положила начало этому ученію—дружественная нашему отечеству Франція—блестяще и закончила ученіе о локалізаціяхъ установленіемъ и собраніемъ важнѣйшихъ фактовъ касательно центра рѣчи въ чело-вѣческомъ мозгу.

Открытіе центра рѣчи, сдѣланное французскимъ антропологомъ Брока, послужило вступленіемъ къ открытію другихъ нервныхъ центровъ и закончилось въ послѣдніе два года установленіемъ ученія о локалізаціи высшихъ психическихъ отправленій. Ученіе Флексига о трехъ ассо-

ціативныхъ центрахъ должно быть отнесено съ полнымъ правомъ къ числу величайшихъ открытій, передаваемыхъ нашимъ вѣкомъ въ наслѣдіе двадцатому столѣтію.

Къ числу наиболѣе любопытныхъ и, быть можетъ, глубокомысленныхъ сторонъ въ ученіи о локалізаціяхъ относятся попытки изслѣдовать строеніе мозга великихъ людей въ связи съ вопросомъ объ ихъ душевныхъ качествахъ. Вскрытіе и изслѣдованіе мозга выдающагося человѣка—какой нерукотворный памятникъ въ честь почившаго и какой—мы постараемся показать это—великій урокъ человѣчеству! Нѣкоторую часть относящихся сюда фактовъ мы позволимъ себѣ предложить вашему благосклонному вниманію.

Великій гражданинъ Франціи и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ораторовъ и государственныхъ людей нашего вѣка, Гамбетта, былъ послѣ смерти вскрытъ, и мозгъ его изслѣдованъ и описанъ со всею точностью научнаго анализа. Человѣкъ, сослужившій своему отечеству великую службу при жизни, оказалъ услуги и наукѣ своими бранными останками. Удививъ современниковъ своей могучей общественной дѣятельностью, онъ удивилъ ученыхъ своимъ мозгомъ!

Пылкій, рано развившійся въ умственномъ отношеніи, необыкновенно живой и увлекающійся, Гамбетта уже въ юности проявилъ замѣчательныя особенности своей нервно-психической организаціи. Онъ обладалъ поразительной памятью словъ и необыкновенно подвижными словесными ассоціаціями. Заучиваніе отрывковъ изъ классическихъ произведеній, блестящее выразительное декламированіе было его любимымъ занятіемъ. Онъ особенно увлекался рѣчами Цицерона, Демосѣна и французскихъ ораторовъ всѣхъ временъ. Онъ не любилъ музыки, и въ то время, когда музыка возбуждала другихъ къ пѣнію,

въ немъ она вызывала неудержимую потребность къ декламации и импровизации. Было очевидно, что всѣ впечатлѣнія, попадающія въ звуковую территорію его мозга, имѣютъ неудержимое стремленіе находить себѣ исходъ въ двигательныхъ отправленіяхъ рѣчи. Его даръ слова былъ такъ свободенъ и могущественъ, что ему блестяще удавались самыя поразительныя и искусныя парламентскія рѣчи, послѣ самаго незначительнаго срока подготовленія, иногда экспромтъ, послѣ минутнаго обдумыванія. Ему достаточно было сдѣлать для памяти нѣсколько гіероглифическихъ замѣтокъ на клочкѣ бумаги. Замѣтки эти вписывались въ схему, раздѣленную на квадратики—доказательство, что Гамбетта пользовался зрительной памятью для удержанія въ умѣ главнѣйшихъ частей своей рѣчи, предоставляя подробности творческой работѣ своей звуковой памяти.

Достигнувъ умственной зрѣлости, Гамбетта рано сдѣлался выдающимся судебнымъ ораторомъ, но впереди его ждала другая дѣятельность, для которой у него было столько же силъ и призванія, какъ для ораторскаго таланта. Въ немъ неожиданно сказался крупный государственный человѣкъ, смѣлый, рѣшительный, обладавшій чутьемъ въ опредѣленіи момента дѣйствія. Въ этомъ сказалась новая черта его индивидуальности. Личность Гамбетты высоко поднялась въ эпоху великихъ несчастій, постигшихъ Францію въ 1870 г. Спасеніемъ своей независимости и чести Франція обязана болѣе всего Гамбеттѣ. Въ самыя критическія минуты жизни Франціи, Гамбетта явился народнымъ вождемъ, за которымъ единодушно послѣдовала потрясенная нація. Никто лучше его не могъ понять національнаго характера французовъ и потребностей минуты. Онъ обнаружилъ истинную проницательность и явился искуснымъ цѣлителемъ политическихъ и общест-

венныхъ ранъ своего отечества. Среди неслыханныхъ бѣдствій войны, въ разгаръ всеобщаго смятенія, онъ сумѣлъ вдохнуть въ цѣлую націю силу своей воли и характера и свою вѣру во Францію и во французскій геній.

Основными психологическими чертами характера и личности Гамбетты являются спокойствіе и самообладаніе въ минуты подготовленія къ дѣлу, затѣмъ бурная стремительная дѣятельность, одушевляемая безграничной вѣрой въ себя и въ свои силы. Могучія чувства, охватывавшія Гамбетту, въ разгарѣ дѣятельности, увлекали за собой всѣхъ. Сила его вліянія на людей заключалась не въ искусствѣ приспособленія къ требованіямъ минуты, но въ истинномъ величіи характера, въ неотразимомъ вліяніи на общество, въ способности мобилизовать нравственные силы страны одной силой личнаго одушевленія. Портреты и наброски фізіономіи Гамбетты, въ различные моменты его дѣятельности, наглядно подтверждаютъ сказанное. Гамбетта спокоенъ въ обычныя минуты жизни, какъ показываетъ его портретъ, онъ смѣлъ и рѣшителенъ среди рѣчи, онъ пылокъ и буренъ, какъ могучій горный потокъ, когда онъ становится защитникомъ великаго дѣла или пострадавшей правды. Такимъ онъ представляется, напр., въ моментъ произнесенія рѣчи въ защиту Бодена. Въ эти минуты фигура Гамбетты напоминаетъ картины Микель-Анжело, и любой художникъ могъ-бы воспользо-ваться его фигурой для изображенія силы воли и рѣшительности.

Легкость и быстрота, съ которой умственные процессы зрѣли въ умѣ Гамбетты до степени рѣшеній и дѣйствій, неоднократно поражали наблюдателей. Способность его импровизировать рѣчи и дѣйствія проявлялась

нерѣдко въ размѣрахъ, указывающихъ на истинную талантливость его натуры.

Вскрытіе мозга, принадлежащаго столь оригинальной и выдающейся личности, представляло, безъ сомнѣнія, самый живой интересъ. Легко понять, что въ странѣ, которая положила начало ученію о локализціяхъ и центръ рѣчи, въ этой странѣ, у ея людей науки проявилось неудержимое стремленіе бросить пытливый взоръ анатома на угасшій органъ, столь поражавшій всѣхъ своею дѣятельностью! По настоянію представителей парижскаго антропологическаго общества, мозгъ Гамбетты былъ вскрытъ въ Ville de'Avray проф. Корнилемъ въ присутствіи выдающихся ученыхъ Франціи, и, какъ величайшая цѣнность, на рукахъ врачей, былъ доставленъ въ антропологическую лабораторію, гдѣ произведено тщательнѣйшее научное изслѣдованіе, долженствовавшее раскрыть тайну талантовъ, одушевлявшихъ живой организмъ.

Мозгъ Гамбетты оказался имѣющимъ небольшой вѣсъ, нѣсколько меньше средняго вѣса (именно 1246 граммовъ, вмѣсто 1360); но его строеніе отличалось необыкновенной правильностью и надлежащимъ развитіемъ всѣхъ частей, и въ этомъ отношеніи мозгъ Гамбетты могъ быть названъ прекраснымъ мозгомъ для обыкновеннаго человѣка, какъ его назвалъ проф. Mathias Duval. Однако-же, оказалась одна особенность, которая удивила и поразила обширную аудиторію ученыхъ, присутствовавшихъ при вскрытіи: она состояла въ необыкновенномъ развитіи ассоціативнаго центра рѣчи. Этотъ центръ найденъ столь совершенно и полно развитымъ, что въ этомъ отношеніи мозгу Гамбетты необходимо отвести одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду мозговъ выдающихся людей, обладавшихъ ораторскимъ ис-

кусствомъ, коковы были, напр., юристъ Wulfert, философъ Huber и др.

На примѣрѣ мозга Гамбетты удалось установить одно изъ важныхъ научныхъ положеній, именно значеніе упражненія въ дѣлѣ усовершенствованія душевныхъ дарованій и талантовъ. Развитіе центра рѣчи, доведенное у Гамбетты постояннымъ и неутомимымъ упражненіемъ до высокаго совершенства, сообщило всему душевному строю его такую широту и такую мощь, которая подняли его высоко надъ уровнемъ обыкновенныхъ людей и дали ему возможность совершить историческое дѣло, несмотря на то, что во многихъ другихъ отношеніяхъ его мозгъ представлялъ обыкновенныя достоинства. Это значеніе упражненія, такъ чудно формулированное въ притчѣ о талантахъ, подтверждено съ особенною ясностью и на мозгѣ Гельмгольца, какъ увидимъ ниже.

Выдающееся развитіе центра рѣчи и всѣхъ его побочныхъ аппаратовъ, особенно зрительнаго центра рѣчи у Гамбетты, дали ему возможность держать въ памяти, въ полной готовности, такую массу словъ, оборотовъ и словесныхъ ассоціацій, которая, служа могучимъ субстратомъ мысли, ставили Гамбетту на такую умственную высоту, которая сразу выдѣляла его изъ уровня обыкновенныхъ людей въ мыслительномъ отношеніи.

Органъ рѣчи есть величайшее орудіе мысли, и на примѣрѣ вліянія Гамбетты на современниковъ мы видимъ, какимъ двигателемъ прогресса можетъ стать слово, поражая людей, плѣняя ихъ, отдавая во власть оратора и заставляя слѣдовать за тѣмъ, кто сумѣлъ убѣдить, увлечь, внушить силу и одушевленіе.

Переходимъ къ другому представителю слова, который, если не обладалъ подобно Гамбеттѣ громами и стрѣ-

лами рѣчи, то, тѣмъ не менѣе, покоришь себѣ людскія сердца мощью своего несравненнаго художественнаго слова. Кому неизвѣстна плѣнительная личность Тургенева, кто не воспитывалъ своей души его обаятельными произведеніями, кто не упражнялъ своихъ словесныхъ ассоціацій при посредствѣ несравненныхъ образцовъ его русской рѣчи? Удивительный органъ, расположенный въ третьей лобной извилинкѣ, требуетъ непрерывнаго упражненія, нуждается въ нескончаемой гимнастикѣ для своего правильнаго развитія. Безъ этой гимнастики онъ останется жалкимъ и немощнымъ. Великій художникъ русской рѣчи, Тургеневъ, далъ намъ въ своихъ произведеніяхъ несравненные образцы для художественнаго упражненія центра рѣчи, для содѣйствія развитію тѣхъ механизмовъ, которые своею дѣятельностью возвысили человѣка надъ животнымъ міромъ и которые, какъ показываетъ примѣръ Гамбетты, способны даже обыкновеннаго человѣка поднять высоко надъ общимъ уровнемъ массы. Давая возможность воплотить тайные изгибы мысли въ осязательные, ощутимые, наглядные образы слова—человѣческая рѣчь стала величайшимъ орудіемъ мысли. Усовершенствованіе этого орудія сдѣлалось основнымъ краеугольнымъ камнемъ умственной эволюціи человѣчества. Если техническіе успѣхи, которыми такъ гордится современное человѣчество, имѣютъ существенное значеніе для развитія внѣшняго прогресса человѣка, то успѣхи слова опредѣляютъ прогрессъ самаго органа мысли и тѣмъ предрѣшаютъ вопросъ объ основномъ, исходномъ источникѣ всякаго человѣческаго прогресса.

По единогласному мнѣнію, Тургеневъ въ такой мѣрѣ обладалъ даромъ русскаго слова и даромъ слова вообще, что, за исключеніемъ Пушкина, никто не поднялся на равную съ нимъ высоту. Богатство образовъ, которые

хранились въ его центрѣ рѣчи, было необыкновенно велико, а тонкость и мѣткость, съ которыми онъ облакалъ свою мысль въ формы слова, можно назвать почти неподражаемой. Тургеневъ владѣлъ въ совершенствѣ не только русской рѣчью, но также и французской. Какъ писатель и какъ рассказчикъ, Тургеневъ былъ равно увлекателенъ. Запасъ образовъ въ его рѣчевомъ центрѣ былъ такъ великъ, что подавлялъ его самого и по временамъ, среди рѣчи, Тургеневъ останавливался. Эти остановки и промедленія въ разговорѣ дѣйствовали на незнакомаго слушателя тягостнымъ образомъ, производя впечатлѣніе поисковъ за словомъ; но вдругъ у Тургенева промедленіе разрѣшалось такимъ мѣткимъ новымъ словомъ, такимъ оригинальнымъ оборотомъ, что слушатель былъ пораженъ тонкостью и художественнымъ подборомъ выраженія... Впрочемъ не станемъ изображать Тургенева нашимъ слабымъ словомъ, обратимся лучше къ несравненному художнику научно-литературнаго слова, къ Ренану, и послушаемъ, какъ онъ изображаетъ Тургенева. «Никогда, говоритъ Ренанъ, тайны народнаго сознанія, еще темнаго и полнаго противорѣчій, не были раскрыты съ такой удивительной пронизательностью. Тургеневъ чувствовалъ и творилъ непосредственно и въ то-же время сознавалъ себя; онъ былъ вмѣстѣ и народомъ, и избранникомъ народа. Онъ чувствителенъ какъ женщина и невозмутимъ какъ анатомъ, чуждъ предразсудковъ, какъ философъ, и нѣженъ какъ ребенокъ. Счастлива та народность, которая на первымъ порахъ своей сознательной жизни могла быть представлена въ такихъ образахъ, въ одно и то-же время наивныхъ и глубокомысленныхъ, реальныхъ и мистическихъ. Когда будущее покажетъ намъ мѣрку того, что дастъ намъ этотъ удивительный славянскій геній, съ его пылкой вѣрой, съ его глубокимъ чутьемъ, съ его особыми воззрѣніями на

жизнь и смерть, съ его потребностью мученичества, съ его жаждой идеала—тогда картины Тургенева будутъ безцѣнными документами, чѣмъ-то въ родѣ портрета гениальнаго человѣка въ его дѣтствѣ. Тургеневъ сознавалъ трудность этой роли—выразителя одной изъ великихъ семей челоѣчества. Онъ чувствовалъ, что на немъ лежитъ отвѣтственность за много душъ, и какъ честный челоѣкъ, онъ взвѣшивалъ каждое свое слово, онъ дрожалъ за все, что говорилъ и чего не говорилъ.

Его миссія была вполне умиротворяющей. Онъ былъ, какъ Богъ въ книгѣ Іова «творящій миръ на высяхъ». То, что у другихъ производило разладъ, у него становилось основой гармоніи. Въ его широкой груди примиряться противорѣчія; проклятія и ненависть обезоруживались волшебнымъ обаяніемъ его искусства. Онъ создаетъ атмосферу высшаго мира, гдѣ и тѣ, кто были противниками, въ концѣ концовъ находятъ, что они были лишь сотрудниками, онъ открываетъ эру великаго всепрощенія, гдѣ враждовавшіе между собою на аренѣ прогресса успокаиваются рядомъ, подавъ другъ другу руки.

И дѣйствительно, выше племени стоитъ челоѣчество, или, если хотите, разумъ. Тургеневъ принадлежалъ одному племени по чувству и по творчеству, но онъ принадлежитъ всему челоѣчеству силой высшей философіи, смотрящей яснымъ взоромъ на челоѣческую жизнь и старающейся безъ предвзятой мысли познать дѣйствительность. Эта философія соединялась въ немъ съ кротостью, съ любовью къ жизни, съ состраданіемъ къ живымъ существамъ, въ особенности къ жертвамъ несчастія. Онъ горячо любилъ это бѣдное челоѣчество, часто слѣпое, конечно, но и такъ часто обманываемое своими вождями. Онъ сочувствовалъ его стремленію къ добру и къ

истинѣ. Онъ не преслѣдовалъ его иллюзій, онъ не сѣтовалъ на его жалобы. Желѣзная политика, издѣвающаяся надъ страждущими, не была его политикой. Никакое разочарованіе не останавливало его. Подобно вселенной, онъ готовъ былъ тысячу разъ начинать снова неудавшееся дѣло, онъ зналъ, что справедливость можетъ ждаъ: въ концѣ концовъ всегда обратятся къ ней. Онъ поистинѣ обладалъ словомъ вѣчной жизни, словомъ мира, справедливости, любви и свободы»...

Тургеневъ скончался во Франціи отъ рака позвоночнаго хребта. Тѣло его было вскрыто. Когда въ газетахъ появились спѣшные отчеты о результатахъ вскрытія, они были такъ поразительны, что журналы не сразу рѣшались сдѣлать перепечатки, пока истина не была, наконецъ, положительно засвидѣтельствована. Вскрытіе было произведено докторами Brouardel'емъ, Paul Second'омъ, Desout и Magnin'омъ. Вѣсъ мозга оказался необыкновенно большимъ, именно — онъ былъ равенъ 2012 граммамъ, т. е. на цѣлую треть больше средняго вѣса человѣческаго мозга. Такой вѣсъ имѣеть, несомнѣнно, огромное значеніе для органа, каждая частица котораго является источникомъ нервной силы, орудіемъ психической дѣятельности. Хотя Тургеневъ былъ высокаго роста, но его мозгъ, даже принимая во вниманіе это обстоятельство, поразительно великъ: онъ значительно больше мозга Кювье, считавшагося за самый большой, и насколько можно судить по достовѣрнымъ даннымъ, только мозгъ, описанный Рудольфи, превзошелъ Тургенева. Мозгъ Тургенева оказался замѣчательнымъ и по своему строенію, но въ особенности по необыкновенному богатству извилинъ. Такъ какъ извилины служатъ къ увеличенію поверхности мозга, т. е. мозговой коры, то богатство извилинъ равносильно увеличенію самой цѣнной части мозга. Все это, вмѣстѣ взя-

тое, ставить мозгъ Тургенева въ разрядъ величайшихъ рѣдкостей въ мірѣ. Какъ жаль, что такая цѣнность положена въ могилу, а не въ научный музей!

Если мы осторожной рукой анатома коснемся этой органической драгоцѣнности, то прежде всего насъ поражаетъ масса мозга. Очевидно, что подобный органъ рассчитанъ на необыкновенно широкую возможность накапливать впечатлѣнія и хранить ихъ въ обширныхъ тайникахъ памяти. Но еще болѣе значенія имѣетъ масса извилинъ, характеризующая этотъ мозгъ. Эта особенность указываетъ на возможность необыкновенной дифференцировки и тончайшей разработки впечатлѣній въ многочисленныхъ вторичныхъ и третичныхъ извилинахъ, на которыя подраздѣлены основные главнѣйшіе центры. Иными словами, масса извилинъ въ мозгу Тургенева явилась анатомическимъ условіемъ поэтическаго творчества, требующаго новыхъ, оригинальныхъ, тончайшихъ приѣмовъ для разчлененія и распознаванія впечатлѣній. Можно сказать, что самое строеніе мозга объясняетъ намъ силу художественнаго чувства—тонкаго, всепроницающаго, недоступнаго обыкновенному человѣку, обладающему лишь небольшимъ числомъ вторичныхъ и третичныхъ извинокъ мозга. Такимъ образомъ, съ фізіологической точки зрѣнія, на мозгъ Тургенева необходимо смотрѣть какъ на колоссальное вмѣстилище впечатлѣній, какъ на могучее орудіе памяти, какъ на физическій приборъ необыкновенной тонкости, способный къ раздѣльному воспріятію и переработкѣ самыхъ мельчайшихъ подробностей и оттѣнковъ впечатлѣнія. То высокое совершенство, съ которымъ устроенъ центръ рѣчи въ мозгѣ Гамбетты, у Тургенева распространяется на весь мозгъ. Необыкновенное развитіе центра рѣчи у Гамбетты является лишь частью того великаго плана, по ко-

горому устроены весь мозг Тургенева. Гамбетта обладалъ орудіемъ мѣткого, остраго слова, способностью поражать и увлекать, у Тургенева слово явилось великимъ орудіемъ художественнаго анализа и воспроизведенія впечатлѣній. Гамбетта былъ въ своемъ словѣ и дѣйствіяхъ пылокъ, стремителенъ, блестящъ и страстенъ; Тургеневъ съ своей несравненной русской рѣчью и душой былъ тихъ, сдержанъ, тонокъ, проникателенъ. У одного *потенціальная* энергія легко и скоро переходила въ *кинетическую*, у другого все попадавшее въ душу подвергалось многообразной переработкѣ и сложному процессу дифференцированія, и такимъ образомъ въ тихой, безшумной душѣ Тургенева назрѣвало безгранично изощрявшееся поэтическое чутье и художественный талантъ, возвысившій его на степень мірового генія!

Но что общаго у великаго русскаго писателя съ великимъ ученымъ, естествоиспытателемъ и мыслителемъ, котораго мы ставимъ съ нимъ рядомъ въ нашемъ анализѣ? Что общаго имѣетъ Тургеневъ и Гельмгольцъ? Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы скажемъ, что мозгъ Гельмгольца представляетъ собою наиболѣе поучительный матеріалъ для разъясненія вопросовъ, которые насъ занимаютъ; онъ сближаетъ данныя, которыя мы находимъ въ мозгѣ Гамбетты и Тургенева; онъ является какъ-бы посредствующимъ звеномъ въ тѣхъ разнообразныхъ типахъ, по которымъ природа созидаетъ мозгъ человѣка и тѣмъ предопредѣляетъ его характеръ, душевный строй и направленіе жизни.

Едва-ли нужно говорить о талантахъ и широкой научной дѣятельности Гельмгольца. Кто не знакомъ съ его капитальными изслѣдованіями и открытіями въ области фізіологіи, физики и психологіи. Всестороннему уму Гельмгольца были одинаково доступны наука и эстетика,

математика и музыка. Съ именемъ Гельмгольца связано много важнѣйшихъ вопросовъ современной науки и въ томъ числѣ вопросъ о сохраненіи энергіи въ природѣ. Уже въ этой разнообразности его знаній сказалась талантливость его натуры, но проф. Ганземаннъ не безъ основанія указываетъ еще на одну черту, свойственную Гельмгольцу, какъ и всѣмъ вообще выдающимся людямъ: на неутомимость въ умственной работѣ до глубокой старости. Проф. Ганземаннъ дѣлитъ всѣхъ людей на четыре группы. Къ первой отъ относить тѣхъ, которые поддерживаютъ свое психическое напряженіе и свою умственную работоспособность употребленіемъ химическихъ возбудителей (алкоголь, табакъ, кофе) или психическихъ (людское общество, забавы, развлеченія и пр.). Ко второй категоріи относятся болѣзненные субъекты, у которыхъ медленное, длительное раздраженіе мозга какимъ либо патологическимъ процессомъ служитъ источникомъ нездоровой возбужденной дѣятельности. Третью, самую многочисленную группу въ человѣчествѣ составляютъ люди среднихъ дарованій, совершенно здоровые, которые съ успѣхомъ трудятся въ молодые годы, но затѣмъ постепенно понижаются, превращаясь въ самыхъ обыкновенныхъ, заурядныхъ людей. Такая перемѣна у многихъ происходитъ уже въ двадцатыхъ годахъ ихъ жизни, но у большей части въ сороковыхъ годахъ. Въ этихъ случаяхъ дѣло идетъ, повидимому, о простомъ притупленіи нервной возбудимости или объ утомленіи, но безъ всякой болѣзни. Наконецъ, въ составъ четвертой группы входятъ люди съ выдающимися, устойчивыми дарованіями, способные успѣшно работать всю жизнь до старости. Сюда относятся всѣ геніальные и талантливые люди. Къ нимъ Ганземаннъ относитъ и Гельмгольца. Выдающіяся дарованія и необыкновенное трудолюбіе—эти два нераздѣльные качества—свой-

ственны были Гельмгольцу, какъ и всѣмъ вообще геніальнымъ и талантливымъ людямъ, для которыхъ работа и умственное напряженіе составляютъ такую же потребность, какъ и самая жизнь.

Подобно профессору Шарко, Гельмгольцъ до старости, лучше сказать, до начала смертельной болѣзни сохранилъ полное здоровье и полное обладаніе своими выдающимися умственными силами. Въ іюль 1894 года у Гельмгольца на 73 году произошло мозговое кровоизліяніе, чрезъ шесть недѣль оно повторилось, и два дня спустя великаго ученаго не стало!

Несмотря на возрастъ, 73 года, и на существовавшую значительную старческую атрофію черепа, въ мозгу Гельмгольца не замѣчалось никакихъ старческихъ измѣненій. Возрастъ и старость оставили свой слѣдъ въ сердцѣ и другихъ частяхъ тѣла, но не коснулись мозга. Вѣсъ мозга оказался равнымъ 1440 граммамъ, т. е. болѣе средняго вѣса на 100 граммовъ. Въ мозгу найдены незначительные слѣды бывшей въ дѣтствѣ головной водянки, о существованіи которой зналъ самъ Гельмгольцъ¹⁾.

До самаго послѣдняго времени мозгъ великихъ людей не былъ предметомъ изслѣдованія, а потому подробное изслѣдованіе мозга Гельмгольца представляетъ выдающійся интересъ.

Самую поразительную особенность мозга Гельмгольца составляетъ многочисленное дробленіе извилинъ, какъ у Тургенева, наблюдаемое во всѣхъ частяхъ мозга. Наиболее развитыми оказались лобныя доли: онѣ до неузнаваемости преобразованы вслѣдствіе проявленія массы вторичныхъ и третичныхъ извилинъ. Далѣе оказалась необыкновенно развитой задняя часть правой височной извилины,

¹⁾ Hansemann. Ueber das Gehirn v. Helmholtz. Zeitschrift f. Psychologie. Bd. XX.

гдѣ помѣщается слуховой центръ; но еще большее и, можно сказать, необыкновенное развитіе замѣчается въ тѣхъ частяхъ мозга, гдѣ находится большой ассоціативный центръ Флексига. Выдающееся развитіе представляетъ также четырехугольная долька; ее можно назвать самой замѣчательной частью мозга Гельмгольца. Всѣ поименованныя сейчасъ части входятъ въ составъ большого ассоціативнаго центра. Такимъ образомъ, и лобный, и затылочно-темянной ассоціативные центры представляютъ необыкновенно роскошное развитіе и этимъ ставятъ мозгъ Гельмгольца въ совершенно исключительное положеніе, въ сравненіи съ мозгомъ обыкновенныхъ людей.

Если сравнить мозгъ Гельмгольца съ обычной схемой человѣческаго мозга,—со среднимъ человѣческимъ мозгомъ,—то существеннѣйшее различіе состоитъ въ томъ, что у Гельмгольца ассоціативные центры представляютъ колоссальное развитіе, центры-же органовъ чувствъ у него развиты не болѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ людей. При такихъ условіяхъ организациі своего мозга, Гельмголецъ могъ воспринимать внѣшній міръ не лучше, чѣмъ обыкновенный человѣкъ; но своей способностью *хранить впечатлѣнія и перерабатывать ихъ* онъ безконечно превосходилъ обыкновенныхъ людей. Иначе говоря, Гельмголецъ, обладая наравнѣ съ другими людьми низшими аппаратами познанія и вниманія, превосходилъ другихъ своими высшими мыслительными центрами.

Всѣ отдѣлы и территоріи ассоціативнаго аппарата развиты у Гельмгольца съ особою тщательностью и въ полной взаимной гармоніи. Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ, безъ сомнѣнія, сущность организациі мозга у талантливыхъ людей. Гельмголецъ, при массѣ мозга, въ 1,446 граммовъ, не можетъ быть поставленъ въ умственномъ отношеніи ниже Тургенева, мозгъ котораго 2,012 граммовъ. Оче-

видно, что не только масса мозга, по болѣе всего гармоническое устройство его, съ преимущественнымъ развитіемъ въ немъ *всѣхъ отдѣловъ* ассоціативнаго аппарата, предрѣшаетъ вопросъ о геніальности и талантливости. Въ этомъ отношеніи высоко поучительнымъ является фактъ, что въ мозгу обыкновенныхъ людей можно встрѣчать отдѣльныя части ассоціативнаго аппарата хорошо развитыми, какъ, напр., Флексигъ нашелъ въ мозгу одной обыкновенной по уму, но доброй женщины, нѣкоторыя части мозга развитыми такъ хорошо, какъ у Гельмгольца, но только *нѣкоторыя*, а не всѣ.

Такимъ образомъ на примѣрѣ мозга Гельмгольца и Тургенева видимъ, что преимущество талантливаго человека состоитъ въ обладаніи гармонически организованнымъ мозгомъ, съ развитіемъ *всѣхъ отдѣловъ* ассоціативнаго аппарата.

Впрочемъ, въ этой особенноти, въ этомъ счастливомъ дарѣ природы не содержится ничего фатальнаго, никакого слѣпago предопредѣленія, исключаящаго значеніе другихъ условій. Данныя, почерпнутыя изъ разсмотрѣнія мозга Гельмгольца, проливаютъ свѣтъ и на эту побочную, но не менѣе существенную сторону вопроса.

Гельмголецъ въ продолженіе своей долгой, преисполненной труда, жизни неустанно работалъ *всѣми тѣми* частями своего мозга, которыя у него сказались особенно развитыми: онъ не закопалъ въ землю ни одного таланта. Несмотря на свою строго научную работу, посвященную естествознанію, физикѣ и математикѣ, онъ не оставлялъ занятій музыкой, изучалъ философію и увлекался ею, не менѣе также увлекался и музыкой. Причина этихъ увлеченій великаго человека коренилась въ строеніи его нервныхъ центровъ: вскрытіе его мозга показало, что онъ

имѣлъ богато развитой звуковой центръ на ряду съ такимъ-же богатымъ развитіемъ всѣхъ ассоціативныхъ центровъ. Очевидно, что музыка ему была необходима для того, чтобы постоянно держать звуковой центръ на высотѣ возбужденія, чтобы не очутиться, въ отношеніи этого центра, въ томъ положеніи, въ какое впадаетъ большая часть людей, въ отношеніи всѣхъ центровъ своего мозга, какъ показалъ Ганземаннъ. Далѣе, мы видимъ, что несмотря на общій философскій характеръ всѣхъ своихъ ученыхъ работъ, даже специальныхъ, Гельмгольцъ все еще чувствовалъ потребность упражнять свой умъ чтеніемъ и изученіемъ философовъ. Безъ сомнѣнія, безпримѣрное развитіе ассоціативныхъ центровъ, какое находимъ у Гельмгольца, неминуемо требовало занятій философіей, такъ какъ философская работа является однимъ изъ важнѣйшихъ упражненій для поддержанія силы высшихъ центровъ. Эти упражненія помогали Гельмгольцу держать свои ассоціативные центры въ томъ, постоянно высокомъ, напряженіи, которое не могло быть вполне достигнуто при посредствѣ менѣе сложной умственной работы. Очевидно, что великій человекъ субъективно прислушивался ко всѣмъ запросамъ своей души, внимательно оцѣнивалъ работоспособность и остроту cadaго изъ многочисленныхъ нервныхъ центровъ своего мозга и старался постоянно держать въ напряженіи каждую территорію и всякій отдѣлъ своего несравненнаго мыслительнаго прибора. Такой культурой своихъ способностей и своихъ нервныхъ отправленій Гельмгольцъ достигъ необыкновенныхъ результатовъ въ усовершенствованіи всѣхъ дѣятельностей своего мозга. Подобнымъ образомъ поступали всѣ великіе люди: они сдѣлались великими не только въ силу природныхъ дарованій, но и благодаря правильному, непре-рывному, нагрязенному труду, которому они предавались

всю жизнь. Мы видимъ это и у нашихъ великихъ писателей: они напряженно трудились для поддержанія и развитія своего художественнаго таланта; они боялись уменьшенія остроты своихъ дарованій; страшились сѣраго, безцвѣтнаго существованія; искали вдохновенія и тяжело терзались, какъ, напр., Лермонтовъ, когда вдохновеніе падало, когда поэтъ художественнымъ чутьемъ опредѣлялъ пониженіе фізіологической возбудимости въ своихъ высшихъ нервныхъ центрахъ.

Но и какая-же награда ждетъ работника за его усилія! Древніе греческіе мыслители и врачи совѣтывали людямъ, вступающимъ въ преклонный возрастъ, занятіе умственнымъ трудомъ—какъ средство для поддержанія силъ и продленія жизни. Это предчувствіе истины въ настоящее время стало истиной, научно-доказанной, и на мозгѣ Гельмгольца мы видимъ блестящее подтвержденіе ея. Несмотря на патологическія измѣненія органовъ тѣла, неизбежныя въ старости—на склерозъ артерій, гипертрофію сердца, измѣненіе почекъ—мозгъ Гельмгольца оставался поразительно сохранившимся и не обнаруживалъ никакихъ слѣдовъ старческой атрофіи, несмотря на 73-лѣтній возрастъ Гельмгольца. Какъ на особенно поразительный фактъ, найденный при вскрытіи, въ протоколѣ вскрытія указывается на то, что черепъ оказался сильно атрофированнымъ, необыкновенно легкимъ, его внутреннія и внѣшнія пластинки были истончены, по мѣстамъ исчезла межкостная ткань, словомъ—полная картина старческой атрофіи черепа. Но разрушеніе не распространилось дальше этого. Костный ящикъ, въ которомъ хранился мозгъ Гельмгольца, былъ уже при жизни полуразрушенъ старостью, но величайшая живая цѣнность, которую онъ содержалъ, оставалась нетронутой: рука времени не коснулась ея. Постоянное умственное напря-

женіе, которымъ жилъ великій человѣкъ, охраняло отъ разрушенія мозговую ткань и поддерживало ее въ состояніи полной фізіологической жизненности. Какое ободреніе труженикамъ человѣчества въ этомъ знаменательномъ фактѣ! Какое утѣшеніе тѣмъ изъ насъ, которые уже приближаются къ предѣльному возрасту человѣческой жизни! Пусть разрушается наше тѣло—таковы законы природы,—но пусть до послѣдней минуты жизни насъ не покидаетъ ясность ума, сила воли и огонь сердца!

Примѣръ жизни великихъ людей указываетъ путь, какъ достигнуть желаннаго конца.

О душевномъ состояніи при аффектахъ.¹⁾

Извѣстный юристъ, профессоръ *Миттермайеръ* въ своей статьѣ о вмѣняемости говоритъ: «многіе недавно происшедшіе уголовные случаи указываютъ еще на одно душевное состояніе подсудимыхъ, обвиненныхъ въ убійствѣ, — душевное состояніе, на которое часто не обращаютъ должнаго вниманія, при заключеніи о способности ко вмѣненію». Это душевное состояніе нельзя подвести подъ разрядъ умопомѣшательства; оно скорѣе представляетъ родъ умоизступленія и душевнаго замѣшательства. (*Verwirrung des Seelenlebens*).—Случаи, на которые указываетъ профессоръ *Миттермайеръ*, представляя собою состоянія глубокаго пораженія душевной дѣятельности у человѣка здороваго, относятся къ самымъ труднымъ предметамъ судебно-психіатрической экспертизы. Трудность обсуждения такихъ состояній и выясненія на судѣ ихъ значенія увеличивается, кромѣ ихъ кратковременности, еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что совершаемыя въ те-

¹⁾ Статья была напечатана въ Журн. Арх. Судебн. Медицины въ 1867 году. Хотя статья основана на матеріалѣ судебно-психіатрическомъ, по своему содержанию она касается крупнаго въ психологическомъ отношеніи вопроса — о сильныхъ чувствахъ и страстяхъ. Въ этомъ отношеніи она не лишена интереса съ точки зрѣнія психологіи и нервно-психической гігіены, и потому мы ее включаемъ въ Сборникъ.

ченіе ихъ дѣйствія, нерѣдко тяжкія правонарушенія, носятъ на себѣ, съ перваго взгляда, многіе признаки дѣйствій, совершаемыхъ въ страсти при мало измѣненной дѣятельности разума и воли. Хотя эти состоянія въ принципѣ признаны наукой и законодательною практикой образованныхъ странъ, но примѣненіе принципа на практикѣ представляетъ еще столько трудностей, что, какъ показываетъ наша и иностранная судебно-медицинская казуистика, лица, совершившія преступленіе въ такихъ, несомнѣнно невмѣняемыхъ состояніяхъ, все еще нерѣдко признаются за самыхъ тяжкихъ преступниковъ и подвергаются усиленной карѣ закона. Законодательства различныхъ странъ, пользуясь данными, добытыми психіатріей, старались извѣстнымъ образомъ опредѣлить какъ то душевное состояніе, о которомъ говоритъ *Миттермайеръ*, такъ и подобныя ему состоянія, указывая на тѣ или другіе психологическіе признаки и проявленія ихъ. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ опредѣленій. Австрійское законодательство опредѣляетъ это душевное состояніе слѣдующимъ образомъ. «Дѣяніе или упущеніе не вмѣняется, когда оно совершено въ состояніи полного, но не преднамѣреннаго опьянѣнія, или въ состояніи какого-либо помраченія ума (*Sinnesverwirrung*), въ которомъ виновный не сознавалъ, что дѣлалъ». Прусское уголовное уложеніе говоритъ: «подобно сумасшедшимъ, наказаніе не вмѣняется тѣмъ, которые страхомъ, боязною или гнѣвомъ были приведены въ такое состояніе, что лишались употребленія разсудка». Сѣверо-германское уголовное уложеніе говоритъ: «преступленіе не вмѣняется, если оно совершено въ видахъ необходимой самозащиты. Самозащитою же называется такое дѣйствіе, которое необходимо для предотвращенія отъ себя или отъ другихъ противузаконнаго нападенія. Преступленіе не вмѣняется,

если предѣлы самозащиты перейдены изъ страха, ужаса, изумленія». Вюртембергское уголовное уложеніе говоритъ: «преступленіе не вмѣняется, когда совершившій его лишень былъ свободнаго употребленія разсудка. Сюда относятся главнымъ образомъ неистовство, общее и частное слабоуміе и временное полное растройство чувствъ или разсудка (*Verwirrung der Sinne oder des Verstandes*)». Баварское уложеніе говоритъ: «преступленіе не вмѣняется, если преступникъ во время совершенія его находился въ состояніи безумія, сумасшествія, неистовства, полнѣйшаго опьянѣнія или по другимъ причинамъ совершенно лишень былъ свободы воли или пониманія преступности дѣйствія». Русское уложеніе о наказаніяхъ ст. 92-я, п. 3-ій, говоритъ: «содѣянное не вмѣняется въ вину по безумію, сумасшествію и припадкамъ болѣзни, приводящимъ до умоизступленія или совершеннаго безпамятства». Французскій *Code pénale* (art. 64) говоритъ: «преступленіе и проступокъ не вмѣняется, когда обвиняемый во время совершенія его былъ въ состояніи безумія или находился подъ вліяніемъ силы, которой не могъ противустоять». Англійское законодательство спеціальныхъ статей по этому предмету не содержитъ.

Приведенный перечень положеній изъ уголовныхъ кодексовъ различныхъ государствъ обнимаетъ собою черты, которыя могутъ быть отнесены къ различнымъ душевнымъ растройствамъ, подъ категорію которыхъ подходитъ и то состояніе, которое *Миттермайеръ* называетъ «душевнымъ замѣшательствомъ». Это послѣднее и составляетъ предметъ настоящей статьи. Общепринятое въ наукѣ названіе для этого душевнаго состоянія есть *аффектъ*. *Крафтъ-Эбингъ* слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ его: «аффекты составляютъ проявленія душевной жизни еще вращающіяся въ границахъ здороваго состоянія... Но въ

то же самое время аффектъ есть преходящее разстройство душевной жизни, и, пока онъ длится, психическія отправления стоятъ на одну ступень ниже, чѣмъ внѣ его»¹⁾).

Какъ преходящее разстройство душевной жизни, аффектъ имѣетъ большое значеніе для судебной психіатріи, но также для психологіи и нервно-психической гігіены. Значеніе аффекта можетъ быть достаточно полно выяснено только при помощи психологіи. Предположить психологическій анализъ аффектовъ дальнѣйшему изложенію намъ кажется необходимымъ; этимъ облегчится послѣдующее изложеніе конкретныхъ фактовъ и практическихъ примѣровъ. Уже прежняя психологія (*Вольфъ, Кантъ, Гербартъ*) правильно оцѣнила близкое отношеніе аффекта къ чувству, хотя дѣлала ту ошибку, что признавала между обоими только количественную разницу. Эта ошибка повторяется нерѣдко и въ настоящее время, на что справедливо указываетъ *Ваксмутъ*²⁾). На самомъ же дѣлѣ аффектныя состоянія по своей природѣ составляютъ не чувство, а послѣдствіе его: аффекты происходятъ изъ чувствъ и составляютъ нѣчто объективное, между тѣмъ чувства носятъ болѣе субъективный характеръ. Аффектъ можетъ проявляться, какъ само собою слѣдуетъ изъ понятія о немъ, съ различною силой, а потому онъ имѣетъ обширныя теоретическія границы. Но обыкновенно въ практической психологіи названіе аффекта прилагается только къ сильнѣйшимъ душевнымъ движеніямъ. Понимаемый въ такомъ, болѣе узкомъ смыслѣ, аффектъ происходитъ только подъ вліяніемъ сильнаго, или быстро наступающаго чувства.

¹⁾ Die transitorischen Störungen. 1868, S. 99.

²⁾ Allgem. path. der Seele. 1859, S. 65

Самое частое проявленіе аффекта состоитъ въ мгновенномъ затрудненіи, или даже въ остановкѣ теченія представленій. Всякое сильное чувство, которое быстро въ насъ возникаетъ, будетъ ли то физическая боль, или нечаянность, вызванная неожиданнымъ представленіемъ, производитъ указанное вліяніе на теченіе идей. По этому первый моментъ дѣйствія сильнаго чувства выражается совершенно одинаково: страхъ, изумленіе, живая радость, гнѣвъ сходны между собою въ томъ, что въ нихъ всѣ другія представленія отступаютъ передъ однимъ, которое, поддерживая чувство, наполняетъ собою всю душу. Дальнѣйшее проявленіе аффекта уже бываетъ различно, смотря по чувству, которымъ онъ вызванъ. Именно—за первой остановкой въ теченіи идей можетъ послѣдовать или быстрый наплывъ большого количества представленій, овладѣвающихъ сознаниемъ, или же вниманіе окончательно приковывается только къ тѣмъ представленіямъ, изъ которыхъ впервые возникъ аффектъ. Первое вообще болѣе свойственно аффектамъ, вызваннымъ пріятными чувствами, а второе — вызваннымъ непріятными. Эта разница имѣетъ высокое практическое значеніе, какъ увидимъ ниже при разборѣ частныхъ случаевъ аффектныхъ состояній. Кромѣ описаннаго измѣненія въ сферѣ сознания, т. е. остановки теченія идей, аффекты влекутъ за собою значительныя измѣненія во всѣхъ важныхъ отправленіяхъ организма. Это обстоятельство имѣетъ столь существенное значеніе, что уже издавна въ понятіе объ аффектахъ входило указаніе на эту ихъ особенность. Такъ, еще Цицеронъ опредѣляетъ эффектъ слѣдующимъ образомъ: «*affectus est motus animi vehementior ad corpus simul pertinens*»¹⁾.

¹⁾ Wilbrand. Lhrb. der ger. Psychologie S. 290.

Прежде всего аффектъ отражается въ двигательной системѣ. Въ этомъ отношеніи аффекты производятъ два противоположныя дѣйствія, именно усиливаютъ, или ослабляютъ напряженіе мышцъ. Отсюда между прочимъ, возникло дѣленіе афффектовъ на *стеническіе* и *астеническіе* (Кантъ). Страхъ, тоска, печаль вызываютъ афффекты астеническаго характера; гнѣвъ сначала возбуждаетъ мышечную систему, а потомъ расслабляетъ ее. Подобно гнѣву дѣйствуютъ и многіе другіе афффекты, и вообще едва-ли существуютъ афффекты, которые бы во все время сохранили стенической характеръ. Съ дѣйствіемъ афффектовъ на произвольныя мышцы связано дѣйствіе на нервныя центры кровообращенія, дыханія и выдѣлительныхъ органовъ. Съ усиленіемъ иннерваціи произвольныхъ мышцъ, повидимому, вообще связано ослабленіе регуляторныхъ нервовъ сердца и сосудовъ; а съ ослабленіемъ ея—болѣе или менѣе сильное возбужденіе этихъ нервовъ. Поэтому въ стеническихъ афффектахъ увеличивается частота пульса, периферическіе сосуды расширяются и наполняются кровью, такъ что наконецъ самыя мелкія развѣтвленія артерій начинаютъ пульсировать. Съ этимъ совпадаетъ сильно учащенное дыханіе, часто доходящее до настоящей одышки. Напротивъ того въ астеническихъ афффектахъ, если они поражаютъ человѣка быстро, дѣятельность сердца мгновенно останавливается; при слабѣйшихъ же степеняхъ астеническаго афффекта удары сердца становятся только слабѣе и медленнѣе, а малыя артеріи суживаются, отчего кожа блѣднѣетъ и охлаждается. Всѣ эти измѣненія весьма часто наблюдаются при душевныхъ болѣзняхъ, гдѣ афффекты составляютъ почти постоянный болѣзненный симптомъ. Такимъ образомъ даже умѣренные афффекты угрожаютъ здоровью, если они сдѣлались привычными.

Наклонность къ стеническимъ аффектамъ и таковымъ же настроеніямъ духа, какъ слабѣйшимъ проявленіямъ аффектовъ, способствуетъ развитію болѣзней сердца и предрасполагаетъ къ апоплексіи; заботы же, безпокойства и печаль, какъ состоянія астеническаго характера, вліяютъ на разстройство питанія, уменьшая притокъ крови къ органамъ и количество вдыхаемаго воздуха ¹⁾. Самые же сильные аффекты непосредственно смертельны. Вѣроятно, это происходитъ всегда путемъ быстрого измѣненія въ иннерваціи сердца и сосудовъ. Стеническіе аффекты производятъ апоплексію, астеническіе же—упадокъ дѣятельности сердца, или, можетъ быть, такую же остановку сердца, какая вызывается сильнымъ и продолжительнымъ раздраженіемъ блуждающихъ нервовъ. Вліяніе аффектовъ на дѣятельность выдѣлительныхъ органовъ менѣе постоянно и отчасти менѣе доступно наблюденію. Однакожъ, опытъ показываетъ вообще, что нѣкоторые выдѣлительные органы по преимуществу принимаютъ участіе въ аффектахъ. Боль и печаль дѣйствуютъ на слезныя желѣзы, гнѣвъ на печень, страхъ на прямую кишку, а ожиданіе, сопровождающееся боязнью, на почки и мочевые пути.

Исчисленныя измѣненія въ фізіологическихъ функціяхъ организма при аффектахъ, въ особенности измѣненія въ сферѣ дыханія и кровообращенія въ свою очередь вліяютъ мгновенно на питаніе мозга, а черезъ него на душевное состояніе. Это *возвратное вліяніе* выражается вообще усиленіемъ аффекта. Сильныя мышечныя ощущенія разгнѣваннаго человѣка, подобно другимъ сильнымъ возбужденіямъ сознанія, усиливаютъ стенической

¹⁾ О важныхъ слѣдствіяхъ такого растройства питанія, см Willbrand I. c. S. 188—189, въ примѣч.

характеръ аффекта. Бѣненіе сердца и одышка испуганнаго сами по себѣ дѣйствуютъ устрашающимъ образомъ, и потому, комбинируясь съ существующимъ уже чувствомъ страха, увеличиваютъ его ¹⁾. Сила этого *возвратнаго дѣйствія*, при прочихъ равныхъ условіяхъ, зависитъ и отъ степени раздражительности центральныхъ нервныхъ аппаратовъ—дыхательнаго и сосудистаго, т. е. отъ момента вовсе уже не психическаго, при томъ независимаго отъ воли.

Съ другой стороны, указанная фізіологическія послѣдствія аффектовъ имѣютъ освобождающее дѣйствіе. Гнѣвъ разрѣшается буйствомъ, боль облегчается слезами. Это основывается отчасти на томъ, что эти моменты, усиливая аффектъ, скорѣе доводятъ его до высшей степени. Но *прежде всего* они представляютъ собою исходъ для чрезмѣрнаго внутренняго напряженія, которое чѣмъ менѣе выражается мимикой и слезами, тѣмъ сильнѣе обыкновеннаго поражаетъ центральные органы кровообращенія и дыханія.

Аффектъ, какъ состояніе высокаго внутренняго напряженія, долженъ представлять собою фізіологически-громадную работу, сопровождающуюся тратой большаго запаса силъ, а потому неминуемо долженъ вести къ быстрому истощенію нервной системы. Послѣднее всегда наблюдается какъ въ астеническихъ, такъ весьма часто и въ стеническихъ аффектахъ и имѣетъ, какъ увидимъ ниже, большое практическое значеніе. Въ аффектъ мы видимъ та-

¹⁾ Подробности о взаимодействіи между душевными волненіями и разстройствомъ функций организма см. Lessen. Versuch einer wissenech. Psychologie. 1855. S. 316—330. Къ новѣйшимъ сочиненіямъ, тракующимъ объ аффектахъ, относятся: Ламе. Объ аффектахъ (русск. перев.). Fredault. Les passions.—Lehmann. Die Hauptgesetze d. menschlichen Gefühlsleben 1892. Ribot. Psychologie des Sentiments. 1896.

кимъ образомъ два существенно важныхъ момента: 1) поражение нервныхъ центровъ растительныхъ процессовъ, въ особенности дыханія и кровеобращенія и происходящее отъ того внезапное разстройство въ питаніи мозга и отравленіяхъ его, въ особенности психическихъ; 2) вызываемое аффектомъ быстрое истощеніе нервной системы.

Приведенное теоретическое изложеніе ученія объ аффектахъ облегчитъ намъ дальнѣйшее разсмотрѣніе занимающаго насъ предмета и послужитъ надежною основой въ той трудной области судебно-психическихъ вопросовъ, въ которую мы теперь вступаемъ.

Въ судебно-медицинскомъ отношеніи аффекты имѣютъ большое значеніе, потому что нерѣдко бываютъ причиною кровавыхъ насильственныхъ и разрушительныхъ дѣйствій. Для уразумѣнія этихъ печальныхъ результатовъ аффектныхъ состояній необходимо подробный психологическій анализъ послѣднихъ, произведенный, такъ сказать, по правиламъ клиническаго изслѣдованія, принятымъ психіатріей.

Разборъ конкретныхъ случаевъ аффектныхъ состояній, въ особенности на судѣ, можетъ представить весьма часто большія трудности: каждый разъ необходимо доказывать не только существованіе аффекта, но и опредѣлять степень его. Наше законодательство требуетъ притомъ строгой доказательности. Правда, эта задача облегчается нѣсколько тѣмъ, что нашъ законъ не указываетъ никакихъ признаковъ аффекта и, употребляя весьма общій и широкій терминъ—*умоизступленіе*, тѣмъ самымъ предоставляетъ эксперту полный просторъ въ приведеніи всѣхъ признаковъ этого состоянія, извѣстныхъ наукѣ. Такимъ образомъ, русское законодательство стоитъ, въ этомъ отношеніи; на той идеальной высотѣ, которую

Миттермейеръ считаетъ необходимой для подобныхъ случаевъ ¹⁾). Иностранная законодательства болѣе или менѣе стѣсняють экспертизу, употребляя болѣе частныя и спеціальныя опредѣленія. Опредѣленіе степени аффекта обыкновенно уже заключаетъ въ себѣ элементы для рѣшенія вопроса о вѣрненіи и даетъ суду все, чего можно ожидать отъ экспертизы; а потому опредѣленіе степени аффекта составляетъ на судѣ самый важный вопросъ. Слабѣйшія степени аффекта не признаются, какъ показываетъ судебная практика, состояніями невѣрными, и это вѣроятно будетъ продолжаться еще долго, а можетъ быть и всегда. Болѣе сильныя степени аффектовъ, въ которыхъ душевная дѣятельность видимо разстроивается, нѣсколько чаще, хотя далеко не всегда, служатъ къ оправданію лицъ, имѣвшихъ несчастіе совершить въ этомъ состояніи наказуемая закономъ дѣянія. На этихъ болѣе сильныхъ аффектахъ мы остановимся и укажемъ тѣ признаки ихъ, какіе приводятся обыкновенно въ лучшихъ иностранныхъ судебно-психіатрическихъ экспертизахъ и мнѣніяхъ, и существованіе которыхъ, по нашему мнѣнію, только и можетъ придать аффекту характеръ умоизступленія. При этомъ мы по преимуществу остановимся на аффектахъ, происходящихъ отъ чувствъ непріятныхъ, такъ какъ эти аффекты имѣютъ наибольшее судебно-медицинское значеніе.

Явными признаками глубокаго душевнаго расстройства при аффектахъ служатъ, во-1-хъ, задержка, или остановка въ теченіи идей, во-2-хъ, быстро наступившее истощеніе нервной системы съ упадкомъ душевной дѣятельности. Въ самыхъ сильныхъ аффектахъ, непосредственно угрожающихъ жизни, происходитъ полная

¹⁾ См. *Арх. Суд. Мед.* 1866. 4 стр. 104.

остановка теченія идей, выражающаяся отсутствіемъ произвольныхъ движеній: пораженный такимъ аффектомъ человѣкъ неподвиженъ, онъ окаменѣваетъ на мѣстѣ, какъ обыкновенно говорятъ. Въ аффектахъ не столь сильныхъ описаннаго состоянія или вовсе не бываетъ, или оно длится весьма непродолжительное время, послѣ чего душевная дѣятельность и ея проявленія становятся возможными. Но при этомъ ассоціація представленій является существенно разстроенной. Многія ясныя, легко подвижныя и глубоко присущія человѣку представленія не вызываются въ сознаніи, какъ будто они вовсе неизвѣстны человѣку; воспроизведеніе идей, вопреки закону ассоціаціи, совершается въ весьма ограниченномъ кругу и обнимаетъ только узкую область вызвавшихъ аффектъ представленій, или непосредственно сродныхъ съ ними. Душевная дѣятельность становится, роковымъ образомъ, односторонней. Лица, перенесшія аффектъ, характерически описываютъ это состояніе. Старикъ, зарѣзавшій ребенка, говоритъ о себѣ, что онъ не зналъ, что дѣлалъ, и не думалъ ни о ребенкѣ, ни о его матери, ни о наказаніи, которое ждетъ его за это; что если бы подумалъ объ этомъ, то безъ сомнѣнія не совершилъ бы убійства¹⁾. Женщина, убившая своего воспитанника ударами палки, въ состояніи стеническаго аффекта, говоритъ о себѣ: «все это такъ произошло, какъ будто у меня не было никакого чувства: я не понимала, что творила, я не соображала, какое дѣйствіе производятъ мои удары, я *начала думать* только тогда, когда мальчикъ лежалъ безъ дыханія»²⁾. Кузнецъ, убившій молоткомъ женщину (въ состояніи опьянѣнія) подъ вліяніемъ аффекта и вина,

¹⁾ Maschka Samml. der ger. Gutacht. T. 3 S. 306.

²⁾ Maschka. I c. T. 1. 1853. S. 199, 200.

въ отвѣтъ на предложенный ему вопросъ, говорить: «если бы у меня было настолько разсудка, чтобы сознавать, что я беру молотокъ въ руки, то достало бы пониманія, чтобы положить его» ¹⁾).

Подобно представленіямъ поражается и чувство, что идетъ совершенно параллельно суженію круга представленій, потому что чувства представляютъ собою реакцію сознанія на содержаніе представленій и, слѣдовательно, неминуемо становятся односторонними и исчезаютъ съ односторонностью и исчезаніемъ представленій. Уменьшеніе числа представленій, циркулирующихъ въ сознаніи, односторонность ихъ содержанія и задержка въ ихъ теченіи, при существующемъ чрезмѣрномъ внутреннемъ напряженіи, производятъ глубокое нарушеніе душевнаго равновѣсія, сообщая отдѣльнымъ представленіямъ необычную яркость и силу, благодаря которой они начинаютъ могущественно вліять на волю. Но самое глубокое пораженіе душевной дѣятельности въ аффектъ зависитъ отъ физическаго истощенія нервной системы, которое раньше или позже наступаетъ.

Астеническіе аффекты уже почти съ момента своего появленія, стеническіе же только въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи, вызываютъ болѣе или менѣе сильное, а часто глубокое истощеніе нервной системы, заслуживающее, по нашему мнѣнію, самаго полнаго вниманія врача-эксперта. Степень этого истощенія можетъ служить мѣрой аффекта и вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ крѣпости и устойчивости нервной системы у изслѣдуемаго индивида, а это, какъ увидимъ ниже, необходимо имѣть въ виду. Въ физическомъ отношеніи истощеніе выражается слабостью мышцъ и склонностью ко сну.

¹⁾ Casper. Pract. Handbuch der ger. Medic. 1871. S. 663.

Нерѣдко послѣ бурнаго аффекта, въ которомъ совершенно тяжкое предступленіе, наступаетъ сонъ, иногда столь же глубокой, какъ тотъ, который слѣдуетъ за приступомъ падучей болѣзни. Ослабленіе же мышечной системы отражается въ положеніи тѣла, жестахъ, выраженіи лица и вообще въ произвольныхъ движеніяхъ. Въ психическомъ отношеніи истощеніе выражается (подобно слабоумію) ничтожнымъ количествомъ идей, доходящихъ до сознанія, равнодушіемъ, неспособностью къ чувству, болѣе или менѣе глубокимъ упадкомъ вниманія и ослабленіемъ памяти. Въ этомъ состояніи не всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра доходятъ до сознанія, а если и доходятъ, то сохраняются непродолжительное время и затѣмъ безслѣдно исчезаютъ изъ памяти. Лица, перенесшія аффектъ, или не сохраняютъ воспоминанія о происходившемъ, или же въ ихъ воспоминаніяхъ существуютъ пробѣлы болѣе или менѣе значительные: минувшая дѣятельность представляется имъ, какъ сонъ, блѣдною, несвязною, дефектною. Объясненіе дѣйствій, совершенныхъ въ такомъ состояніи, естественно носить характеръ неясности и недомолвокъ, которыя иногда истолковывались какъ нежеланіе сказать всю правду, какъ заpiresство. Одинъ изъ только-что указанныхъ признаковъ истощенія производимаго аффектомъ, именно—равнодушіе, или кажущееся спокойствіе имѣетъ особое практическое значеніе, на которое мы и обратимъ вниманіе. Нерѣдко въ моментъ совершенія тяжкаго преступленія, или послѣ него было наблюдаемо такое спокойствіе и равнодушіе преступника къ окружающему и къ своей собственной участи, что это поражало, а иногда вводило въ заблужденіе слѣдователей и судей. Въ моментъ ареста и при первомъ допросѣ, иногда въ присутствіи многочисленной толпы, собравшейся на мѣсто совершенія преступленія, въ виду

жертвы и вообще при самой возбуждающей обстановкѣ, когда каждый зритель былъ и возбужденъ и потрясенъ, одинъ только виновникъ всего происшедшаго оставался совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ, не показывая слѣдовъ раскаянія и часто какъ бы не понимая происходящаго вокругъ. Такое состояніе есть слѣдствіе истощенія нервной системы и признакъ глубокаго душевнаго расслабленія. Оно объясняется или тѣмъ, что все содѣянное болѣе или менѣе изгладилось въ памяти, или же тѣмъ, что потеряно чувство, что исчезла способность реагировать на содержаніе представленій. То и другое наблюдается на самомъ дѣлѣ. Это равнодушіе, могущее служить патогностическимъ признакомъ сильной душевной слабости, продолжается иногда нѣсколько дней и только, по истеченіи такого времени, появляются впервые глубокое раскаяніе и ясное сознаніе того, что совершено.

Описанныя измѣненія душевной дѣятельности, какъ до наступленія состоянія истощенія, такъ и послѣ него, обыкновенно называются *помраченіемъ сознанія*. Въ уголовныхъ кодексахъ различныхъ государствъ это *помраченіе сознанія* носитъ то или другое названіе, указывающее на его отдѣльные признаки и частныя черты; такъ, оно называется то *душевнымъ разстройствомъ и замѣшательствомъ* (Sinnesverwirrung, Verwirrung des Seelenlebens, des Verstandes), то *потерей разсудка* (Seiner Vernunft nicht mächtig Sein) и т. п.

Подобно сознанію, воля поражается при аффектѣ болѣе или менѣе глубоко. Если за психологическій признакъ *свободы воли* принять ничѣмъ не стѣсненную и не нарушенную ассоціацію представленій, ихъ борьбу въ сознаніи и исходъ борьбы въ пользу одного изъ мотивирующихъ представлецій, то понятно, что при аффектѣ свобода воли можетъ нарушаться, или совершенно уни-

чтожаться. Безпрепятственная ассоціація идей различныхъ и противоположныхъ категорій и взаимная борьба ихъ въ сознаниі называется *сбдумываніемъ или колебаніемъ*. Но кромѣ этой борьбы по существу, или содержанію представленій, на всякій актъ воли у правильно развито лица дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ еще одинъ импульсъ; это—идея о возможности зла отъ осуществленія поспѣшнаго рѣшенія (*Бэнъ*). Этотъ третій элементъ, входящій какъ составная часть въ борьбу противоположныхъ мотивовъ, у многихъ людей столь силенъ, что задерживаетъ начало дѣйствія, хотя бы въ пользу послѣдняго и состоялся исходъ борьбы мотивомъ въ сознаниі. Это имѣетъ свое важное значеніе. Пока длится *задержка* дѣйствія подъ вліяніемъ указаннаго важнаго импульса, въ сознаніе вступаютъ новыя представленія, новые мотивы и происходитъ новая борьба. При такомъ ходѣ процессовъ, дѣйствіе не будетъ результатомъ изолированныхъ или частныхъ побужденій, но явится слѣдствіемъ, или слагаемымъ наибольшаго количества мотивовъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что *колебаніе* и *задержка* рѣшенія обуславливаютъ собою наибольшій *выборъ* или, выражаясь метафизически, наибольшую *свободу воли*. Въ аффектѣ мотивъ *задержки* весьма часто вполне отсутствуетъ; что же касается до *колебанія*, этого существеннѣйшаго признака *свободы воли*, то оно возможно только тогда, когда въ сознаніе входятъ представленія противоположныхъ категорій. Но это послѣднее бываетъ только при слабыхъ степеняхъ аффекта; въ болѣе же сильныхъ—естественная ассоціація идей поражается такъ глубоко, что въ сознаниі существуютъ только представленія одной категоріи, именно вызвавшія аффектъ и непосредственно близкія къ нимъ, а иногда существуетъ только единственное представленіе, которое и господствуетъ

въ сознаниі. Въ такомъ случаѣ ни борьбы, ни выбора, ни колебанія не существуетъ: произвольное дѣйствіе возникаетъ послѣ впечатлѣнія немедленно и роковымъ образомъ, какъ рефлексъ. Это составляетъ самый характернѣйшій признакъ сильнаго аффекта и называется *уничтоженіемъ свободы воли* (*libertatis consilii*, *Mittermaier*). Уничтоженіе свободы воли представляетъ собою столь необычное и противуестественное явленіе къ духовной дѣятельности человѣка, что всѣ лица, перенесшія аффектъ, постоянно указываютъ на него въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ: «внезапно пришло на мысль—и я немедленно приступилъ къ исполненію»; «появилась мысль—и я схватилъ ножъ», таковы выраженія, изображающія въ описательной формѣ фактъ потери свободы воли. На этотъ фактъ потери свободы воли указываютъ многія иностранныя законодательства.

Дѣйствія въ аффектѣ, какъ уже упомянуто было выше, отличаются насильственностью и разрушительностью. Это, безъ сомнѣнія, стоитъ въ связи съ односторонностью, а также съ яркостью и силой, приобретаемой отдѣльными представленіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствія носятъ характеръ *бѣгства* и сопровождаются обширными выразительными движеніями и жестами; это замѣчается въ аффектахъ стеническихъ. Въ астеническихъ же аффектахъ нерѣдко дѣйствія отличаются поражающимъ наблюдателя спокойствіемъ, хладнокровіемъ, отсутствіемъ выразительныхъ движеній и безмолвіемъ, столь несвойственнымъ возбужденному состоянію человѣка: какъ будто ни одно сомнѣніе, ни малѣйшее чувство не поколебало существа человѣка въ моментъ совершенія ужаснаго дѣянія! Въ дѣйствительности отсутствіемъ чувства и наступившимъ упадкомъ душевной дѣятельности и объясняется это зловѣщее спокойствіе, нерѣдко вводящее въ заблужденіе слѣдователей.

При обсужденіи насильственныхъ дѣяній, совершаемыхъ въ состояніи аффекта, болѣе всего затрудняетъ судей, а иногда и врачей, цѣлесообразность дѣйствій. Обыкновенно думаютъ, что цѣлесообразность указываетъ на свободу воли и на непомраченное сознаніе и, слѣдовательно, исключаетъ мысль объ аффектѣ. Но цѣлесообразность дѣйствій и точное приспособленіе къ даннымъ и, притомъ даже измѣняющимся, условіямъ не требуетъ присутствія сознанія. Физиологическіе опыты показываютъ, что уже и спинной мозгъ заключаетъ въ себѣ механизмы для цѣлесообразныхъ движеній, вызываемыхъ раздраженіемъ кожи. Опыты же *Гольца* показали, что въ четверохолміи и зрительныхъ буграхъ головного мозга заключаются механизмы, посредствомъ которыхъ впечатлѣнія, дѣйствующія на органъ зрѣнія и на кожу, могутъ превращаться въ чрезвычайно сложныя рефлекторныя движенія, точно приспособленныя къ условіямъ внѣшняго раздраженія. Въ этихъ опытахъ, лишенная головного мозга лягушка, при сохраненіи означенныхъ частей, будучи посажена на ладонь руки, при поворачиваніи руки ладонью внизъ, перемѣщалась на тыльную поверхность руки; будучи же посажена въ сосудъ съ водой, подъ вліяніемъ жажды воздуха употребляла различные, извѣстные этому животному приемы, ища выхода изъ сосуда. Примѣняя выводы, вытекающіе изъ этихъ опытовъ, къ занимающему насъ предмету, мы можемъ сказать, что если волей данъ толчокъ напр., къ нападенію, то всѣ необходимыя для этого дѣйствія, всѣ частности и подробности выполненія могутъ совершиться безъ всякаго участія воли и сознанія, или полусознательно—автоматически. А потому, какъ бы ни казались цѣлесообразными дѣйствія при аффектѣ, они могутъ представлять собою плодъ чистаго автоматизма. Это иногда

и наблюдается въ аффектахъ, и тогда дѣйствія чело-
вѣка отличаются грубыми, большею частью, механи-
ческими приѣмами и представляютъ только слѣпое и
безсознательное, хотя и цѣлесообразное, преодоленіе и
уничтоженіе встрѣчающихся на пути препятствій. Въ
другихъ же случаяхъ дѣйствія носятъ характеръ движе-
ній произвольныхъ, т. е. вызванныхъ и отчасти руково-
димыхъ представленіями, и потому отличаются совершен-
ною цѣлесообразностью въ смыслѣ осуществленія извѣ-
стной идеи. Но когда происходитъ остановка теченія
представленій, дѣйствія могутъ быть только рефлектор-
ными или автоматическими. Въ большинствѣ же случаевъ
они носятъ смѣшанный характеръ.

Сильные аффекты, столь опасные, какъ мы видѣли,
для фізіологическаго и нравственнаго существованія ин-
дивида, составляютъ, къ счастью, симптомъ, къ которому
предрасположены не всѣ, а по преимуществу только нѣ-
которые люди. Страсть въ различной степени свойственна
каждому лицу, переходъ ея въ аффектъ, съ проявленіемъ
и признаками котораго мы ознакомились, составляетъ при-
надлежность по преимуществу только нѣкоторыхъ лицъ.

Производящимъ моментомъ аффекта, какъ уже по-
казано было выше, служитъ *сильное* или *внезапное* чув-
ство. Особенно большое значеніе имѣетъ неожиданность
впечатлѣнія и еще болѣе—осложненіе силы неожидан-
ностью. Кажется, необходимо допустить, что въ наиболь-
шемъ числѣ случаевъ только-что указанныя причины мо-
гутъ привести къ сильному аффекту, только благодаря
предрасполагающимъ моментамъ, которые приготавливаютъ
фізіологическую почву для того опаснаго, мгновеннаго,
внутренняго напряженія, какое мы видимъ въ аффектѣ.
Эти причины суть слѣдующія: 1) Врожденная особенная
раздражительность, проявляющаяся различными экстен-

трическими дѣйствіями, склонностью къ аффектамъ и чисто-физическими ненормальностями. Поучительный примѣръ такого рода представляетъ случай, описанный *Гризинеромъ*¹⁾: лицо, сдѣлавшее преступленіе, (оскорбленіе дѣйствиємъ) въ состояніи аффекта, вызваннаго гнѣвомъ, уже и раньше, можно сказать, въ теченіе всей своей жизни, отличалось явными ненормальностями душевныхъ отпавленій, каковы напр., крикъ, буйство, слезы при ничтожныхъ нравственныхъ непріятностяхъ, склонность къ мечтательности и эксцентрическимъ дѣйствіямъ и почти постоянное состояніе душевнаго волненія (*jarhenlange Affecte von denen sein Inneres bewegt war*). По мѣткому выраженію *Гризинера*, дѣяніе, оказавшееся преступленіемъ, *не стояло одиноко въ жизни этого лица*. 2) Перенесенная душевная и вообще мозговая болѣзнь, врожденное или пріобрѣтенное слабоуміе и нѣкоторые невроты (эпилепсія, хорей, истерія, ипохондрія). 3) Разныя хроническія болѣзни, (сердца, легкихъ, сосудовъ, пищеварительныхъ органовъ), половые эксцессы, злоупотребленія алкоголемъ и психическія вліянія преимущественно угнетающаго характера. Между указанными причинами особое практическое значеніе имѣютъ психическія вліянія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, гдѣ аффекты были причиною насильственнаго дѣянія, они развивались на почвѣ мрачнаго расположенія духа, было ли оно произведено какими-либо нравственными причинами, или составляло первый предвѣстникъ подготовлявшейся къ развитію душевной болѣзни. Причина этого двоякая: во-1-хъ, мрачное расположеніе духа, путемъ измѣненія дыханія и кровеобращенія, производитъ мозговую анемію, которая, при извѣстной продолжительности, оказываетъ

¹⁾ Vierteljahrschrift für ger. und öffentl. Medic. 1867. N. F. 13. VI.

рѣшительное вліяніе на психическія отправления; во 2-хъ, мрачное расположеніе духа, представляя, уже само по себѣ, состояніе внутренняго замкнутаго напряженія, естественно облегчаетъ появленіе аффекта и сообщаетъ ему тотъ бурный характеръ, который неудержимо проявляется въ соотвѣтственной дѣятельности. Ознакомленіе съ казуистикой аффектовъ привело насъ къ убѣжденію въ важности и широкомъ значеніи мрачнаго состоянія духа, какъ этиологическаго момента въ происхожденіи аффектовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ казуистикѣ аффектовъ, резюмируемъ вкратцѣ ихъ признаки и укажемъ тотъ планъ, которому полезно слѣдовать при разборѣ частныхъ случаевъ, въ особенности имѣющихъ судебное значеніе.

1) Прежде всего необходимо обратить вниманіе на этиологическіе моменты, собравъ данныя относительно физическаго и нравственнаго состоянія изслѣдуемаго лица и свѣдѣнія о его предшествовавшей жизни и убѣдиться, не было ли наблюдаемаго у этого лица въ прежнее время сильныхъ аффектовъ.

2) Изслѣдовать ближе причины и поводы къ наступленію аффекта. Нерѣдко изслѣдованіе показываетъ, что аффектъ есть простое усиленіе существовавшаго уже раньше душевнаго напряженія и что онъ появился подъ вліяніемъ несоразмѣрно малаго непосредственнаго мотива. *Causa facinoris* въ такихъ случаяхъ, строго говаря, совершенно отсутствуетъ.

3) Для рѣшенія важнаго вопроса о степени помраченія сознанія и уничтоженія свободы воли необходимо самое внимательное изслѣдованіе круга и характера идей, занимавшихъ сознаніе во время аффекта, а также силы и категоріи чувствъ, вызванныхъ этими идеями и

сопровождавших ихъ. Драгоценныя данныя для рѣшенія этихъ вопросовъ весьма часто можно получать изъ показаній изслѣдуемаго лица и отвѣтовъ его на предложенные вопросы. Показанія изслѣдуемаго и его отвѣты должны быть буквально записываемы, потому что они нерѣдко съ поразительною мѣткостью и правдой характеризуютъ все происходившее въ душѣ человѣка въ извѣстный моментъ: слово есть самое близкое и непосредственное *выразительное движеніе* для процессовъ, происходящихъ въ сознаніи. Часто самыя глубокія и сокровенныя движенія души опредѣляются однимъ словомъ. Ниже изъ приводимыхъ примѣровъ мы увидимъ подтвержденіе этого.

4) Необходимо опредѣлить въ какую фазу аффекта совершенно извѣстное дѣяніе, въ особенности же важно рѣшить, не совершено ли оно въ *періодъ истощенія*. Указаніями, въ этомъ случаѣ, кромѣ, психологическихъ соображеній, о которыхъ было говорено выше, могутъ служить видимыя измѣненія въ сосудодвигательной системѣ. Такъ, напр., въ приведенномъ выше случаѣ *Гризинера* было замѣчено, что въ моментъ совершенія преступленія лицо нападавшаго было *красно* и *глаза выпячены*. Между тѣмъ въ другихъ случаяхъ замѣчается, что нападавшій былъ *блѣденъ*. Въ первомъ случаѣ аффектъ имѣлъ стенической характеръ, во второмъ же—астенической. Опредѣленіе періода аффекта, въ который совершено извѣстное дѣяніе, весьма важно въ томъ отношеніи, что если доказано, что преступное дѣяніе произведено въ періодъ истощенія и психическаго расслабленія, то этимъ самымъ съ него снимается всякій криминальный характеръ.

5) Изслѣдованіемъ у испытуемаго лица памяти, относительно современныхъ аффекту событій, даются элементы для опредѣленія большей или меньшей] степени душев-

наго расслабленія, произведеннаго аффектомъ, слѣдовательно, для опредѣленія силы аффекта. Изслѣдованіе памяти имѣеть весьма важное практическое значеніе.

б) Изслѣдованіе характера дѣяній даетъ нерѣдко драгоцѣнныя указанія. Отсутствіе предварительно составленнаго плана, употребленіе въ дѣло перваго попавшаго орудія, немедленное и чистосердечное признаніе и искреннее раскаяніе весьма часто характеризуютъ дѣянія, совершенныя въ аффектѣ. Кромѣ того, важное діагностическое значеніе имѣеть отсутствіе выразительныхъ движеній и спокойствіе при совершеніи преступнаго дѣянія. Эти признаки указываютъ на высокую степень астеническаго аффекта.

На этомъ мы остановимся въ теоретическомъ изложеніи и обратимся къ казуистикѣ.

Примѣръ 1. *Аффектъ подъ вліяніемъ страха.* Дама 35-ти лѣтъ, всегда пользовавшаяся хорошимъ здоровьемъ, на 25-мъ году жизни, катаясь въ лодкѣ съ другими лицами, была опрокинута въ воду пароходомъ, который разбилъ лодку и ушелъ, не подавъ помощи. Дама съ своимъ мужемъ едва не утонула, прежде чѣмъ была подана помощь съ берега; остальные пассажиры утонули. Это обстоятельство такъ подѣйствовало на нее, что съ этого времени она сдѣлалась раздражительна и легко впадала въ аффекты. Однажды лѣтомъ 1875 г., когда вся семья уснула, она еще продолжала работать. Около олуночи, собираясь спать, она вышла въ другую комнату и тутъ только увидѣла, что на сосѣдней дачѣ пожаръ. Она остолбенѣла отъ страха; но затѣмъ, придя нѣсколько въ себя, закрыла ставней окно, чтобы видъ огня не испугалъ дѣтей и мужа, которыхъ она рѣшилась немедленно разбудить и вывести въ садъ. Закрывши окно, она бросилась въ комнату прислуги и разбудила послѣд-

нюю, потомъ разбудила мужа; однакожь не могла ничего объяснить ни мужу, ни прислугѣ и, оставивъ ихъ, немедленно вернулась въ комнату дѣтей, разбудила ихъ и начала наскоро одѣвать, чтобы тотчасъ вывести ихъ въ садъ, но, замѣтивъ, что у дѣтей грязные чулки, она бросилась къ комоду за чистымъ бѣльемъ и долго не могла найти, что ей нужно, совершенно растерявшись. Прежде чѣмъ она успѣла одѣть дѣтей, она нѣсколько разъ подбѣгала къ комоду, пока силы не оставили ее. Мысль о томъ, что она не можетъ вывести всѣхъ четверыхъ дѣтей заразъ, окончательно помрачила ее сознание. Мужъ нашель ее держащей двухъ дѣтей за руки и совершенно неподвижной. Она первая была выведена въ садъ, но этого обстоятельства она не помнитъ. Послѣдній же моментъ, который она помнитъ,—это было чувство страха при мысли, что ей одной невозможно вывести въ садъ всѣхъ четверыхъ дѣтей заразъ, поэтому она и остановилась, какъ ей смутно припоминается, въ недоумѣніи. «Я видѣла, что моими двумя руками я могу держать только двѣ дѣтскія руки, для другихъ же двухъ дѣтей у меня не оставалось болѣе рукъ»,—это была послѣдняя мысль угасшаго затѣмъ на время сознанія.

Приведенный примѣръ представляетъ собою случай астеническаго аффекта, который уже съ перваго момента произвелъ сильное ослабленіе всей душевной дѣятельности. Послѣ перваго изумленія при видѣ огня, пораженная этимъ зрѣлищемъ, она нѣсколько пришла въ себя, но вся умственная дѣятельность ея съ этой минуты сдѣлалась ничтожной, воспроизведеніе идей весьма несовершеннымъ и случайнымъ, вниманіе и память едва существующими, пока наконецъ не произошла полная остановка всѣхъ психическихъ процессовъ. Явное помраченіе сознанія выразилось, въ приведенномъ случаѣ, несоотвѣт-

ственной идеей мѣнять бѣлье, въ виду пожара,—идеей, которая только потому могла сдѣлаться дѣятельной, что въ сознаниі въ это время исчезло всякое представленіе о пожарѣ и о цѣли одѣванія дѣтей. Потрясеніе, произведенное аффектомъ, было столь значительно, что въ теченіе цѣлой недѣли пострадавшая чувствовала себя крайне слабой и обезсиленной, жаловалась на головную боль, потеряла сонъ и плакала при воспоминаніи о случившемся. (Этотъ случай лично извѣстенъ автору).

Слѣдующій примѣръ мы заимствуемъ изъ сборника судебно-медицинскихъ мнѣній Пражскаго медицинскаго факультета, изданнаго проф. *Машкой*. Мнѣніе этого факультета по своей краткости, точности и глубокому психологическому анализу могутъ служить образцомъ судебно-психіатрическаго изслѣдованія, и потому мы приведемъ почти цѣликомъ одно мнѣніе, гдѣ разобранъ случай аффекта.

Примѣръ 2. *Аффектъ подъ вліяніемъ унынія (убійство).*
«25 сентября 1865 года садовникъ W., подойдя къ стоявшему на посту полицейскому агенту, назвалъ себя по имени и объявилъ, что онъ убилъ своихъ двухъ дѣтей. Въ полицейскомъ управленіи, куда былъ представленъ, онъ подтвердилъ свои показанія, и такъ какъ онъ истекалъ кровью вслѣдствіе глубокаго порѣза на шеѣ, то былъ немедленно отправленъ въ больницу.

При произведенномъ вслѣдъ затѣмъ домовомъ обыскѣ, квартира его оказалась запертой, и потому принуждены были отпереть ее при посредствѣ управляющаго домомъ. Квартира состояла изъ двухъ комнатахъ; въ первой нашли люльку, въ которой лежала нѣсколько окровавленная подушка. На полу во второй комнатѣ стояли лужи крови; у очага на полу лежала подушка, прикрытая пропитаннымъ кровью платкомъ; по снятіи

этого платка, глазамъ представилась ужасная картина. Поперегъ подушки лежала двухлѣтняя дѣвочка и десятилѣтній мальчикъ; у обоихъ на передней части шеи находилось по широкой зияющей ранѣ, которая проникала до позвоночнаго столба. Окно было завѣшено снаружи старымъ платкомъ; орудія же, которымъ произведено кровавое дѣло, въ комнатѣ не найдено. У совершившаго убійство на передней части шеи найдена длинная (2 дюйма), съ острыми краями, прямолинейная рана, доходившая до дыхательнаго горла, передняя стѣнка котораго была тоже порѣзана. Эта рана зажила совершенно въ теченіе 6-ти недѣль.

Обвиняемый 27-ми лѣтъ, средняго роста, умѣреннаго тѣлосложенія, правильно развитъ, смотритъ человѣкомъ добродушнымъ; въ школѣ не учился, не умѣетъ ни читать, ни писать, не знаетъ счета, въ молодости учился садоводству, два года служилъ въ военной службѣ, наконецъ работалъ въ одной типографіи, гдѣ ему отказано было отъ мѣста по неимѣнію работы. Съ этого времени, не смотря на всѣ усилія, онъ не могъ найти заработковъ и жиль, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ семьей на небольшую выручку, которую жена добывала изъ мелочной торговли въ разноску. Этимъ онъ былъ поставленъ въ такую крайность, что часто не имѣлъ даже самой необходимой пищи. Что же касается прежней жизни и поведенія подсудимаго, то, по показаніямъ всѣхъ свидѣтелей, это былъ спокойный, трудолюбивый, умѣренный и во всѣхъ отношеніяхъ хорошій человѣкъ; никогда не ссорился съ женой и относительно своихъ дѣтей выражалъ постоянно большую любовь, лишая себя послѣдняго куска, чтобы отдать его дѣтямъ. Умственнаго же разстройства или чего-либо особеннаго въ его поведеніи не было замѣчено, исключая бывшей тоски и неразговорчивости.

Что же касается несчастнаго событія 26 сентября, то самъ обвиняемый показалъ слѣдующее. Неимѣніе работы и нужда его семейства уже давно мучили его и наводили на него тоску; однакожь, мысль убить дѣтей никогда не приходила ему въ голову. 26-го сентября жена его, вставши въ 6 часовъ утра, отправилась на рынокъ; онъ сказалъ ей, что отведетъ дѣтей въ дневной пріютъ и придетъ къ ней. Въ половинѣ 8-го часа проснулась дѣвочка, попросила ѣсть и плакала отъ голода; накормить ее было нечѣмъ, потому что не было ни кусочка какой бы то ни было пищи, даже не было шести крейцеровъ—суммы, необходимой, чтобы свести дѣтей въ пріютъ. *Тогда внезапно пришла ему мысль—покончить съ нуждой, убивши дѣтей и себя.* Эта мысль привела его въ сильное разстройство. Рѣшеніе было принято вдругъ; онъ схватилъ бритву, положилъ сначала дѣвочку къ себѣ на колѣни и перерѣзалъ ей горло. Дѣвочка умерла на мѣстѣ, не издавъ ни единого звука. Когда она уже не двигалась, онъ положилъ ее медленно на землю и, не чувствуя ни малѣйшаго раскаянія, ни малѣйшаго внутренняго противудѣйствія, взялъ спавшаго еще мальчика и тѣмъ же способомъ перерѣзалъ ему шею; послѣ этого положилъ обоихъ зарѣзанныхъ дѣтей на подушку и прикрылъ платкомъ. Въ намѣреніи лишить жизни самаго себя, онъ произвелъ себѣ бритвой много порѣзовъ на шеѣ и одинъ на лѣвой рукѣ; но когда не смотря на это не умеръ, то пересталъ рѣзать себя, потому что силы оставили его. Онъ завязалъ окровавленную шею платкомъ, заперъ квартиру и прежде всего ушелъ за женою на рынокъ; не говоря ни слова, отдалъ ей ключъ отъ квартиры и отправился въ больницу; но такъ какъ въ пріемной комнатѣ больницы было, по его показанію, много народа, то онъ ушелъ оттуда и, какъ

сказано раньше, о происшедшемъ передалъ полицейскому агенту. Послѣ ареста W. сознался въ преступленіи искренно и безъ малѣйшей утайки, нисколько не шадя себя.

Предпринятое послѣ этого продолжительное медицинское наблюденіе не обнаружило у W. рѣшительно никакихъ признаковъ душевной болѣзни, а только глубокую скорбь и великое раскаяніе по поводу произведеннаго дѣянія. Кромѣ того, былъ замѣченъ упадокъ духа и по временамъ безсонница.

Мнѣніе. «При продолжительномъ точномъ наблюденіи W., въ состояніи его не замѣчено рѣшительно никакихъ признаковъ душевной болѣзни или душевнаго расстройства. W. спокоенъ, ведетъ себя прилично, въ его мысляхъ и сужденіяхъ не замѣчается никакой ненормальности, теченіе идей правильно, память и познавательныя способности не измѣнены, способъ выраженія правиленъ. Но при этомъ W. всегда серьезенъ и унылъ, лишенъ хорошаго сна, потому что испытываетъ, по его словамъ, глубокое сожалѣніе о совершенномъ имъ дѣяніи. Если ему предложить вопросъ о поводахъ къ послѣднему, то онъ, съ явными признаками глубокаго волненія и горькой внутренней муки, говоритъ, что не знаетъ, какъ это произошло, что отчаяніе, при мысли о немѣннй работы и невозможности прокармливать далѣе дѣтей, мгновенно съ непреодолимою силой охватило его и, помимо его сознанія, привело его къ этому дѣйствию».

«Такъ какъ нѣтъ никакого повода и никакой точки опоры для мысли о существованіи у W. душевной болѣзни послѣ ареста, и такъ какъ въ дѣйствіяхъ его до преступленія, при самомъ тщательномъ взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, тоже незамѣчается ничего такого, что дало бы основаніе для этой мысли, то необходимо

принять, что подсудимый до совершения преступления обладалъ и въ настоящее время обладаетъ вполне нормальными умственными способностями. Если такъ, то нѣтъ никакого основанія допускать, что преступленіе было выраженіемъ существовавшей у W. раньше и въ преступленіи только проявившейся душевной болѣзни. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, всѣ обстоятельства дѣла съ положительностью приводятъ къ заключенію, что, въ моментъ совершения преступления, душевное состояніе W. было несомнѣнно ненормальнымъ. Мы должны назвать это состояніе *аффектомъ* и вопросъ только въ томъ, чтобы опредѣлить напряженность и степень аффекта и оцѣнить вліяніе его на свободу воли».

«Одно изъ самыхъ сильныхъ и могущественныхъ чувствъ, присущихъ человѣку отъ природы, это, безъ сомнѣнія, любовь родителей къ собственнымъ дѣтямъ; это чувство инстинктивно присуще даже самымъ грубымъ и порочнымъ натурамъ. Поэтому, если безупречный, трудолюбивый человѣкъ, который, судя по многочисленнымъ, достовѣрнымъ показаніямъ, нѣжно любилъ своихъ дѣтей, жертвовалъ для нихъ всѣмъ и часто самъ терпѣлъ голодь, чтобы не заставить ихъ терпѣть въ чемъ либо нужду,—если такой человѣкъ, безъ явнаго повода, вдругъ убиваетъ своихъ дѣтей, которыя, какъ онъ говоритъ, составляли его единственную радость, и къ которымъ онъ былъ нѣжно привязанъ, то несомнѣнно должно принять существованіе весьма сильнаго чувства, которое въ состояніи было помрачить его ясное пониманіе и, по крайней мѣрѣ на минуту привести въ полное разстройство его умъ. Только такимъ образомъ объяснима эта психологическая загадка! Такъ какъ W. совершилъ поступокъ, противорѣчащій его характеру и чувствамъ, и къ совершенію его не было никакого разум-

наго мотива и нельзя было ожидать никакой выгоды, и такъ какъ, наконецъ, непосредственно послѣ совершенія его W. самъ на себя наложилъ руки, то, существуютъ всѣ основанія допустить, что мысль о беспомощности и сознание крайней своей нужды до того овладѣли умомъ и всѣмъ существомъ этого надломленного жизнью чело-вѣка и до того подавили всякое размышленіе, что онъ только въ смерти дѣтей и своей собственной видѣлъ спасеніе отъ окружающихъ его бѣдствій и грозящихъ страданій и уступилъ этой мысли, охватившей его съ неодолимою силою. Такимъ образомъ, хотя не доказано, что W., вслѣдствіе сильнѣйшаго душевнаго волненія, впалъ въ совершенное умственное разстройство и въ этомъ состояніи пересталъ сознавать свои дѣйствія, тѣмъ не менѣе, на основаніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, съ рѣшительною вѣроятностью необходимо допустить, что у него дѣйствительно было такое душевное волненіе, которое лишило его свободы воли и въ такомъ состояніи повело его, помимо сознанія, къ убійству дѣтей».

На основаніи этого мнѣнія W. былъ освобожденъ отъ суда по неспособности ко вмѣненію.¹⁾

Мы нѣсколько остановимся на этомъ поучительномъ примѣрѣ; въ немъ яркими чертами обрисовано душевное состояніе при аффектѣ. Аффектъ развился у душевно здороваго чело-вѣка на почвѣ мрачнаго расположенія духа, обусловленнаго неудачами въ жизни, крайнею нуждой и хроническимъ голоданіемъ. Это мрачное расположеніе духа, какъ состояніе душевнаго напряженія, уже само по себѣ должно было истощить нервную систему, помимо того вліянія, которое оно оказываетъ на дыханіе

¹⁾ Maschka I. c. T. 3. 1867. S. 311—316.

и сосудистую систему и через нихъ на питаніе мозга. Глубоко лежавшее въ такой истощенной физической почвѣ мрачное расположеніе духа возвысилось въ день преступленія до степени отчаянія, подъ вліяніемъ того обстоятельства, что расплакавшихся дѣтей нечѣмъ накормить и не за что отвести въ ясли. Появившаяся въ эту минуту неожиданная и страшная мысль покончить съ нуждой, убивъ дѣтей и себя, повергла W. въ сильнѣйшій астенической аффектъ со всѣми его характеристическими особенностями и повела къ немедленному дѣйствію; такъ что между внезапнымъ появленіемъ этой идеи и ея исполненіемъ не было никакого промежуточного психического акта, никакой противодѣйствовавшей мысли, никакого чувства и никакого колебанія. Когда же начато было выполненіе кровавой идеи, душевное состояніе W. представляло уже всѣ признаки глубокаго расслабленія, именно: отсутствіе чувства, отсутствіе волненія и спокойное холодное дѣйствіе. По его собственному характерическому описанію, онъ *положилъ дѣвочки на колѣни*, перерѣзалъ ей горло до позвоночника, *ждалъ* пока она *перестаетъ двигаться*, *медленно* положилъ ее на землю и, *не чувствуя ни малѣйшаго раскаянія или внутренняго противудѣйствія*, взялъ спавшаго еще мальчика и зарѣзалъ такимъ же образомъ, какъ и дѣвочку. Послѣ этого онъ дѣлаетъ попытку лишить себя жизни, нанося себѣ порѣзы на шеѣ и рукѣ, но не можетъ довести этого до конца, потому что физическія силы оставляютъ его. Все дальнѣйшее поведеніе его указываетъ на продолжающееся глубокое душевное расслабленіе. Онъ запираетъ квартиру, относитъ ключъ женѣ, а самъ отправляется въ пріемный покой больницы для перевязки своихъ ранъ, т. е., поступаетъ такимъ образомъ, какъ можетъ поступать человѣкъ, который не совершилъ ника-

кого ужаснаго поступка, или который не помнить о случившемся. Однакожъ, онъ сохранялъ воспоминаніе о случившемся; но глубокое душевное истощеніе было причиною того, что все воспоминаніе не возбуждало никакихъ чувствъ, никакой реакціи. Только спустя нѣкоторое время онъ пришелъ въ себя и отправился къ полицейскому агенту передать о случившемся.

Если мы проведемъ параллель между только-что описаннымъ душевнымъ состояніемъ при аффектѣ и душевнымъ состояніемъ обыкновеннаго преступника, то увидимъ существенную разницу. Извѣстный закоренѣлый преступникъ Карлъ *Манъ*, совершившій болѣе 300 кражъ, 20 покушеній на убійство, 12 убійствъ, рассказывая о своемъ убійствѣ въ Курсдорфѣ, гдѣ отъ руки его пало 6 жертвъ, передаетъ слѣдующій эпизодъ: «въ комнатѣ была постель и въ ней, забравшись подъ одѣяло, спалъ ребенокъ лѣтъ 5-ти — 6-ти. Когда я поднялъ одѣяло, ребенокъ взглянулъ на меня и улыбнулся. Жалость взяла меня, секунду я колебался, но вспомнилъ, что слабость моя погубить меня и ударилъ его нѣсколько разъ топоромъ»¹⁾. Такимъ образомъ даже у закоренѣлаго преступника, при видѣ ребенка, появилось чувство, вызываемое естественною, природною ассоціаціей идей, и этотъ преступникъ колебался, прежде чѣмъ придти къ рѣшенію. Это именно и составляетъ характеристическую черту свободы воли внѣ аффекта и въ аффектахъ слабыхъ. Въ приведенномъ же случаѣ убійства собственныхъ дѣтей горячо любящимъ отцемъ ни малѣйшаго колебанія или внутренняго противодѣйствія не появилось, и столь глубокое чувство, какъ родительская любовь, ни на минуту не озарило сознанія.

¹⁾ Арх. суд. мед. 1867, 4, стр. 74.

Поучительнѣйшій по своей ясной этиологiи и симптомамъ слѣдующій примѣръ сильнаго астеническаго аффекта представляетъ дѣло о нанесенiи ранъ студентомъ бывшей Медико-Хирургической академiи *Сочинскимъ* профессору *Калинскому* и двумъ нижнимъ чинамъ, въ присутствiи М.-Х. академiи 10 сентября 1838 года¹⁾.

Примѣръ 3. *Сочинскiй* изъ нижнихъ чиновъ былъ произведенъ въ фельдшера и затѣмъ, по распоряженiю главнаго медицинскаго инспектора армiи *Вилле*, обратившаго на него вниманiе, былъ допущенъ къ экзамену для поступленiя въ Медико-Хирургическую академiю и, по выдержанiи экзамена, зачисленъ въ студенты академiи. Поступивъ въ академiю, онъ мечталъ объ окончанiи въ ней курса, открывающаго для него новое поприще, на которомъ онъ можетъ оказать помощь своей престарѣлой и больной матери. Эта мысль не выходитъ у него изъ головы и составляетъ его завѣтную мечту. Между тѣмъ успѣхи его въ наукахъ не оказываются удовлетворительными. Въ 1-мъ и 2-мъ классѣ онъ остается по 2 года въ каждомъ; при переводѣ изъ 3-го класса въ 4-й онъ оказалъ неудовлетворительный отвѣтъ по физикѣ и вслѣдствiе этого оставленъ въ 3-мъ классѣ еще на одинъ годъ. Будучи пораженъ этимъ несчастiемъ, онъ начинаетъ предаваться разнымъ догадкамъ. Полученное имъ года за два передъ этимъ свѣдѣнiе (которое однако было ложнымъ), приводитъ его къ предположенiю, что проф. *Нечаевъ* имѣетъ къ нему вражду по знакомству съ аптекаремъ *Блосеромъ*, подъ начальствомъ котораго *Сочинскiй* прежде служилъ. Не имѣя возможности узнать, у кого именно онъ получалъ на экзаменѣ ежегодно неудовлетворительныя отмѣтки и полагая, что каждый разъ онъ

¹⁾ *Любавскiй*. Русскiе уголовные процессы, т. II, стр. 491 и дал.

получалъ ихъ именно у *Начаева* (хотя это было ложно), онъ рѣшается отправиться къ *Нечаеву* для личныхъ объясненій. Придя съ этою предвзятою идеей, онъ во время объясненій, ведетъ себя дерзко и буйно вмѣсто того, чтобы просить о снисхожденіи и дозволеніи вторично держать экзамень. Обдумавъ, однакоже, свое поведеніе и сообразивши, что онъ сдѣлалъ въ горячности тяжкую ошибку, *Сочинскій* спѣшитъ исправить ее. Съ этою цѣлью онъ встрѣчаетъ проф. *Нечаева* и просить у него прощенія «съ живѣйшимъ раскаяніемъ въ своемъ проступкѣ» и, кромѣ того, посовѣтовавшись съ инспекторомъ студентовъ, пишетъ *Нечаеву* письмо. Это письмо ясно характеризуетъ состояніе волненія, въ которомъ находился *Сочинскій* со времени своего необдуманнаго поступка. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ, что теперь знаетъ, до какой степени онъ оскорбилъ *Нечаева* и чего долженъ ожидать, если его доброта не смягчитъ гнѣва противъ него, *Сочинскаго*. Кровь хладѣетъ, когда онъ разсматриваетъ опасность, къ которой привело его заблужденіе, и говоритъ, что всегда будетъ имѣть причину оплакивать это буйство своего характера. Далѣе *Сочинскій* проситъ *Нечаева* сжалиться надъ нимъ, обративъ благосклонный взглядъ на несчастіе, въ которомъ онъ находится, и простить его невольное заблужденіе. Со слезами онъ умоляетъ *Нечаева* о позволеніи возстановить свое счастье, готовое исчезнуть, или, по крайней мѣрѣ, сжалиться надъ его бѣдною матерью, которая умретъ съ горя, если узнаетъ, что онъ, *Сочинскій*, сдѣлался жертвой собственнаго проступка. Проф. *Нечаевъ*, еще раньше полученія этого письма, донесъ конференціи о нанесенномъ ему *Сочинскимъ* оскорбленіи. Конференція рѣшила исключить *Сочинскаго* изъ вѣдомства академіи въ первобытное состояніе. Это опредѣленіе

конференціи было утверждено министромъ внутреннихъ дѣлъ 3-го сентября. Въ теченіи около мѣсяца, пока все это происходило, *Сочинскій*, оставался въ полной неизвѣстности относительно исхода своего дѣла, мучимый тяжелыми сомнѣніями, которыхъ не могъ разрѣшить, не смотря на всѣ попытки узнать положеніе своего дѣла. Въ своихъ сомнѣніяхъ онъ, то и дѣло, переходилъ отъ надежды къ опасенію; однакоже утѣшалъ себя надеждой, что *Нечаевъ* его простилъ, и дѣло ограничится оставленіемъ въ томъ же классѣ. Но вдругъ, дня за два или за три до совершеннаго имъ преступленія, узнаетъ, что онъ вовсе выключенъ изъ академіи. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, говоритъ *Сочинскій* въ своемъ показаніи, онъ не нашелъ въ себѣ силы обратиться съ просьбой къ министру или къ президенту. Три дня бесполезно шатался онъ по академіи въ самомъ разстроенномъ положеніи и, проходя мимо конференціи 10-го сентября, увидѣлъ вдругъ съѣздъ и вспомнилъ, что это день собранія въ конференціи. Внезапно пришло ему на мысль отомстить проф. *Нечаеву*, въ присутствіи цѣлой конференціи и онъ, не помня себя, вбѣжалъ въ пріемную комнату предъ конференціей и не знаетъ, какимъ образомъ успѣлъ пройти въ залъ присутствія и какъ попался ему въ руки перочинный его ножъ, бывший, какъ ему помнится, въ боковомъ, карманѣ несложеннымъ; онъ устремился поразить имъ *Нечаева*, но послѣдній противопоставилъ ему свой стулъ и тѣмъ избѣжалъ удара, но какимъ образомъ онъ, *Сочинскій* обратился потомъ на проф. *Калинскую* и поранилъ его, равно и нижнихъ чиновъ академіи, какъ они пришли, что такое онъ говорилъ, и что затѣмъ съ нимъ послѣдовало, ничего не помнить, не знаетъ и объяснить рѣшительно ничего не можетъ; но ни яда, ни чего либо вреднаго или одурѣвающаго онъ не принималъ, пьянымъ

не былъ и даже ничего не ѣлъ, кромѣ стакана сбитню; отчего же приключилась ему рвота, не знаетъ и не помнитъ; вообще послѣ пришедшей ему мысли отомстить проф. *Нечаеву*, онъ потерялъ всякую способность разсудка и ничего опредѣлительнаго сказать о происшествіи съ нимъ не можетъ.

Показаніе проф. *Калинскаго* слѣдующимъ образомъ дополняетъ изложеніе самого подсудимаго. «*Сочинскій* въ половинѣ 2-го часа пополудни, войдя въ присутствіе безъ доклада и подойдя къ проф. *Нечаеву*, назвалъ его варваромъ и съ тѣмъ вмѣстѣ поднялъ руку съ ножомъ надъ его головой, въ намѣреніи поразить его; но онъ, *Калинскій*, занимая мѣсто вблизи *Нечаева* и желая отвратить грозящую ему опасность, соскочилъ съ кресла и, схвативъ *Сочинскаго* за руку, удержалъ его отъ пораженія *Нечаева*, который въ это время успѣлъ отойти отъ *Сочинскаго* на нѣкоторое разстояніе; однакожъ *Сочинскій* вырвалъ у него свою руку, въ которой имѣлъ перочинный ножъ, нанесъ онымъ показателю рану въ животъ, а послѣ того ранилъ еще двухъ служителей, которые хотѣли схватить его. Что же касается до причинъ, побудившихъ *Сочинскаго* посягнуть на жизнь его, *Калинскаго*, то онѣ показателю вовсе неизвѣстны, а онъ полагаетъ, что *Сочинскій*, бывъ въ совершенномъ изступленіи ума, сдѣлалъ это безъ всякаго умысла. Въ этомъ онъ, *Калинскій*, совершенно убѣжденъ, потому что никогда съ нимъ не былъ знакомъ и не имѣлъ никакихъ дѣлъ».

Въ приведенномъ примѣрѣ предрасполагающею причиною къ развитію аффекта послужило, ближайшимъ образомъ, весьма продолжительное (длившееся болѣе мѣсяца) состояніе сомнѣнія, въ которомъ находится *Сочинскій*, оставаясь въ постоянномъ напряженіи и переходя попеременно отъ надежды къ опасенію, и наоборотъ.

Такая душевная дѣятельность уже и сама по себѣ истощаетъ человѣка. Постигшее его наказаніе (исключеніе изъ академіи) было для него совершенно неожиданно и привело его въ сильное разстройство, какъ самъ онъ выражается. Уже это состояніе носить на себѣ всѣ признаки аффекта; продолжавшись три дня, оно привело къ серьезному истощенію нервной системы, существованіе котораго подтверждается несомнѣнно тѣмъ, что *Сочинскій* принялъ въ это время ядъ (двѣ унціи *Plumbi acetici*, какъ показалъ химическій анализъ его рвоты) и однакожь объ этомъ обстоятельствѣ у него не сохранилось надлежащаго воспоминанія. Мысль отомстить проф. *Нечаеву*, внезапно появившаяся на такой почвѣ душевнаго изнеможенія, окончательно поколебала всѣ основы душевной жизни и повела къ немедленной дѣятельности, имѣющей вполнѣ автоматическій характеръ. Съ момента появленія мысли о мщеніи, душевное состояніе С. носить всѣ признаки самаго глубокаго упадка и расслабленія, что видно изъ весьма смутнаго воспоминанія о случившемся и слѣпago нападенія на многихъ лицъ (*aberratio delicti*). Самъ совершившій преступленіе говоритъ о себѣ, что послѣ пришедшей ему мысли отомстить проф. *Нечаеву*, онъ потерялъ всякую способность разсудка и ничего опредѣлительнаго сказать о происшествіи съ нимъ не можетъ. (*Сочинскій* былъ сужденъ военно-полевымъ судомъ въ 24 часа и приговоренъ къ наказанію шпицрутенами, чрезъ 500 человѣкъ три раза въ присутствіи всѣхъ студентовъ академіи и къ ссылкѣ въ кронштадтскія арестантскія роты на 10 лѣтъ. Послѣ наказанія онъ умеръ).

Состояніе духа предъ самоубійствомъ.¹⁾

Вопросъ о психическомъ состояніи чловѣка предъ самоубійствомъ полонъ глубокаго интереса — философскаго и жизненнаго и былъ предметомъ тщательнѣйшаго разсмотрѣнія въ особенности въ рукахъ такого выдающагося изслѣдователя какъ *Brierre de Boimont*. Въ нашемъ отечествѣ вопросъ о самоубійствѣ не былъ предметомъ столь подробныхъ изслѣдованій, въ особенности мало было обращено вниманія на собраніе матеріала, характеризующаго душевное состояніе предъ самоубійствомъ. Нѣкоторымъ матеріаломъ по этому вопросу мы рѣшаемся подѣлиться съ читателями, въ увѣренности, что подобный матеріалъ всегда имѣетъ не только судебно-психіатрическое, но общественное и психологическое значеніе.

Быть можетъ, собраніе матеріала по занимающему насъ вопросу имѣетъ и другія основанія. Къ такимъ основаніямъ на первомъ планѣ должна быть отнесена необходимость разграниченія самоубійствъ, совершаемыхъ здоровыми и душевно-больными. Несмотря на то, что возможность самоубійства у здоровыхъ людей подтверждена всѣми изслѣдователями и считается фактомъ, достаточно доказаннымъ съ научной стороны; тѣмъ не менѣе, въ рус-

¹⁾ Статья была напечатана въ 1896 г. въ журналѣ «Вопросы Нервно-Псих. Медицины».

скихъ, даже научныхъ сочиненіяхъ и въ медицинскихъ періодическихъ изданіяхъ случается еще встрѣчать мнѣніе о томъ, что самоубійство свидѣтельствуетъ непремѣнно о душевной болѣзни его виновника. Подобнаго рода мнѣніе мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ книгѣ проф. Гвоздева ¹⁾. «Мы признали, говоритъ въ заключеніе своей книги проф. Гвоздевъ, что самоубійство только и совершается умопомѣшанными, т. е. больными».

Если не ошибаемся, мнѣніе, сходное съ изложеннымъ сейчасъ, было однажды высказано въ одномъ изъ психіатрическихъ обществъ. Въ виду этого, быть можетъ, будетъ не лишнимъ предлагаемый очеркъ, въ особенности его фактическая часть, состоящая изъ матеріала, представляющаго несомнѣнный интересъ.

Что между самоубійствами и душевными болѣзнями существуетъ рѣзкая разница, что онѣ не относятся одно къ другому, какъ причина къ слѣдствію, но существуютъ самостоятельно и независимо—это болѣе всего ясно изъ того факта, что пропорція, съ которой онѣ нарастаютъ съ теченіемъ времени, весьма неодинакова. Въ то время, какъ помѣшательство въ теченіе полустолѣтія увеличилось на *нѣсколько процентовъ*, самоубійства въ большей части государствъ Европы увеличились на *нѣсколько сотъ процентовъ* ²⁾. Другое рѣзкое различіе состоитъ въ томъ, что количество самоубійствъ у обоихъ половъ весьма неодинаково: самоубійць-мужчинъ повсюду въ четыре или пять разъ болѣе, нежели самоубійць-женщинъ ³⁾. Между тѣмъ въ отношеніи помѣшательства такого неодинаковаго

¹⁾ О самоубійствѣ съ соціальной и медицинской точекъ зрѣнія. Казань 1889 г., стран. 45.

²⁾ Bertillon Dr. Cours élémentaire de statistique. Paris 1896. pag. 553.

³⁾ Ibid. p. 554.

заболѣванія половъ не существуетъ: психически больныхъ женщинъ почти такое-же число, какъ и мужчинъ. Напротивъ того, самоубійство въ этомъ отношеніи стоитъ ближе къ преступленію, чѣмъ къ помѣшательству, такъ какъ число преступныхъ женщинъ равняется пятой и даже седьмой части преступныхъ мужчинъ ¹⁾. Уже на этомъ основаніи становится вѣроятнымъ, что самоубійство подобно преступленію въ значительной степени обусловлено *волей* челоуѣка.

Дальнѣйшая разница между самоубійствомъ и помѣшательствомъ состоитъ въ весьма неодинаковомъ отношеніи къ тому и другому различныхъ народностей, такъ на 1 милліонъ населенія приходится самоубійствъ:

Въ Саксоніи	310
Во Франціи	250
Въ Пруссіи	133
Въ Австріи	130
Въ Баваріи	90
Въ Англіи	66
Въ Россіи	30

Между тѣмъ въ отношеніи помѣшательства вовсе не существуетъ столь рѣзкой разницы. Россія, напримѣръ, даетъ приблизительно такое-же число душевно-больныхъ на 1000 населенія, какъ и другія страны, и наблюдаемая разница весьма не существенна.

Не подлежитъ однако-же сомнѣнію, что нѣкоторая часть самоубійствъ зависитъ отъ душевныхъ болѣзней. Эта часть неодинакова для различныхъ странъ: приблизительно четверть или треть общаго числа самоубійствъ зависитъ отъ душевныхъ болѣзней; въ нѣкоторыхъ странахъ эта пропорція больше, въ другихъ меньше. Въ этомъ

¹⁾ Ibid. p. 549.

согласны почти всѣ авторы. Другіе же случаи самоубійствъ, т. е. большая часть ихъ, приходятся на долю людей психически здоровыхъ. Этотъ выводъ подтверждается многочисленными статистическими данными всѣхъ образованныхъ странъ Европы. Однако же на первый взглядъ представляется неестественнымъ фактъ *самоуничтоженія* при существованіи *инстинкта самосохраненія*. Это соображеніе можно нерѣдко слышать изъ устъ тѣхъ, кто не имѣлъ случая познакомиться ближе съ данными, касающимися психическаго состоянія людей, впавшихъ въ горестную необходимость наложить на себя руки. Въ отвѣтъ на это естественное недоразумѣніе, мы, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему разбору, приведемъ афоризмъ Фридрейха, который говоритъ, что человѣкъ нерѣдко лишаетъ себя жизни *въ силу инстинкта самосохраненія*. Нравственныя или физическія условія жизни могутъ сдѣлаться для человѣка столь невыносимыми, что именно самосохраненіе побуждаетъ положить конецъ дѣйствию этихъ условій. Анализъ психическаго состоянія человѣка въ такихъ случаяхъ разъясняетъ, нерѣдко съ совершенной очевидностью, безъисходность положенія.

Многочисленныя причины самоубійства можно сгруппировать въ четыре крупныя отдѣла, а именно:

- 1) Бѣдность и лишенія.
- 2) Болѣзни (физическія и психическія).
- 3) Утомленіе жизнью (*taedium vitae*).
- 4) Нравственныя причины.

Бѣдность, болѣзни и тяжелыя нравственныя условія, своей силой или продолжительностью, могутъ довести человѣка *до утомленія*, при томъ до той степени утомленія, когда самый инстинктъ самосохраненія утомленъ. Если бы въ подобныхъ случаяхъ дѣйствіе причинъ прекратилось и человѣкъ могъ бы отдохнуть, то и роковое рѣ-

шеніе не имѣло бы мѣста или, по крайней мѣрѣ, было отсрочено.

Независимо отъ состоянія утомленія существуютъ такіе случаи, когда нравственныя причины могущественнымъ образомъ побуждаютъ человѣка отнять у себя жизнь, чтобы избавить себя отъ состоянія, которое человѣку представляется болѣе тяжкимъ и невыносимымъ, чѣмъ самая смерть. Нашъ государственный законъ, карающій самоубійство, предусматриваетъ два слѣдующіе случая: по ст. 1474 не подвергаются наказанію за самоубійство 1) лица, лишившія себя жизни по великодушному патріотизму, для сохраненія государственной тайны, 2) женщина, лишившая себя жизни ради сохраненія цѣломудрія и своей чести. Но, безъ сомнѣнія, существуетъ и рядъ другихъ нравственныхъ условій, которыя имѣютъ такое же значеніе, какъ и указанные сейчасъ случаи. Такимъ образомъ, самоубійство иногда является лишь величайшимъ несчастьемъ для человѣка или неизбѣжной необходимостью. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно является *неизбѣжностью только для даннаго человѣка и лишь для его разумнія и воли.* Всѣ эти условія, часто съ особенной яркостью и отчетливостью, разъясняются въ запискахъ, оставляемыхъ самоубійцами.

Записки самоубійць представляютъ высокій интересъ для психіатра и полны глубокаго значенія для психолога. Онѣ изображаютъ самыя трудныя положенія, какія приходится человѣку переживать въ жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ на живыхъ, потрясающихъ примѣрахъ разъясняютъ тѣ ненормальныя общественныя и другія условія, которыя представляютъ почву не только для самоубійствъ, но въ такой-же мѣрѣ для преступленія и помѣшательства.

Потребность, испытываемая человѣкомъ въ послѣднія минуты жизни, объяснить свое душевное состояніе,

такъ велика, что, по замѣчанію Brierre de Boismont'a ¹⁾, — лишь немногіе изъ лицъ грамотныхъ могутъ противостоятъ внутренней необходимости высказать волнующія ихъ чувства и горести или повѣдать о несчастьяхъ, жертвой которыхъ они стали. Самый фактъ обращенія къ людямъ показываетъ, что человекъ, готовящійся вычеркнуть себя изъ списка живыхъ, не прерываетъ своей связи съ ними, считаетъ своимъ долгомъ объясниться или оправдаться передъ ними, ищетъ утѣшенія въ этой безмолвной бесѣдѣ съ людьми, продолжаетъ жить общою съ ними жизнью. Со своимъ послѣднимъ словомъ самоубійцы обращаются къ близкимъ, къ роднымъ, къ друзьямъ, къ знакомымъ, ко всему міру. По тонкому замѣчанію Brierre de Boismont'a объяснительныя замѣтки, письма и записки, оставляемыя самоубійцами, большею частью свидѣтельствуютъ о томъ, что авторы ихъ оставались психически здоровыми людьми; помѣшанные же, какъ люди, охладѣвшіе къ здоровымъ потребностямъ и живущіе болѣзненными, не существующими для здоровыхъ интересами, *большею частью* записокъ не оставляютъ, но если оставляютъ, то въ нихъ излагаютъ свои болѣзненные идеи, галлюцинаціи и проч. Такимъ образомъ, характеръ и содержаніе послѣднихъ записей не только живописуютъ состояніе несчастныхъ или больныхъ людей, но могутъ представить и нѣкоторыя данныя для врачебнаго распознаванія.

По характеру и содержанію предсмертныхъ записей, Бріеръ де-Буамонъ устанавливаетъ три разряда душевныхъ состояній, въ которыхъ находятся люди, рѣшившіеся отнять у себя жизнь. Одни обнаруживаютъ чувства доброты, раскаянія, религіознаго настроенія, чести, нѣжности, дружбы, признательности и тому подобныя *добрыя чувства*.

¹⁾ Brierre de Boismont, l. c. pag. 297.

Другіе—наоборотъ, наполняютъ свои письма жалобами, упреками, выраженіями мстительности, проклятiями, безбожіемъ, безобразными мыслями, ожесточеніемъ, обманомъ и т. под. *дурными чувствами*. Къ третьей группѣ *смѣшанныхъ чувствъ* относятся такіе случаи, гдѣ выражается то безразличное душевное состояніе, то смѣшанныя волненія.

Добрыя чувства.

Самой многочисленной группой является эта. Она обнимаетъ почти три четверти всѣхъ случаевъ. Этотъ статистическій фактъ уже самъ по себѣ бросаетъ яркій свѣтъ на вопросъ о самоубійствѣ и опредѣляетъ его сущность, какъ тяжелой драмы, которую переживаетъ добрый человѣкъ.

Чрезвычайно часто записки содержатъ объясненіе причинъ самоубійства. Такова, напр. слѣдующая записка:

Я нашла въ этой жизни только стыдъ и безчестіе, покидаю эту жизнь. Я скорѣе слабая, чѣмъ виновная. Казню себя за свои грѣхи ¹).

Или—вотъ что читаемъ въ письмѣ мужа къ женѣ:

Видя себя погрязшимъ въ кутежи и безобразную жизнь и, не находя силъ исправиться, не смотря на постоянные упреки, которые себѣ дѣлаю, я лишаю себя жизни въ наказаніе за свое поведеніе.

Молодая дѣвица замѣчательной красоты пишетъ, что она израсходовала свои послѣднія средства:

Можно-бы, говорить она, завести богатый магазинъ..., но я желаю лучше умереть честной женщиной, чѣмъ жить падшей.

Человѣкъ, покидающій жизнь, часто думаетъ о тѣхъ, кого онъ оставляетъ, просить прощенія за причиняемыя

¹) Brierre de Boismont, l. c. pag. 302.

огорченія и за хлопоты, которыя онъ дѣлаетъ; въ большей части этихъ писемъ авторы ихъ прибавляютъ, что они вынуждены на роковое рѣшеніе весьма серьезными причинами и отчаяніемъ.

Во многихъ письмахъ, въ особенности у женщинъ, изображены переживаемыя душевныя страданія. Но въ особенности трогательнымъ фактомъ является забота о покидаемыхъ и на первомъ планѣ родителей—о дѣтяхъ, или супруговъ—другъ о другѣ. Многія письма содержатъ въ себѣ мольбы, направленные къ роднымъ, друзьямъ, къ добрымъ людямъ о томъ, чтобы они пріютили дѣтей, воспитали-бы ихъ, а дѣтямъ преподается благословеніе и выражается безграничное сожалѣніе, что приходится разставаться съ ними. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ письмахъ содержится просьба авторовъ о томъ, чтобы ихъ оплакали. Въ заключеніи записокъ почти всегда содержатся строки, въ которыхъ умирающій распредѣляетъ свое имущество. Таково слѣдующее письмо:

«Другъ мой! Сохрани этотъ браслетъ на память обо мнѣ, а вѣнокъ снеси на могилу моего дитяти: это послѣднее желаніе той, которая любитъ тебя болѣе, чѣмъ самую жизнь» ¹⁾).

Нерѣдко письма содержатъ прошеніе обидъ и указаніе, что оскорбленія забыты. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны чувства, выражаемыя женщинами—жертвами обольщенія. Большой частью онѣ прощаютъ тѣхъ, кто ихъ погубилъ.

Дурныя чувства.

Записки, входящія въ составъ этой группы, содержатъ въ себѣ злобу, упреки, угрозы, мстительность, про-

¹⁾ Brierre de Boismont, l. c. pag. 300.

явленія уязвленного самолюбія, проклятія и ругательства, направленные къ людямъ. Нѣкоторые авторы рисуются и лгутъ, обнаруживая и въ послѣднія минуты жизни нравственное извращеніе и дурныя качества, которыми они отличались всю жизнь. Нѣкоторые изъ подобныхъ авторовъ лишаютъ себя жизни послѣ кутежей и безобразій, которыми преднамѣренно заканчиваютъ жизнь, убивая себя послѣ попоекъ, изысканной и роскошной ѣды, въ обществѣ лицъ другого пола и т. п.

Эти факты, наблюдаемые и у лицъ несомнѣнно здоровыхъ, показываютъ, что человѣкъ можетъ оставаться одичалымъ въ самыя торжественныя минуты жизни и умереть такъ, какъ умираютъ животныя, безъ сознанія долга, безъ человѣческаго достоинства. Этотъ парадоксъ, это нравственное противорѣчіе находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что человѣкъ, по словамъ Литтре, *умираетъ* большею частью *не такъ, какъ хочетъ, а такъ, какъ можетъ*: тотъ, кто во всю жизнь былъ лишенъ нравственнаго величія, не можетъ имѣть его и въ послѣднія минуты ¹⁾.

Смѣшанныя чувства

Сюда относятся большей частью дѣловыя записки и распоряженія; иногда въ нихъ выражены чувства. Таково, напр. слѣдующее письмо: *«вы найдете тамъ все, что нужно для моихъ похоронъ»*,—слѣдуетъ перечисленіе погребальныхъ принадлежностей. Это одно изъ самыхъ общихъ мѣстъ въ письмахъ. *Я прошу васъ, читаемъ въ одномъ письмѣ, похоронить меня въ платье, которое мною приготовлено: тутъ покрывало, рубаха, чепчикъ—все, что требуется для похоронъ.*

¹⁾ Caro. Littré et le positivisme. Paris 1883.

Иногда распоряженія эти вытекають изъ чувства. Таково слѣдующее письмо:

О, кто-бы вы ни были! не разлучайте тѣхъ, кого соединила смерть; это наша послѣдняя воля — не нарушайте ее; положите насъ въ общую могилу: соединенные на землѣ, мы бы хотѣли быть вмѣстѣ и въ могилѣ ¹⁾.

Таково-же слѣдующее письмо:

Не упрекайте, прошу васъ, того, кто довелъ меня до смерти; ради самого неба не снимайте съ меня ни браслета, ни платья, какое на мнѣ, положите все въ гробъ вмѣстѣ съ тѣломъ ²⁾.

Приведенные отрывки, заимствованные нами изъ сочиненій Brierre de Boismont'a, разъясняютъ, какъ психическое состояніе человѣка предъ самоубійствомъ, такъ и причины, приведшія къ катастрофѣ или, по крайней мѣрѣ, субъективное отношеніе человѣка къ этимъ причинамъ. Нижеслѣдующій рядъ писемъ самоубійць мы сгруппируемъ по вызвавшимъ ихъ причинамъ, отношеніе же къ нимъ самоубійць будетъ ясно изъ чувствъ, которыя они выражаютъ.

А) Вѣдность и матеріальное разореніе.

1) Самоубійца учитель.

Изъ Домнополя Лифляндской губ. пишутъ въ газ. «Свѣтъ»: 30 марта, въ 6 ч. утра найденъ былъ въ одной изъ аллей городского сада трупъ частнаго учителя Т. съ зіяющей раной въ вискѣ. Возлѣ трупа валялся револьверъ. Скамейка, песокъ и деревья были забрызганы кровью.

¹⁾ Brierre-Boismont, I. c. pag. 326.

²⁾ Ibid. 326—327.

На скамейкѣ найдена была записка, писанная карандашомъ, слѣдующаго содержанія:

«Десять лѣтъ я обучалъ подроставшее поколѣнiе. Застой въ торговлѣ отразился и на жиѣ. Уроки у меня истощились: я теперь нишій въ маниткѣ и галстухѣ. Въ послѣднее время я питался вѣтромъ. Голова болитъ, желудокъ разстроены, ноги отказываются служить. Мать больна. Отецъ безъ мѣста. Сестра страдаетъ отъ мужа и видѣть въ немъ врага. Братья бѣдны. Надеждъ въ будущемъ никакихъ. Цѣлые три мѣсяца я все ищу спокойной квартиры и не могу найти. Какъ видно, я найду ее только въ землѣ. Слава Богу, что у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей: никто не посмѣетъ меня проклинать». Самоубійцѣ всего 28 лѣтъ. „Кіевлянинъ“, № 82, 1886 года.

Письмо проникнуто безнадежностью и свидѣтельствуется о психическомъ утомленіи, вызванномъ рядомъ жизненныхъ неудачъ и тягостныхъ впечатлѣній. Объ утомленіи свидѣлствуютъ слова: *цѣлые три мѣсяца я ищу спокойной квартиры и не могу найти ея.*

2) Самоубійство И. С-ва въ Кіевѣ.

Вчера, читая въ мѣстныхъ газетахъ, нами было сообщено о самоубійствѣ И. С-ва. Покончивъ жизнь выстрѣломъ изъ револьвера въ правый високъ, И. С-въ вызвалъ глубокое сожалѣніе у всѣхъ, знавшихъ его лично. Человѣкъ, въ высшей степени добрый, впечатлительный, отзывчивый къ чужому горю, покойный не могъ перенести плохого положенія своихъ дѣлъ, особенно послѣ того, когда ему пришлось убѣдиться въ томъ, что многіе изъ тѣхъ, кому онъ помогалъ, отказались отъ него въ трудную минуту жизни. Лишить себя жизни И. С-въ задумалъ еще въ началѣ января, объ этомъ свидѣлствуетъ много писемъ, начатыхъ 8, 9 января, въ которыхъ онъ прощается со своими родственниками, знакомыми и проситъ не помнить его лихою. Такихъ писемъ С-въ оставилъ на своемъ столѣ 23. Въ письмѣ, адресованномъ къ кіевскому полиціймейстеру, С-въ просилъ, въ виду того, что самоубійство его достаточно выяснено цѣлымъ рядомъ автографовъ, не подвергать его тѣло судебно-медицинскому вскрытію. При разборѣ писемъ, на столѣ найдена также приготовленная для стирки телеграмма, написанная также рукой покойнаго отъ имени жены: «Нильша умеръ. Пріѣзжайте».

При оригиналѣ приложенъ рубль, предназначенный для отправленія этого печальнаго извѣстія въ Москву родственникамъ.

3) Самоубійство купца С—ва.

Сегодня, 12 октября, читаемъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» произошло небывалое въ Москвѣ самоубійство: зарѣзался въ Архангельскомъ соборѣ въ концѣ литургіи, московскій 2 гильдіи купецъ С—въ, старикъ 60 лѣтъ отъ роду. Онъ много лѣтъ торговалъ въ Ножевой линіи мануфактурнымъ и галантерейнымъ товаромъ; въ послѣднее время магазинъ его имѣлъ фирму «Московская ярмарка». Со дня закрытія городскихъ рядовъ, покойный С—въ, какъ объясняетъ его сынъ, загрустилъ, высказывая всѣмъ,—что для него настало разореніе, такъ какъ есть много неотложныхъ платежей долговъ, а торговлю долго возобновить не придется. Утромъ, сегодня, сыновья его и приказчики отправились изъ дома (у покойнаго свой домъ) въ Ножевую линію, гдѣ они заняты уборкой и вывозкой товара, а самъ С—въ пошелъ въ Кремль. Придя въ Архангельскій соборъ, онъ подалъ заупокойную просфору съ запиской, въ которой написалъ свое имя: «о упокоеніи новопреставленнаго Петра», затѣмъ заказалъ заупокойную литургію на завтра, а на вопросъ псаломщика кого поминать, далъ свое метрическое свидѣтельство о рожденіи, а затѣмъ ушелъ въ глубь храма. Въ концѣ службы одинъ изъ сторожей собора увидалъ, что какой-то старикъ въ лѣвомъ придѣлѣ около гробницъ поклонился въ землю и не встаетъ. Сторожъ подошелъ къ нему и увидалъ, что онъ умираетъ: самоубійства не замѣтили, а думали, что это просто скоропостижная смерть отъ удара. Сторожа вынесли его на паперть, и здѣсь онъ черезъ нѣсколько минутъ скончался. Когда умершаго, оказавшагося С—овымъ, привезли въ пріемный покой Городской части, то врачъ увидалъ пятна крови на рукахъ и сюртукѣ. На шеѣ у него было четыре небольшіе порѣза, а на лѣвой сторонѣ ея, у горла, сдѣланъ былъ глубокой уколъ, и имъ порѣзана сонная артерія. Кровоизліяніе было внутреннее. Самоубійство произведено было перочиннымъ ножомъ, который потомъ найденъ въ соборѣ. Трупъ покойнаго помещенъ въ часовнѣ городского полицейскаго дома. «Моск. Вѣд.», 13 октября, 1886 г., № 283.

Приведенный случай напоминаетъ собой скорѣе самоубійство больного въ состояніи *melancholia senilis*, чѣмъ обыкновенное самоубійство въ силу бѣдности.

4) Двѣ записки отравившагося студента Медицинской Академіи.

1) Я отравился самъ; ядъ—Kali cyanatum, денегъ и цѣнныхъ вещей послѣ меня не осталось; прошу увѣдомить сестру мою NN. (Подпись).

2) Сестрѣ. Милая N! Я отравился потому, что жить было нечѣмъ, не оставляя академіи. Простись за меня съ мамой, братомъ, кошкой и со всѣми. Твой (Подпись). Прощай.

P.S. Изъ С—а не получилъ ни слова; я писалъ два раза.

В) Самоубійство подъ вліяніемъ болѣзней.

Самой частой причиной этого рода самоубійствъ служатъ душевныя болѣзни; въ оставляемыхъ запискахъ почти всегда можно найти указанія на характеръ болѣзни.

1) *Покушеніе на отравленіе.* Помѣщикъ 40 лѣтъ изъ невротической семьи, заболѣлъ ипохондрической формой меланхолии и бредилъ мыслью о зараженіи собачьимъ бѣшенствомъ отъ комнатной собачки, хотя она его не укусила и никакихъ опасностей для него не представлялось. Однакоже больной страшно боялся наступленія бѣшенства; онъ постоянно твердилъ и старался всѣхъ увѣрить, что собачка его не укусила, и слѣдовательно зараженія не могло быть, тѣмъ не менѣе тоска и болѣзненное ожиданіе поддерживали въ немъ мысль о неминуемомъ наступленіи страшной болѣзни. Больной былъ помѣщенъ въ психіатрическую лѣчебницу. Онъ сумѣлъ достать 60 граммовъ хлораль-гидрата. По принятіи яда у больного наступило коматозная спячка; своевременная помощь (подкожное впрыскиваніе strichnivi pitrici спасло больного). Вотъ его письмо, имѣющееся у насъ.

Умирая, я вновь подтверждаю, что собака меня не укусила, а только потерлась о пальто, какъ я всегда говорилъ. Я не ласкалъ ее. Меня видимо наказалъ Господь.

Прошу у всѣхъ прошенія, а мнѣ прощать некому и нечего.

Прошу не анатомировать меня, а похоронить около бабушки NN.

Прошу молиться обо мнѣ. Прошу прошенія у всѣхъ, кому надоѣлъ свей продолжительной болѣзнию. (Подпись).

2) Записка повѣсившагося кухоннаго мужика ¹⁾ (вѣроятно алкоголиста).

Ты NN какъ думаешь о телячьей головѣ подъ острымъ соусомъ? Я былъ у тебя, а ты у меня. Егоръ.

Завтра меня будутъ рѣзать.

3) Записка повѣсившагося отставнаго офицера 34 лѣтъ, бывшаго добровольцемъ въ Сербіи (вѣроятно алкоголизмъ). Письмо, наполненное дурными чувствами, слѣдующаго содержанія: ²⁾.

Крещеному, но архибезнравственному жиду.

Будь пока доволенъ тѣмъ, что передъ смертью я снялъ для тебя съ своихъ плечъ послѣднее пальто и передай матери прилжаемую записку.

Да! жила не только въ купели не проймешь — ему и керосину мало — все Иудой пахнуть будетъ отъ него. Подлое племя. Иуда! Будь проклять!

NN! Будь проклята!

4) Убийство и самоубийство.

Отравившійся 30 октября вмѣстѣ съ женой своей и ребенкомъ врачъ-гомеопатъ Максимилианъ Карловичъ Боянусъ, сынъ тоже врага гомеопата. Покойный М. К. Боянусъ медицинское образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ и тамъ же получилъ ученую степень доктора. Въ домѣ Сергѣева, на Никитской, онъ жилъ около

¹⁾ Лихачевъ. Самоубійство въ Зап. Европѣ и Россіи. С.-Петербургъ 1882 годъ, стран. 246.

²⁾ Ibid. pag. 246.

двухъ лѣтъ и занималъ квартиру въ 5 комнатъ съ платой 480 р. въ годъ. То, что супруги Боянусъ, вслѣдствіе отсутствія практики у мужа, нуждались не было почти никому извѣстно: лишь близкимъ знакомымъ они высказывали это и жили очень экономно. При осмотрѣ квартиры ихъ послѣ обнаруженія самоубійства денегъ въ ней оказалось только 2 рубля, деньги эти лежали на столѣ, вложенные въ паспортъ прислуги супруговъ Боянусъ: прислугѣ по 31 октября недоплачено было 2 р., и послѣднія свои деньги супруги назначили для расчета съ нею. Квартира оплачена была по 1 ноября. Въ вечеръ, предъ самоубійствомъ, прислуга входя въ послѣдній разъ въ комнаты къ хозяевамъ видѣла, что самъ Боянусъ ходилъ молча по комнатѣ, жена его писала что-то у письменнаго стола, а трехлѣтняя дочь ихъ сидѣла на полу на коврѣ съ игрушками. Жена Боянуса очевидно съ вечера писала то письмо на имя брата своего мужа, тоже врача-гомеопата, Н. К. Боянуса, въ которомъ она объявляетъ, что по согласію съ мужемъ они умираютъ потому, что медицинская практика не давала имъ даже самыхъ необходимыхъ средствъ къ жизни. Отравили дочь и отравились сами супруги Боянусъ, какъ полагаютъ, аконитомъ, такъ какъ стеклянка съ остатками этого яда оказалась на столикѣ у постели незаткнута, среди другихъ стеклянокъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что супруги Боянусъ страдали помѣшательствомъ. Мы считаемъ, что у одного изъ супруговъ болѣзнь развилась обычнымъ порядкомъ, а другой заболѣлъ внослѣдствіи *наведенной* (индуцированной) формой помѣшательства. Психическая болѣзнь супруговъ Боянусъ доказывается тѣмъ, что они, умирая добровольно, по взаимному соглашенію лишили жизни свою малолѣтнюю (3 лѣтъ) дочь. Они безъ сомнѣнія, руководились обыкновеннымъ міровоззрѣніемъ меланхоликовъ о томъ, что дочь ихъ будетъ также несчастная, какъ и они сами. Самоубійцы (не страдающіе психозомъ) не совершаютъ подобныхъ убійствъ, а напротивъ, какъ это мы видѣли выше, употребляютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы близкіе къ нимъ люди оставались въ живыхъ, при этомъ, родители поручаютъ своихъ дѣтей попеченію родныхъ или

друзей, выражают пожеланія, чтобы жизнь и воспитаніе дѣтей такъ или иначе были обставлены и т. д.

В) Самоубійство подъ вліяніемъ утомленія жизнью (*taedium vitae*).

Утомленіе жизнью или отвращеніе отъ жизни является одной изъ частыхъ причинъ самоубійства. У многихъ самоубійцъ мы находимъ въ ихъ послѣднихъ запискахъ ссылку на это душевное настроеніе; иногда утомленіе жизнью выставляется, какъ единственное побужденіе къ самоубійству. Людямъ всѣхъ націй знакомо это психическое состояніе, и они называютъ его однимъ и тѣмъ же именемъ.

Слѣдуетъ ли признать это состояніе душевной болѣзью? Можно ли его отождествить съ меланхоліей? Brierre de Boismont отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. „Отвращеніе отъ жизни“,—говоритъ онъ,—является частой причиной самоубійства при отсутствіи всякихъ признаковъ помѣшательства ¹⁾. Состояніе, о которомъ идетъ рѣчь носитъ различныя наименованія: *утомленіе жизнью, скука, отвращеніе отъ жизни*; его называютъ также *утратой жизнерадостности* или *жизнерадостнаго настроенія* въ противоположность живому чувству жизни; иногда, наконецъ, называютъ его *разочарованіемъ*. Что состояніе это, проявляющееся, судя по имени, въ различныхъ оттѣнкахъ, не можетъ быть отождествлено съ душевной болѣзью—это очевидно изъ того факта, что оно наблюдается гораздо чаще, чѣмъ душевныя болѣзни. Въ извѣстныя эпохи оно усиливается, принимая характеръ эпидеміи. Но между усиленіемъ его и учащеніемъ душевныхъ болѣзней не

¹⁾ l. c. pag. 292.

существуетъ соотвѣтствія. Очевидно, что оно не можетъ быть отнесено, къ разряду болѣзней. Утомленіе жизнью замѣчается въ переходные періоды общественной мысли, при смѣнѣ одного міровоззрѣнія другимъ. Въ этомъ случаѣ оно можетъ зависѣть отъ крайняго напряженія мысли, при которомъ *усталость* является событіемъ неизбѣжнымъ.

Переходныя эпохи могутъ сопровождаться также и *разочарованіемъ*, вполне естественнымъ въ тѣ минуты, когда человѣкъ долженъ оставить міросозерцаніе, съ которымъ сжился и перейти къ новому. Этотъ сложный процессъ психологической ломки не можетъ обойтись безъ внутренней борьбы и неразлучнаго съ ней, для нѣкоторыхъ людей, утомленія. Такимъ образомъ естественное теченіе жизни и ея успѣхи, повидимому, неминуемо связаны, для нѣкоторыхъ людей, съ возможностью утомленія, съ разочарованіями, съ утратой жизнерадости.

Первое описаніе утомленія жизнью встрѣчаемъ у Сенеки. „Зло, овладѣвшее нами, говоритъ этотъ філософъ, не зависитъ отъ мѣста, — оно въ насъ самихъ; мы стали безсильны, мы неспособны чувствовать боль, утратили возможность наслаждаться. Сколько людей призываютъ смерть послѣ того, какъ испытавши все, не находятъ ничего новаго! Жизнь, свѣтъ, — становятся для нихъ въ тягость; и даже среди радостей они восклицаютъ: какъ? все то же!¹⁾“

Въ эпоху Сенеки самоубійство было настоящей повальной болѣзью, люди испытывали какъ бы какую-то потребность умирать; жизнь казалась имъ лишней.

Состояніе духа, столь ясно изображенное философомъ, можно наблюдать и въ наши дни. Мы имѣли случай подробно изслѣдовать психическое состояніе молодого человѣка, утратившаго жизнерадость и имѣвшаго намѣ-

¹⁾ Seneca, De tranquillitate animi.

рение лишить себя жизни. Его удерживали отъ самоубійства только мольбы матери. Самъ же онъ, какъ выражался, не испытывалъ никакого удовольствія отъ жизни, не чувствовалъ потребности жить и не ощущалъ ни малѣйшаго страха или другого волненія въ тѣ моменты, когда въ рукахъ его былъ заряженный револьверъ, а въ мысляхъ — готовое рѣшеніе направить его противъ себя. Приведемъ нѣсколько примѣровъ этого состоянія.

1) *Письмо* личнаго почетнаго гражданина, адресованное къ лицамъ городской полиціи, имѣвшимъ прибыть для составленія протокола.

Заявляю лицамъ, прибывшимъ для составленія протокола и обязаннымъ знать о всемъ случившемся въ жизни, что я сегодня, въ пятницу 10 ноября сего 18** года, вечеромъ въ номерѣ, здѣшной гостинницы, вслѣдствіе собственнаго желанія, но безъ всякихъ, положительно, особенныхъ причинъ, а единственно только потому, что мнѣ сильно надоѣла жизнь. въ чемъ, однако, никто не виноватъ, и на что я уже давно рѣшился, прекращаю свое существованіе посредствомъ револьвернаго выстрѣла и одновременно съ нимъ принятія дозы цианистаго калия (орудія эти гдѣ досталъ, нахожу совершенно недолжнымъ объявлять), обращаюсь къ нимъ съ всепокорнѣйшей просьбою приказать сдѣлать возможное съ ихъ стороны распоряженіе, или если не отъ нихъ зависитъ, то оказать содѣйствіе къ исполненію моего послѣдняго желанія, заключающагося въ слѣдующемъ: по составленіи протокола и отправленіи моего трупа, по принятому, вѣроятно порядку, въ ближайшей приѣмный покой, не предавать его затѣмъ землѣ ни подъ какимъ видомъ и не смотря ни на какіе, могущіе возникнуть противъ этого, протесты моихъ родственниковъ, а непременно отдать его, мой трупъ, хотя онъ, конечно далеко не интересенъ, для научнаго анатомированія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ полное и неотъетлемое владѣніе и распоряженіе Медико-Хирургической Академіи или такъ называемой Клиники. И эта просьба моя, я льщу себя надеждой, по той причинѣ, что послѣдняя воля умирающаго всегда исполняется, будетъ уважена и пунктуально выполнена. Затѣмъ, повторяя, что въ смерти моей никто не виновенъ, прошу у

лицъ, коимъ я при жизни моей сдѣлалъ зло—извиненія. Для уплаты за номеръ со мною есть нѣсколько денегъ, но въ случаѣ, если номерной найдетъ эту сумму недостаточною, то предлагаю ему обратиться за прибавкой въ мѣсто моего жительства (адресъ и подпись) ¹⁾.

Какъ на черту, свидѣтельствующую *объ утомленіи* автора приведеннаго сейчасъ письма нельзя не указать на отсутствіе страха и сохраненіе полного безразличія при мысли объ анатомированіи тѣла съ предназначеніемъ его для цѣлей научнаго изслѣдованія. Тонъ и спокойствіе, съ которымъ человѣкъ говоритъ о вскрытіи своего тѣла, стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ тѣмъ, напр., страхомъ и ужасомъ, какой идущему на казнь внушаетъ мысль, что его тѣло по смерти можетъ быть подвергнуто вскрытію. Съ того времени, какъ въ послѣдніе годы (начиная съ 1884 года) французскіе антропологи начали дѣлать научныя изслѣдованія надъ трупами только что казненныхъ преступниковъ, обычной фразой послѣднихъ, слышимой каждый разъ на пути къ эшафоту, было: *je ne veux pas a l'amphytheatre* (не хочу въ анатомическій театрѣ), хотя, казалось бы для умершаго должна быть безразлична судьба его тѣла.

2) *Самоубійство*. 1-го іюня 1885 г., около 7-ми часовъ вечера, застрѣлился у себя на квартирѣ изъ револьвера 18-тилѣтній юноша, ученикъ VI класса К** реального училища М***. Покойный—по отзывамъ всѣхъ знавшихъ его—велъ себя и учился прекрасно, отличался веселымъ характеромъ и былъ любимъ всѣми. 1 іюня, въ 6 час. вечера, онъ находился въ кругу своихъ родныхъ и совершенно спокойно бесѣдовалъ съ ними; затѣмъ вышелъ въ спальню отца, гдѣ въ то время никого не было.

¹⁾ Лихачевъ, I. с. 236.

Спустя нѣкоторое время, раздался выстрѣлъ, и когда всѣ домашніе вбѣжали въ кабинетъ, то самоубійца лежалъ на полу; изо рта у него текла кровь; на груди, на сюртукѣ, была круглая обожженная дыра; рядомъ валялся отцовскій револьверъ. Немедленно пригласили врача, но было уже поздно; бѣдный юноша умеръ. На столѣ найдена была записка слѣдующаго содержанія, заставляющая сомнѣваться въ нормальности психическаго состоянія самоубійцы.

Всѣмъ, кому угодно. Наконецъ, послѣ долгаго мышленія, осуществляю мою мысль, которая уже нѣсколько лѣтъ застѣла ко мнѣ въ голову (обыкновенно понимать). Результатъ этого мышленія, по всей вѣроятности, васъ обрадуетъ. Мой девизъ съ давнихъ поръ, — конечно относительно моей короткой жизни, — жить (человѣкомъ, а дальше не знаю) для себя и, если только самому доставляетъ удовольствіе для другихъ! — Но при этомъ такъ политиковать, чтобы всѣ любили и уважали?! (ужаснулись??!! не ожидали!) Я такъ старался поступать. — Понятны мои дѣйствія, мое обращеніе, мои взгляды (знакомые вамъ до девиза???)

Изъ девиза (моего) можно судить также о взглядѣ (настоящемъ) моемъ на жизнь (человѣческую) и почему я, можетъ быть, нѣсколькими годами ранѣ срока (случайности) самовольно спѣшу познакомить свое тѣло съ существами, живущими подъ землей (вещественное).

Для науки (ради своего удовольствія — девизъ?) однимъ хочу послужить (Кіев. универ.): медицинскому факультету (въ переносномъ значеніи) дарю свою, (послѣ того какъ умремъ перемѣнимъ жизнь) голову. Живая не поступила бы?!?!?!?! — Пусть лучшій профессоръ (медик.) собственноручно отдѣлитъ ее отъ тѣла (странно-девизъ?) и заберетъ въ анатомическій театръ, (куда слѣдуетъ) для изслѣдованія. Кто захочетъ — живи, не хочешь — предлагаю итти по моему пути (вѣдь все равно); мнѣ жизнь, а въ особенности въ будущемъ. улыбалась (обыкновенно понимать).

Пожеланій не дѣлаю — такъ какъ все равно не будете знать навѣрно — исходить ли они чистосердечно, или криводушно — девизъ??!!

1885 года
(мѣсяца, числа,
дня — не знаю).

Реалистъ VI класса
(слѣдуетъ подпись).

Р. S. Если орудіе окончательно не подѣйствуетъ, то прошу повѣсить его около кровати, на которой я буду лежать, чтобы я могъ на него (какъ непослушнаго) съ наслажденіемъ взирать.

Пусть всѣ знакомые мои (а если кто желаетъ, то и незнакомые) придутъ ко мнѣ — буду очень радъ. Конечно, говорю про тотъ случай, если я не сразу... понятно? «Реалистовъ извѣстите о моемъ поступкѣ только тѣхъ, кто у меня въ домѣ бывалъ».

Внизу подпись: «Желающимъ».

Въ этомъ письмѣ, какъ и въ предыдущемъ, замѣтно разочарованіе, равнодушіе усталаго человѣка, отсутствіе страха, отсутствіе другихъ волненій; но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣнь и недостатокъ установившагося нравственнаго міросозерцанія (*„политиковать, чтобы всѣ любили и уважали. Я такъ старался поступать“*). Равнодушіе и безучастіе при мысли о вскрытіи его тѣла, объ отдѣленіи головы — такъ велики и такъ поражаютъ на первый взглядъ, что можно бы думать о душевной болѣзни этого и подобныхъ ему авторовъ. Не отрицая, что въ данномъ случаѣ, быть можетъ, была душевная болѣзнь, мы, на основаніи нашего личнаго опыта, приходимъ къ заключенію, согласному съ мнѣніемъ Brierre-de-Boismont', что утомленіе жизнью, равнодушіе и тому подобныя явленія наблюдаются и у тѣхъ самоубійцъ, которые не страдаютъ психической болѣзнью.

Мы имѣли случай близко познакомиться съ описываемымъ явленіемъ; мы наблюдали его у учащихся въ Кіевѣ, а также въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга (въ бытность нашу врачомъ клиники душевныхъ болѣзней при Военно-Медицинской Академіи). Мы убѣждены, что грустный пессимизмъ не всегда можетъ быть вставленъ въ рамки патологіи, и что развитію и увеличенію числа самоубійствъ содѣйствуютъ помимо болѣзней и другія причины. Въ этомъ отношеніи не можемъ не

сослаться на глубокаго знатока индивидуальной и общественной души—А. Э. Кони; онъ усматриваетъ главную причину увеличенія числа самоубійствъ въ средѣ образованныхъ людей русскаго общества съ 1864 по 1874 годъ въ отсутствіи общественныхъ идеаловъ¹⁾. Приходится признать гогоритъ онъ, что значительное число самоубійствъ совершаются въ здоровомъ умѣ и твердой памяти и что совокупность общественныхъ, экономическихъ и бытовыхъ условій, въ связи съ упадкомъ религіознаго чувства, развитіемъ чрезвычайныхъ матеріальныхъ требованій въ жизни, затемняющихъ ободрительные нравственныя идеалы, играютъ въ качествѣ почвы для самоубійства не меньшую роль, чѣмъ душевныя болѣзни.

Нельзя не присоединиться вполне къ приведенному глубокомысленному выводу. Въ самомъ дѣлѣ, съ упадкомъ нравственныхъ идеаловъ въ обществѣ, утрачивается одно изъ орудій, одно изъ средствъ *возбуждающихъ чувства и волю* и открываются условія для равнодушія, для упадка самого *чувства жизни*. На такой почвѣ общественной жизни можетъ развиваться у отдѣльныхъ лицъ *taedium vitae*. Въ психологическомъ отношеніи состояніе это характеризуется пониженіемъ или ослабленіемъ чувства при сохраняющейся ясности мысли и свободномъ теченіи умственныхъ процессовъ. Оно отличается отъ меланхолическаго или подавленнаго настроенія духа тѣмъ, что при немъ понижается самая способность къ душевнымъ волненіямъ, и человѣкъ впадаетъ въ состояніе нѣкотораго эмоциональнаго безразличія. Всего чаще это состояніе развивается послѣ глубокихъ или продолжительныхъ волне-

¹⁾ Протоколъ Засѣданія Общ. Психіатровъ въ С.-ПБ, 14 ноября 1892 г.

ній въ силу *истощенія*. Вообще *taedium vitae* встрѣчается часто, и быть можетъ другія причины самоубійства напр. *бѣдность, нравственныя вліянія и пр.*, дѣйствуя на чело-вѣка, приводятъ его въ состояніе утомленія. Намъ при-ходилось наблюдать подобное состояніе. Въ поясненіе приведемъ два случая.

Семейный чело-вѣкъ, потерявшій жену, заболѣлъ серьезной болѣзью и былъ затрудненъ въ леченіи этой болѣзни условіями семейной обстановки; долженъ былъ скрываться со своей болѣзью и леченіемъ; но болѣе всего ему было тягостно нравственное противорѣчіе между прежней чистой семейной жизнью и новыми беспорядочными усло-віями. Чело-вѣкъ былъ выбитъ изъ колеи и шелъ неправи-льной дорогой. Онъ усталъ нравственно. Ему стало приходить на мысль, что при такихъ условіяхъ не стоитъ жить. Съ появленіемъ этихъ мыслей онъ, такъ сказать, приблизилъ къ себѣ, бывший у него, но давно забытый револьверъ, хранившійся въ дальнихъ ящикахъ. Хотя опредѣленной мысли о самоубійствѣ у него не было, но обхожденіе съ револьверомъ стало случаться чаще и чаще. Однажды,—такъ рассказываетъ самъ больной,—играя ре-вольверомъ, онъ вдругъ подумалъ, не пустить ли его въ ходъ. Съ этой мыслью, лежа на постели онъ направилъ дуло оружія, но безъ всякаго прицѣла, по направленію ногъ, думая при этомъ: *попадетъ—все равно*. При этомъ онъ не испытывалъ ни страха, ни внутренняго противо-дѣйствія. Послѣдовалъ выстрѣлъ, не попавшій въ цѣль; больной выпустилъ слѣдующій зарядъ—попалъ въ стопу. *Послѣ этого*, такъ рассказываетъ больной, *ему пришла мысль, надо стрѣлять дальше*. Онъ снова выстрѣлилъ—попалъ въ мягкія части ноги ниже колѣна. Когда онъ увидѣлъ кровь, ему пришла мысль: *сейчасъ придутъ на выстрѣлъ, теперь надо стрѣлять въ сердце*. Онъ выпустилъ

въ грудь два заряда и остановился, находясь въ сознаніи и помня, что въ его распоряженіи имѣется еще одна пуля. Но онъ дальше не стрѣлялъ, подумалъ: *все равно*. Раны оказались не смертельными, больной поправился.

Сходный съ описаннымъ случай мы наблюдали въ Петербургѣ въ 1878 году. Воспитаникъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, много потерпѣвшій отъ бѣдности и лишеній, впалъ въ состояніе пессимизма, усталъ душой, и у него стала являться мысль о самоубійствѣ. Онъ давно имѣлъ револьверъ. Однажды, чувствуя себя особенно дурно, онъ сказалъ себѣ: *нѣтъ, надо кончить*». Съ этой цѣлью онъ отправился ночью на Крестовскій Островъ, чтобы выстрѣлить въ себя, свѣсившись съ перилъ моста — обычный въ ту пору въ С.-Петербургѣ приемъ самоубійства, рассчитанный на то, чтобы утонуть въ случаѣ полученія несмертельной раны. Находясь въ неопредѣленномъ состояніи, не испытывая никакихъ волненій, онъ былъ на одинъ шагъ отъ смерти. Въ эту пору по направленію къ нему шелъ полицейскій. Внезапно у него являлась мысль *«надо поскорѣе стрѣлять, чтобы не помышляли»*, но полицейскій остановился и это отсрочило катастрофу. Совершенно неожиданно пришла въ голову мысль: *пойти сначала къ психіатру... и послѣ визита къ нему еще можно цспить до наступленія зари застрѣлиться*. Больной позвонилъ къ намъ. Разбудивши по очень важному дѣлу, какъ онъ объяснить, онъ разсказалъ то, что сейчасъ изложено. Бесѣда оказала на молодого человѣка благотворное вліяніе, онъ оставилъ у меня свой револьверъ и охотно далъ взятое съ него слово, что въ теченіе недѣли онъ не станетъ дѣлать новыхъ покушеній и будетъ исполнять совѣты. Онъ безпрекословно повиновался всему, что у него требовали, сказавши только съ недоумѣніемъ: *неужели послѣ этого можно жить*. Онъ совершенно оправился. По-

видимому, обстановка семейнаго дома, гдѣ онъ неожиданно, среди ночи нашель хлѣбъ-соль, проснувшихся дѣтей, участливое спокойствіе хозяевъ и жизнерадость семьи, ютившейся въ одной комнатѣ—все это вмѣстѣ взятое послужило толчкомъ, постепенно преобразовавшимъ его душевное настроеніе. Впослѣдствіи онъ вспоминалъ объ этомъ и утверждалъ, что былъ въ высшей степени близокъ отъ смерти, и что спасеніе его—счастливая случайность. Объ этой случайности онъ навсегда сохранилъ трогательное воспоминаніе.

Г) Самоубійство подъ вліяніемъ нравственныхъ причинъ.

Наиболѣе поучительнымъ и нагляднымъ примѣромъ значенія и силы нравственныхъ условій въ дѣлѣ самоубійства является, получившая широкую извѣстность *Лицкая драма*, случившаяся въ 1882 году. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Талантливая женщина, сдѣлавшись жертвой оскорбленія и измѣны, пережила глубоко-трагическія минуты, приведшія ее къ рѣшенію прекратить свою жизнь. Подробныя письма этой страдальцы, содержащія въ себѣ тонкій и глубокій анализъ нравственнаго самочувствія, не нуждаются въ комментаріяхъ. Замѣтимъ только, что въ этомъ случаѣ нѣтъ и рѣчи о надломленной натурѣ, объ утомленіи, о психической болѣзни и проч. Напротивъ, мы видимъ здѣсь одаренную человѣческую личность, которая въ своемъ полномъ расцвѣтѣ и во всеоружіи нравственныхъ силъ вступаетъ въ борьбу съ пошлостью и отрицательными сторонами жизни; здѣсь мы встрѣчаемся со всѣми элементами трагическаго положенія, въ которомъ смерть явилась необходимымъ условіемъ для торжества идеи.

Кровавая, романическая трагедія разыгралась близъ Лица. Мѣсто дѣйствія—прекрасный, тѣнистый паркъ ве-

ликолѣпнаго замка графской фамиліи Куденгове, въ Отенгеймѣ. Героини—двѣ молодыя француженки: Марія Дамэнъ, 20-ти лѣтъ, и Алина Ренвиль, 26-ти лѣтъ, пріѣхавшія въ Вѣну жить и окончившія свои молодыя жизни одновременнымъ самоубійствомъ, совершеннымъ ими среди душистыхъ розъ и цвѣтовъ парковаго сада. Время самоубійства—прекрасная, лунная іюньская ночь. Мотивы—несчастливая любовь къ недостижимому „chevalier“, горячая материнская преданность къ новорожденному ребенку и, наконецъ, взаимная сердечная любовь подругъ. Главный герой—молодой 23-лѣтній аристократъ, владѣлецъ замка графъ Гейнрихъ Куденгове, геройство котораго состояло, впрочемъ, въ томъ, что онъ явился косвеннымъ виновникомъ смерти двухъ женщинъ, оставшись самъ въ живыхъ и продолжая носить громкій титулъ „первостатейнаго кавалера“, полученный имъ, конечно, не по заслугамъ, а по рожденію въ знатнѣйшей, аристократической фамиліи.

Въ январѣ 1881 года, молодая и очень красивая дѣвица Марія Дамэнъ (театральное имя—Марія Дальмонъ) пріѣхала изъ Парижа въ Вѣну, желая усовершенствоваться въ музыкѣ и пѣніи и поступить въ оперную труппу. Марія Дамэнъ, дочь французской актрисы, выступила, еще въ Парижѣ, въ качествѣ оперетной пѣвицы, гостила нѣсколько разъ въ Лондонѣ и, благодаря своимъ талантамъ и симпатичной наружности, была встрѣчена театральной публикой чрезвычайно сочувственно. По прибытіи въ Вѣну, она стала брать у одной извѣстной „профессорши“ уроки музыки и пѣнія, причемъ занятія шли очень успѣшно, и учительница возлагала большія надежды на свою „будущую Патти“. Съ Маріей Дамэнъ пріѣхала въ Вѣну ея подруга, оставшаяся ей вѣрною въ жизни и смерти, дѣвица Алина Ренвиль, родомъ изъ Шербура, владѣтельница небольшого помѣстья. Дѣвица Дамэнъ была ха-

рактера кроткаго, уступчиваго, живого; подруга ея по временамъ, грустила и отличалась мрачнымъ взглядомъ на жизнь и людей. Обѣ онѣ вели жизнь скромную, тихую. Онѣ были знакомы съ персоналомъ французскаго посольства въ Вѣнѣ, и Марія Дамэнъ участвовала однажды въ драматическомъ представленіи, данномъ въ домѣ французскаго посла. Еще зимою 1881 года, Марія Дамэнъ познакомилась, въ домѣ посольства, съ молодымъ графомъ, Гейнрихомъ Куденгове, которой, съ свойственнымъ рыцарямъ рвеніемъ, началъ „ухаживать“ за „восхитительной француженкой“, Слѣдствіемъ этого ухаживания, сопровождавшагося безпрестанными увѣреніями о будущемъ законномъ супружескомъ сожителствѣ, оказалось „материнское состояніе“ дѣвицы Дамэнъ. Но пусть говоритъ сама несчастная Дамэнъ, оставившая много писемъ и длинное завѣщаніе:

Письмо Маріи Дамэнъ:

«Я отправлюсь въ Линцъ, чтобы встрѣтиться съ графомъ Гейнрихомъ Куденгове, со которымъ я, съ апрѣля прошлаго года, жила какъ съ супругомъ. Въ началѣ іюля я почувствовала себя матерью и это разбило мою жизнь. Я далека отъ мысли жаловаться по поводу этого: подобное состояніе явилось заслуженнымъ наказаніемъ моей слабости. Я прибыла въ Вѣну, чтобы усовершенствоваться въ пѣніи. Я должна была, въ вѣнской оперѣ, дать пробное пѣніе, когда почувствовала, что я мать. Я писала барону Гофману, интенденту придворныхъ театровъ, что семейныя дѣла заставляютъ меня покинуть Вѣну. Графа Гейнриха Куденгове я могу только упрекать въ томъ, что его обращеніе со мною принуждаетъ меня сдѣлать этотъ отчаянный шагъ. Если онъ не захочетъ меня услышать, если онъ не захочетъ просить прощенія за всѣ муки, нанесенныя имъ мнѣ, если онъ не пообѣщаетъ поправить сдѣланную имъ несправедливость—я убью себя. Первая его несправедливость состояла въ томъ, что онъ противился моему плану вернуться во Францію и провести тамъ тяжелое время, меня ожидавшее. Онъ сказалъ мнѣ тогда: «Ты не имѣешь права оставить отца дитяти, которое носишь подъ своей грудью. Я тебя никогда не оставляю, союзъ связываетъ меня вѣчно

съ тобою; мы никогда не разлучимся и я женюсь на тебѣ, какъ скоро мнѣ возможно будетъ это сдѣлать. Съ твоей стороны слишкомъ жестоко желать оставить меня».

«Послѣ этого, я сочла долгомъ остаться. Я довѣряла ему, была убѣждена, что онъ исполнитъ долгъ относительно матери своего ребенка. Съ того время я убѣдилась, что ему хотѣлось только подольше оставить у себя женщину. Клянусь, что это правда. Впрочемъ онъ разъ писалъ мнѣ: «Я счастливъ, что могу написать тебѣ хоть нѣсколько словъ, чтобы утѣшить тебя въ твоемъ положеніи. Если, дѣйствительно, наступитъ несчастный случай — не бойся, моя горячолюбимая! Я буду у тебя, и если даже судьба не позволитъ намъ сочтаться бракомъ, любовь соединитъ насъ навсегда. Я буду знать, чего требуютъ честь и религія отъ человѣка, имѣющаго дитя — заботиться о счастья сына и матери... Я заранѣе обязываюсь обезпечить твое будущее, насколько позволяютъ мои средства. Въ этомъ я клянусь тебѣ. На счетъ этого я даю тебѣ мое честное слово, какъ джентльменъ и будущій офицеръ. Это письмо, которое останется въ твоихъ рукахъ, послужитъ документальнымъ доказательствомъ въ этомъ».

«Въ концѣ сентября, онъ вернулся къ своему отцу. Я осталась тогда въ неописанной нуждѣ, въ Даблингѣ (близъ Вѣны), гдѣ мы въ послѣдній разъ жили вмѣстѣ. Мнѣ пришлось продать все, что у меня было, даже мои шляпы. Когда я ему писала, чтобы онъ откровенно расказалъ все отцу, онъ мнѣ, въ отвѣтъ на это, писалъ «интересную новость» — «вѣрная лошадь наколола себѣ ногу!» Я хотя не перестала надѣяться, но, наконецъ, сознала ошибку. Я хотя знала, что онъ несовершеннолѣтень и несвободень, но для отца нѣтъ несовершеннолѣтія по достиженіи 23-хъ лѣтъ. Имѣй онъ сердце, ему слѣдовало бы сказать отцу: «Предъ нами женщина, которую я сдѣлалъ матерью и которой я все обѣщалъ, что только возможно обѣщать. Я удержалъ ее отъ возвращенія на родину; она теперь здѣсь, безъ помощи и всѣми покинута. Ты долженъ, ради моей чести, принять ее подъ свою защиту». Вмѣсто этого, онъ соединился со своимъ отцомъ противъ меня и противъ своего собственнаго ребенка! Я изумляюсь, что графъ Францъ (отецъ Гейнриха) можетъ быть такимъ жестокимъ относительно ребенка своего сына.

«Они всегда думали, что для меня важны ихъ деньги, въ виду того, что чувство любви одержало у меня верхъ надъ чувствомъ чести, и поэтому надѣялись легко посягнуть на мои права. Гейнрихъ

взялъ съ меня слово уѣхать въ Италію, чтобъ тамъ разрѣшиться отъ бремени. Возвратиться же я должна была тогда, когда все пройдетъ благополучно, чтобы избѣжать судебныхъ неприяностей. Въ благодарность за это, онъ клялся мнѣ признать ребенка своимъ. Предъ моимъ отѣздомъ, графъ Францъ распорядился, чтобы меня вызвалъ полицейскій въ Дѣблингѣ, который меня оскорбилъ, такъ что я вынуждена была обратиться къ адвокату. Потомъ оберкомиссаръ Ландштейнеръ, въ Вѣнѣ, опять «пригласилъ» меня: онъ былъ по формѣ выраженія хотя вѣжливѣе, но, по существу, еще болѣе грубъ. Онъ именно предложилъ мнѣ 4.000 гульденовъ, если я дамъ письменное заявленіе, что графъ Гейнрихъ Куденгове не есть отецъ моего ребенка. Я съ возмущеніемъ отклонила это предложеніе.

«Въ всемъ этомъ дѣлѣ ни отецъ, ни сынъ не хотѣли понять, что женщина можетъ пасть, не переставая при этомъ быть достойной. Предложенія о письменномъ заявленіи, что графъ Гейнрихъ не состоитъ отцомъ ребенка, были сдѣланы мнѣ и по рожденіи сына... Это оскорбленіе болѣе, чѣмъ невыносимо. Предложить мнѣ, по рожденіи сына, чтобъ я опозирала жизнь этого невиннаго созданія (я не говорю о своихъ собственныхъ чувствахъ, потому что я больше не считаю себя живой на землѣ) — это слишкомъ много. Его рожденіе хотя не легально, но и не позорно. Я не хочу говорить о той бѣдности, въ которую я попала бы, еслибъ осталась дальше жить; это вѣдь не имѣетъ значенія. Еслибъ я хотѣла просить помощи у людей, мнѣ нетрудно было ее найти. Я этого не дѣлаю: я стыжусь того, что предалась такому человѣку, который не былъ достоинъ меня, и что я больше не въ силахъ жить. Я считаю себя счастливой, что конецъ моей жизни и страданій приближается. Во мнѣ все вымерло, даже чувство самосохраненія.

«Алина, которую я взяла съ собою въ компаніонки, и которая предана мнѣ до безконечности, не хочетъ оставить меня и по смерти. Я все предпринимаю, чтобы отговорить ее отъ этого рѣшенія; но она любитъ меня больше всего на свѣтѣ и хочетъ умереть со мною. Мы желаемъ быть вмѣстѣ похороненными здѣсь, въ Вѣнѣ, и просимъ чтобы тѣла наши не перевозили во Францію. Это наше послѣднее желаніе. 10 го іюня 1882 года. Марія Дамэнь-Дальмонъ».

Письмо это было запечатано въ конвертѣ, на которомъ находилась черная печать и были написаны слова «Прочестъ послѣ смерти». Въ другомъ конвертѣ лежало короткое письмо г-жи Ренивиль, заявившей, что она освобождаетъ свою подругу отъ всякой отвѣт-

ственности въ ея, Реннвилль, смерти, на которую она рѣшается «ивъ одной только любви и преданности къ подругѣ, съ которой она желаетъ жить и умереть вмѣстѣ».

12 го іюня, обѣ онѣ поѣхали изъ Вѣны въ Линцъ, гдѣ остановились въ гостинницѣ и записались подъ именами «Маріи и Анны Цендеръ». Два дня онѣ проживали въ Линцѣ, предпринимали часто загородныя прогулки, а 13 го іюня, вечеромъ, наняли извозчика, котораго отпустили по пріѣздѣ въ замокъ Куденгове, въ Отенсгеймѣ, близъ Линца. Ночью, черезъ заборъ, прокрались онѣ въ паркъ, окружающій замокъ, а на слѣдующій день, утромъ, прислуга нашла ихъ трупы. Онѣ лежали недалеко другъ отъ друга, были ранены въ грудь и возлѣ каждой находился револьверъ. Лежали они въ такомъ «порядочномъ» видѣ, что прислуга сначала приняла ихъ за спящихъ. Подъ Маріей Дамэнъ былъ разостланъ пледъ. Мѣстомъ самоубійства онѣ выбрали самую красивую часть парка, находящуюся какъ-разъ противъ покоевъ графа Гейнриха Куденгове и наполненную розами и цвѣтами. Въ карманахъ ихъ нашли письма о причинахъ самоубійства. Графъ Гейнрихъ находился въ эту ночь въ своемъ замкѣ.

Въ завѣщаніи, оставленномъ Маріей Дамэнъ, говорится слѣдующее:

«Это мое послѣднее желаніе. Я ничего болѣе не оставляю на свѣтѣ, какъ моего любимаго ребенка, и покидая этотъ міръ, мнѣ остается позаботиться объ этомъ ребенкѣ. Прошу доктора Берггруена (ея адвокатъ) сдѣлаться, по моей смерти, опекуномъ моего сына и принять законныя мѣры, чтобъ ребенокъ, которому я, вѣдь, ничего не оставила, не былъ брошенъ на произволъ судьбы. Я сама не могла при жизни ставить какихъ-нибудь требованій, въ виду того, что въ этомъ видѣли бы личный интересъ. Но теперь я могу сказать графу Генриху Куденгове: «Будь благороденъ и не забудь, что ребенокъ—сирота!» Я желаю, чтобъ деньги, которыя судъ признаетъ, были распределены слѣдующимъ образомъ. Воспитатель сына, во Франціи, котораго г. Силасъ (другъ умершей) знаетъ, будетъ получать ежемѣсячно или каждую четверть года сумму, опредѣленную судомъ. Если эта сумма превыситъ 70 франковъ въ мѣсяцъ, то остатокъ сохраняется для сына. Я желаю, чтобъ сынъ мой оставался до пяти-шестилѣтняго возраста въ моей любимой отчизнѣ. Потомъ прошу г. Силасъ взять его въ Вѣну и воспитывать подъ своимъ надзоромъ. Мнѣ желательно, чтобъ онъ научился одинаково хорошо французскому, англійскому, немѣцкому и даже итальянскому язы-

камъ. Музыку сынъ мой пусть изучаетъ только тогда, когда у него окажется талантъ. Прошу и умоляю не дѣлать ему послѣ никакихъ стѣсненій при выборѣ имъ карьеры и представить ему въ этомъ отношеніи полную свободу. Я — вѣрующая католичка, но не хочу, чтобъ сынъ мой воспитывался у іезуитовъ. Я считала бы себя несчастной, еслибы сынъ мой, подобно большинству нынѣшней молодежи, ни во что не вѣрилъ. Въ тотъ тяжелый часъ, въ который я пишу эти строки, вѣра въ загробную жизнь составляетъ единственное мое утѣшеніе! При его воспитаніи слѣдуетъ придавать значеніе и разнымъ физическимъ упражненіямъ — верховой ѣздѣ, фехтованію и т. д. Если у него не будетъ особой склонности къ военной службѣ, пусть служитъ только законный срокъ. Что касается національности моего сына, то хотя Франція и составляетъ отечество моего сердца, но сынъ мой можетъ принять національность своего отца, если его склонности и убѣжденія будутъ таковыми. Прошу графа Гейнриха исполнить это мое послѣднее желаніе. Если онъ, всей своей будущей жизнью и обращеніемъ съ сыномъ нашимъ, покажетъ, что имъ дѣлается все въ пользу ребенка, *тогда я ему прощаю искренно и сердечно.*

«Пусть сынъ мой не знаетъ, что я совершила самоубійство; пусть скажутъ ему, что я пожертвовала своей жизнью ради его, въ тотъ моментъ, когда его родила. Если же онъ, какииъ-нибудь образомъ узнаетъ о родѣ моей смерти, пусть увѣрятъ его, что какая-нибудь болѣзнь заставила меня сдѣлать такой отчаянный шагъ, такъ какъ жаль будетъ, если *ребенокъ вынужденъ будетъ презирать своего собственнаго отца.* Полагаю, что мною все сдѣлано для обезпеченія будущности ребенка и увѣрена, что *я принесу ему больше пользы своей смертью, нежели дальнѣйшей своей жизнью.* Меня также утѣшаетъ, что потеря матери для мальчика менѣе чувствительна, чѣмъ для дѣвочки. Еслибъ я была замужемъ, сынъ, дарованный мнѣ Богомъ, составлялъ бы мое счастье и гордость; но дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу при мысли, что то созданіе, которое я любила съ того дня, какъ я почувствовала его жизнь, имѣло бы право презирать меня. Еслибъ я осталась дольше жить, кто знаетъ, не была ли бы я, наконецъ, побѣждена? Теперь онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ упрекать меня только въ его рожденіи, и я прошу у него за это прошенія...

Смерть Маріи Дамонъ, какъ мы сказали выше, не требуетъ комментаріевъ; мы ихъ не дѣлаемъ, предоставивъ читателю на всѣ вопросы найти отвѣтъ въ подроб-

номъ, мотивированномъ мнѣніи, изложенномъ въ ея предсмертныхъ письмахъ и ея завѣщаніи. По поводу ея самоубійства мы лишь приведемъ мнѣніе глубоко опытнаго наблюдателя, касательно значенія нравственныхъ причинъ для самоубійства. Жизнь, говоритъ Сенаторъ Кони, часто создаетъ человѣку такую обстановку, изъ которой, при извѣстномъ нравственномъ и душевномъ развитіи даннаго лица, самоубійство является своего рода логическимъ выходомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ безумнымъ бредомъ и идеями преслѣдованія ¹⁾).

Въ заключеніе нашего очерка остановимся на вопросѣ общаго характера. Анализъ душевныхъ состояній самоубійца въ Россіи рисуется намъ туже картину, какую мы находимъ и у другихъ народовъ и приводитъ насъ къ убѣжденію, что мы имѣемъ дѣло съ одними и тѣми же фактами. Этотъ анализъ показываетъ, что причины самоубійства у насъ тѣ же что и у другихъ народовъ и входятъ въ область вѣдѣнія частью врачебныхъ наукъ, частью же наукъ общественныхъ. Средства противъ самоубійства даются отчасти медициной, отчасти ихъ нужно искать за предѣлами медицины. Это обстоятельство налагаетъ на врачей—психіатровъ долгъ ознакомленія съ воззрѣніями юристовъ и философовъ на самоубійство, а съ другой стороны обязываетъ послѣднихъ изучить все то существенное, что открыла медицина въ вопросахъ о самоубійствѣ. Скажемъ больше: явленія самоубійства налагаютъ на представителей разныхъ специальностей нравственный долгъ—трудиться на общемъ полѣ разработки предохранительныхъ мѣръ противу зла, которое въ наши дни стало болѣзью вѣка.

¹⁾ Протоколь засѣд. общ. Психіатровъ въ Спб. 14 ноябр. 1892 г.

УІІ.

О двадцати пяти заживо погребенныхъ въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя) въ 1896—1897 г.¹⁾

ГЛАВА І.

Поднѣстровье.

Въ сравненіи съ суровой сѣверной и даже съ средней Россіей, южныя части ея представляютъ настоящій благодатный край по мягкости климата, красотѣ природы и естественнымъ богатствамъ, которыми земля вознаграждаетъ трудъ человѣка. Для жителя сѣвера этотъ уголокъ—земной рай, полный радости и довольства. Эти черты въ особенности свойственны Поднѣстровью. Великой красотой отличается долина рѣки съ ея густой яркой зеленью, живописными берегами и могучей растительностью, которая своей сплошной зеленой пеленой обозначаетъ старое широкое русло рѣки. Богатые сады и виноградники покрыли всю долину и служатъ неизсякаемымъ источникомъ богатства и довольства... И здѣсь, въ этомъ благодатномъ уголкѣ свила гнѣздо мрачная че-

¹⁾ Изъ журнала «Вопросы Нервно-Психической Медицины», т. II 1897 г.

ловѣкоубійственная секта. Своимъ дыханіемъ она отравила жизнерадостное населеніе долины и привела къ страшнымъ событіямъ, которыя—если-бы они даже были кровавыми—и тогда были бы менѣе ужасны. Благодаря дѣятельности секты здѣсь—въ благодатной долинь—нашли себѣ вольную или невольную смерть два съ половиною десятка людей, изъ коихъ ббольшая часть были женщины и дѣти всѣхъ возрастовъ, не исключая грудныхъ младенцевъ. Въ довершеніе всѣхъ ужасовъ смерть была медленной и одной изъ самыхъ мучительныхъ.

Желая поближе ознакомиться съ событіями этой смерти и опредѣлить психологическую природу явленій, лежавшихъ въ основаніи ея, авторъ настоящихъ строкъ взялъ на себя задачу отправиться на мѣсто и ознакомиться съ внѣшней обстановкой, съ населеніемъ, среди котораго произошли убійственныя событія, и съ оставшимся въ живыхъ непосредственнымъ участникомъ событій, Ѳедоромъ Михайловымъ Ковалевымъ. Оказалось, что психологическая подкладка событій болѣе глубока, чѣмъ то представлялось съ перваго взгляда, и полна не только психологическаго, но и психіатрическаго интереса. Въ виду этого мы и рѣшаемся подѣлиться личными впечатлѣніями и мыслями съ читателями.

Внѣшняя сторона Терновскихъ событій настолько извѣстна изъ газетъ, что мы ограничимся лишь краткимъ перечнемъ главнѣйшихъ фактовъ.

Днѣстръ своимъ быстрымъ извилистымъ русломъ образуетъ массу острововъ и заливовъ (лиманомъ). Вся широкая долина рѣки изрѣзана ея рукавами и богата часто заливаемыми водой низинами съ тучнымъ черноземомъ. Эти низины съ небольшими на нихъ возвышеніями носятъ мѣстное названіе плавней. Плавни покрыты необыкновенно плодородной почвой и богаты фруктовыми

садами и огородами; части же долины, прилегающія къ берегу, изобилуютъ виноградниками. Село Терновка находится въ четырехъ или пяти верстахъ отъ Тирасполя и расположено въ плавняхъ. Въ непосредственномъ со-сѣдствѣ съ Терновкой расположены многочисленные хутора и между ними—хутора, принадлежащіе семейству Ковалевыхъ и ихъ родственникамъ. Усадьба Ковалевыхъ представляетъ значительную земельную собственность, оцѣненную тысячъ въ двадцать рублей.

ГЛАВА II.

Раскольническій скитъ.

Старообрядческое семейство Ковалевыхъ принадлежитъ къ давнимъ обитателямъ Терновскихъ хуторовъ, и родоначальникъ нынѣшняго поколѣнія Ковалевыхъ уже въ началѣ настоящаго столѣтія владѣлъ усадьбой, получившей нынѣ столь печальную извѣстность. Этотъ родоначальникъ давалъ у себя пріютъ прохожимъ и въ особенности переходимъ раскольникамъ и завѣщалъ такой же долгъ своимъ потомкамъ. Недавняя владѣлица хуторовъ, старуха Ковалева (зарывшаяся въ землю въ послѣдней партіи вмѣстѣ съ Виталией), строго исполняла завѣты предка, который былъ отцемъ ея мужа, и въ усадьбѣ ея находили пріютъ не только переходящіе сектанты ея вѣры, но существовало даже цѣлое учрежденіе—*скитъ*, въ которомъ имѣли постоянное пребываніе представители секты обоего пола, ведущіе безбрачную жизнь и составлявшіе нѣчто въ родѣ старообрядческаго монастыря.

Скитъ представляетъ собою небольшое, низкое зданіе, съ фасада напоминающее собою экипажный сарай, съ широкими фальшивыми входными воротами, которыми отдѣланъ фасадъ, и небольшими оконцами въ родѣ слуховыхъ отверстій въ нежилыхъ зданіяхъ. На самомъ дѣлѣ никакого вѣзда въ сарай не существуетъ: это—лишь отдѣлка, скрывающая дѣйствительное расположеніе и назначеніе зданія. Настоящій фасадъ и входъ въ зданіе—съ противоположной стороны. Но этотъ истинный входъ и истинный фасадъ просто, но искусно и умѣло замаскированъ широкимъ валомъ изъ соломы и тростника, представляющимъ собою какъ-бы складъ этихъ матеріаловъ. Однакоже на самомъ дѣлѣ описываемый валъ представляетъ собою постоянную постройку, которая своей верхней частью сливается съ крышей близъ лежащаго зданія и предназначена для замаскированія его. Между валомъ и зданіемъ скита идетъ во всю его длину узенькій корридоръ. Съ корридора ведутъ нѣсколько входныхъ дверей въ различныя части зданія. Зданіе это и есть раскольническій скитъ, въ которомъ имѣли временное и постоянное жительство переходящее и постоянные жильцы Терновской раскольничьей общины. Самый входъ въ описанный выше корридорчикъ такъ искусно расположенъ и замаскированъ, что его трудно замѣтить. Все описанное устройство явнымъ образомъ рассчитано на то, чтобы скрыть какъ назначеніе зданія, такъ въ особенности входы и выходы изъ него. Въ самой существенной части зданія, рядомъ съ главной молельней, расположенъ поперечный корридорчикъ, который ведетъ въ противоположныя части усадьбы и представляетъ полную возможность скрыться жильцамъ скита тѣмъ или другимъ путемъ, въ зависимости отъ условій обыска. Всѣ подробности устройства *скита* продиктованы страхомъ, осторожностью

и подозрѣніями. Зданіе невзрачно, низко; его крошечныя окошки маскированы задвижными ставнями, раздѣланными подъ цвѣтъ фасада и т. д. Въ большей части комнатъ находятся потайные ходы и спряты. Все показываетъ, что здѣшній обитатель пребывалъ въ постоянной тревогѣ и всякую минуту былъ готовъ и могъ бѣжать. вмѣстѣ съ тѣмъ внутренность зданія отличается мрачнымъ характеромъ и крайне непривѣтлива; все показываетъ, что люди жили здѣсь не только въ страхѣ, но и въ какой-то *человѣкобоязни* и *мрачности*. Ниже мы займемся разборомъ вопроса—насколько подобное настроеніе *вытекало* или *невытекало* изъ дѣйствительной жизни, въ настоящее же время будемъ продолжать описательное изложеніе фактовъ.

Жильцы скита вели себя такъ, какъ люди скрывающіеся и живущіе въ постоянномъ страхѣ: они рѣдко выходили изъ зданія, развѣ по ночамъ, днемъ же, напр., для необходимыхъ работъ, они выходили по одному и не болѣе, какъ по два, и то до извѣстной степени, маскируя себя костюмами легальныхъ жильцовъ Ковалевской усадьбы.

Обыкновеннымъ времяпрепровожденіемъ *скитниковъ* были молитва, чтеніе, бесѣда, при постоянномъ общеніи съ нѣкоторыми изъ членовъ семейства Ковалевыхъ, которые, такъ сказать, прониклись духомъ религіознаго настроенія скита. Эти послѣдніе совершали значительную часть работъ, напр., относящихся къ домашнему обиходу, облегчая или, лучше сказать, замѣняя работу обитателей скита.

Что касается внутренней жизни скита, то въ нѣкоторомъ отношеніи она осталась для насъ невыясненной въ виду того, что главнѣйшіе участники этой жизни, напр., дѣвица, сестра Ковалева, Домна Оомина съ

дочерью, Суховы и др., погибли насильственной смертью. Однакоже нѣкоторые факты намъ удалось узнать отъ самого Ѳедора Ковалева. Но въ особенности, хотя немногія, но высокой цѣнности данныя получены нами изъ бесѣдъ со слѣпымъ старикомъ Я. Я. (76 лѣтъ), который жилъ въ скиту и былъ непосредственнымъ участникомъ большей части событій послѣдняго времени. Изъ этихъ двухъ свидѣтелей Ѳедоръ Ковалевъ не понималъ значенія многихъ событій, въ особенности не понималъ ихъ мотивовъ, и потому его фактическіе рассказы, подъ часъ дѣтски-наивные, отличаются совершенной и безпристрастной объективностью. Старикъ Я. Я., наоборотъ, очень тонокъ, проницателенъ, опытенъ, отличается идеально покойной душой. Онъ во многихъ случаяхъ умѣлъ вникнуть и оцѣнить значеніе наступавшихъ событій и, не отдаваясь вполнѣ общему увлеченію, относился къ событіямъ тонко критически. Благодаря его показаніямъ возможно установить истинное значеніе и психологическую зависимость совершившихся фактовъ и до извѣстной степени объяснить то, что остается загадочнымъ и противорѣчивымъ.

ГЛАВА III.

Скитъ и мѣстное населеніе.

До осени 1896 года въ Ковалевскихъ хуторахъ существовали двѣ совершенно чуждыя другъ другу жизни—жизнь *скита* и трудовая жизнь *хозяевъ усадьбы* и ихъ родственниковъ. Эти жизни были близки только по мѣсту, но въ другихъ отношеніяхъ близости не было, за

исключеніемъ того обстоятельства, что отдѣльные члены семейства Ковалевыхъ сближались со скитомъ и являлись его поклонниками и паломниками. Но главнымъ образомъ скитъ въ усадьбѣ Ковалевыхъ являлся всероссійскимъ религіозно-благотворительнымъ учрежденіемъ, согласно устному завѣщанію основателя Ковалевской усадьбы и семьи. Представительницей хутора и его жизни является старуха Ковалева, мать Ѳедора Ковалева; представительницей скита является Виталія.

Всѣ отзывы, какіе намъ удалось собрать, рисуютъ старуху Ковалеву женщиной въ высшей степени мягкой, доброй и человѣколюбивой. Хотя она торговала мукой, но торговля вовсе не была главнымъ дѣломъ ея жизни; она жила богатыми доходами отъ фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ. Она отличалась благотворительностью и помогала въ широкихъ размѣрахъ не только своимъ единовѣрцамъ, но также—православнымъ и даже евреямъ. Согласно всѣмъ отзывамъ, это была ни дѣловая, ни практическая женщина, это была просто мягкая и добрая душа. Ея участіе въ фанатическихъ смертоубійствахъ и ея вольная смерть вмѣстѣ съ Виталіей вызвали у всѣхъ единодушное чувство недоумѣнія и сожалѣнія.

Совершенно иными чертами отличается Виталія. Уроженка Херсонской губерніи, дѣвица около 35 или 40 лѣтъ, она отличалась энергіей и большой рѣшительностью. Виталія появляется впервые въ Терновскихъ хуторахъ лѣтъ 12 тому назадъ. Первоначально она наѣзжала, по временамъ, въ Терновскій скитъ, а въ послѣдніе три года основалась въ немъ окончательно и приняла въ свои руки завѣдываніе дѣлами и всей внутренней жизнью скита. До того времени скитъ представлялъ собой скорѣй мужской раскольничій монастырь, но съ водвореніемъ въ немъ Виталіи, преобладающая роль переходитъ къ женщинамъ,

и въ періодъ послѣднихъ событій это уже было монастырское общежитіе съ женской іерархіей и администраціей во главѣ. Хотя въ отдѣльныхъ кельяхъ скита жили и мужчины, немногіе старички, но они занимали второстепенное положеніе и не принимали никакого участія въ управленіи дѣлами, подчиняясь всецѣло главенству Виталіи. Виталія распоряжалась всѣмъ въ дѣлахъ административнаго характера, а также и въ чисто религіозныхъ дѣлахъ. Она распредѣляла комнаты между жильцами скита, назначала имъ порціи, опредѣляла времяпрепровожденіе, начальствовала надъ всѣми, но также отправляла богослуженіе, проповѣдывала, поучала, добывала тайны для причастія и сама пріобщала скитниковъ — кого часто, кого черезъ каждые сорокъ дней, кого рѣже.

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ административнаго характера Виталія совѣщалась со старухой Ковалевой, но эти совѣщанія, какъ можно судить по даннымъ, сообщеннымъ Ѳедоромъ Ковалевымъ, носили скорѣе характеръ акта вѣжливости или предлагались къ свѣдѣнію, но въ сущности были полновластными дѣйствіями Виталіи. Уступая Ковалевой какъ-бы первую роль, называя ее *тетинькой*, Виталія распоряжалась рѣшительно всѣмъ, и ни одно серьезное дѣло въ хуторахъ не предпринималось безъ ея воли. Ея воля, ея авторитетъ требовался повсюду. Нѣкоторые члены Ковалевской усадьбы подпали безусловно подъ ея вліяніе, какъ на примѣръ, мать Сухова, Домна Фомина, ея взрослая дочь и дѣвица, сестра Ковалева.

Какъ ни казалась значительной и всеобъемлющей дѣятельность и личность Виталіи, но рядомъ съ ней стоитъ другая личность, которой, по всей вѣроятности, принадлежитъ первостепенная роль во всѣхъ замыслахъ и въ психологической подготовкѣ всѣхъ роковыхъ событій въ Терновскихъ хуторахъ. Это была Поля Младшая. Поля

Младшая и Поля Старшая, повидимому были родныя сестры, по фамиліи Скачковы. Старшая Поля никакой роли въ дѣлахъ скита не играла, но Младшая имѣла огромное вліяніе на Виталію. Послѣдняя не дѣлала и, повидимому, не могла сдѣлать ничего безъ совѣщанія съ Полей. Объ этомъ живо и картинно рассказывалъ Ѳедоръ Ковалевъ. По его словамъ, Виталія хорошо постилась, молилась, громко и внятно читала по церковному, но гражданское письмо и газеты читала и понимала плохо. Поля же отлично и бѣгло все читала и толковала. Виталія не могла обходиться безъ Поли и рѣшительно во всемъ совѣщалась съ нею. По словамъ Ковалева Виталія и Поля *«все дѣлали вдвоемъ»*. Посовѣтывавшись съ Полей, запасшись отъ нея свѣдѣніями и объясненіями, Виталія становилась смѣлой и дѣятельной.

Старикъ Я. Я. рисуеъ Полю и Виталію такими же чертами, какъ и Ковалевъ. онъ въ особенности хвалить Виталію за умѣніе горячо молиться и увлекать другихъ своею молитвой.

За исключеніемъ поименованныхъ лицъ (Виталіи, Поли Младшей, старухи Ковалевой и Ѳедора Ковалева), остальныхъ лицъ—участниковъ Терновской драмы мы не станемъ характеризовать, такъ какъ ихъ черты и доля ихъ участія въ общемъ дѣлѣ выяснятся изъ описанія самыхъ событій, о которыхъ мы расскажемъ на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя нами получены изъ сообщеній и разъясненій Ѳедора Ковалева и старика Я. Я., отчасти по другимъ даннымъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше.

ГЛАВА IV.

Идейное броженіе.

Мирная, безмятежная жизнь обитателей Терновскихъ хуторовъ впервые была нарушена броженіемъ, начавшимся въ средѣ скита. Это случилось осенью 1896 года. Ковалевъ съ опредѣленностью указываетъ именно этотъ срокъ. То же подтверждается и показаніями старика Я. Я-го. Виталія и Поля стали постоянно говорить о имѣющихъ якобы наступить преслѣдованіяхъ старообрядцевъ. Говорилось, что старообрядцевъ всѣхъ толковъ и сектъ стануть ссылатъ въ ссылку, или будутъ заключать въ остроги и тюрьмы. Въ это время (начало осени) еще не было рѣчи о пришествіи антихриста, объ антихристовой печати и проч., а говорилось только объ ожидаемыхъ общихъ репрессивныхъ мѣрахъ противъ раскола. Проповѣди и предсказанія Виталіи на этотъ счетъ производили значительное дѣйствіе и вызывали волненіе и безпокойство, которое она никогда не старалась успокоить, а напротивъ—старалась усилить и раздуть. Никогда изъ ея устъ не раздавались слова надежды и примиренія. Напротивъ, она постоянно поддерживала возбужденіе и запугивала, часто говорила, что наступятъ еще худшія времена и что нужно всего ждать. Постоянныя чувства, свойственныя обитателямъ скита: *раздраженіе, подозрительность, неосновательные страхи* сказывались у Виталіи въ большей степени, чѣмъ прежде. Ея тревожныя рѣчи дѣйствовали на окружающихъ, въ особенности на молодыхъ женщинъ и на подростковъ, но также и на старуху Ковалеву. Последняя часто плакала и говорила дѣтямъ: «я умру, какъ вы останетесь безъ меня».

Какъ можно заключить изъ наивныхъ рассказовъ Федора Ковалева, начало осени 1896 года (сентябрь, ок-

тябрь) прошло въ безпокойствѣ и тревожныхъ думахъ: всѣ ждали то ссылки въ отдаленныя мѣста, то заключенія въ тюрьму. Ожиданія эти были настолько серьезны, что вызвали пріостановку обычнаго хода дѣлъ и привели къ нелѣпымъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ. Такъ, нѣкоторые запаслись теплымъ платьемъ (шубами, валенками и проч.), въ ожиданіи близкой якобы ссылки на далекой сѣверъ. Самъ Ковалевъ рассказываетъ о себѣ, что онъ и другіе стали продавать вещи почти за безцѣнокъ, что самъ онъ дѣлалъ неосновательные расходы, «сорилъ деньгами», находясь подъ вліяніемъ чувства неизвѣстности и отчаянія. Вечера и ночи проходили въ безпокойныхъ думахъ и разговорахъ, въ которыхъ принимали участіе женщины, подростки и дѣти; вслѣдствіе чего безпокойство и волненіе нарастали, а рѣшенія замѣнялись фантастическими предположеніями. Въ этихъ разговорахъ и волненіяхъ созрѣли два рѣшенія: предполагалось въ случаѣ ссылки заготовить въ достаточномъ количествѣ теплымъ платьемъ, въ случаѣ же заключенія въ тюрьму рѣшили, согласно совѣту Виталия, *запоститься*, т. е., умерить себя голодной смертью. На этомъ остановилась большая часть. Немногіе изъ мужчинъ давали совѣтъ—«*дождаться, что будетъ*», ничего не предпринимая. Этотъ благоразумный исходъ къ сожалѣнію не имѣлъ мѣста, главнымъ образомъ потому, что психологическій центръ всего дѣла перешелъ къ затворницамъ и вообще къ женщинамъ и въ силу этого получилъ оттѣнокъ страстнаго, горячаго, отвлеченнаго дѣла, которое не справлялось съ внѣшней жизнью и дѣйствительностью.

Не лишень глубокаго психологическаго интереса фактъ полного безсилія спокойной, трезвой, практической мысли передъ этимъ порывомъ безпокойныхъ чувствъ. Это безсиліе отражается съ особенной ясностью въ дѣтски-

наивной душѣ Ѳедора Ковалева. Онъ рассказываетъ о себѣ, что однажды, осенью, во время случайной встрѣчи въ дорогѣ съ однимъ полуинтеллигентнымъ человѣкомъ, онъ предложилъ ему вопросъ, правда-ли, что говорятъ, будто полагается наказаніе и ссылка за уклоненіе отъ внесенія имени въ списки народной переписи и, получивши отрицательный отвѣтъ, совершенно успокоился и возвратился домой, вооруженный новыми рѣшеніями. И однако-жъ эти рѣшенія остались безплодными. Въ настоящее время Ковалевъ удивляется тогдашнему своему непониманію и безсилію и въ объясненіе рисуетъ слѣдующую психологическую картину. «Пріѣзжаю домой—приблизительно такими словами передавалъ намъ свое состояніе Ковалевъ—мать плачетъ, сестра плачетъ, Домна плачетъ, всѣ объ одномъ говорятъ, а больше всѣхъ Виталія говоритъ, что конецъ пришелъ, что *это* безпремѣнно будетъ. А Виталія,—такъ закончилъ Ковалевъ свой наивный рассказъ,—постница, подвижница, одно постное ѣла, а скоромнымъ только разъ въ годъ разговлялась на Пасху, я ей и повѣрилъ, а тому (случайному собесѣднику) не повѣрилъ и вѣрить пересталъ. Главное, что некому было растолковать» — закончилъ Ковалевъ свое объясненіе. Такимъ образомъ существенной причиной безсилія трезвой мысли были нескончаемыя волненія, въ кторыхъ жило небольшое общество Терновскихъ сектантовъ, сгруппировавшихся вокругъ скита Виталіи.

Съ Рождественскаго поста (съ Филипповки) безпокойное настроеніе Терновскихъ скитниковъ и хуторянъ значительно усилилось, проводились нерѣдко то въ той, то въ другой семьѣ безсонныя ночи въ бесполезныхъ причитаніяхъ и самоустрашеніяхъ, и посылавшіеся къ Виталіи за разъясненіями: женщины, подростки и дѣти, иногда самъ Ѳедоръ Ковалевъ и другіе, возвращались отъ

нея съ увѣреніями о скоромъ пришествіи антихриста, обѣимѣющихся наступить войнахъ и о томъ, что признакомъ всѣхъ грядущихъ бѣдъ является совершившееся будто-бы недавно снятіе кровли съ Іерусалимскаго храма. Въстѣ съ тѣмъ говорилось, что народная перепись—это печать антихриста и внесеніе человѣка въ переписи.—равносильно наложенію этой печати и вѣчной гибели человѣка. Тогда уже Виталія давала совѣтъ «запоститься», не дожидаясь, что будетъ дальше.

Желая точнѣе ознакомиться съ психическимъ состояніемъ и въ особенности съ настроеніемъ духа Терновскихъ сектантовъ предъ роковыми событіями, мы старались собрать данныя въ этомъ направленіи. Изъ разказовъ женщинъ, оставшихся въ живыхъ (Настасья Павловой), въ особенности изъ разказовъ старика Я. Я. и Ѳедора Ковалева можно заключить, что уже въ ноябрѣ и въ особенности въ декабрѣ большинство обитателей находилось въ состояніи почти непрерывнаго страха и тяжелыхъ мрачныхъ ожиданій. Это мрачное состояніе не освѣщалось никакимъ лучемъ надежды. Смерть, гибель казались неминуемыми. Такое гуртовое настроеніе, овладѣвшее всѣми, дѣлало жизнь тяжелой и предрасполагало къ самоубійству.

Наиболѣе гибельнымъ оказывалось вліяніе Виталіи на полу взрослыхъ дѣтей, въ особенности на тринадцатилѣтнюю дочь Ѳомина Прасковью. Эта дѣвочка-подростокъ была одной изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Виталіи, почти постоянно у нея бывала, служила посредницей между Виталіей и хуторянами и въ этомъ смыслѣ играла болѣе существенную роль, чѣмъ большая часть взрослыхъ. Вліяніе этой дѣвочки отражалось и на Анюшѣ Ковалевой. И вотъ, однажды, раньше чѣмъ кто-нибудь другой, дѣвочка Ѳомина произнесла слова: «тамъ (т. е. въ острогѣ)

будутъ рѣзать, мучить, лучше въ яму закопаться». Въ отвѣтъ на это ея мать Домна патетически сказала: «хорошо ты, Пашенька, вздумала, и я съ тобой». Несомнѣнно, что Паша сказала эти роковыя слова съ чужого голоса. Матѣмъ о закапываніи стала говорить Анюша, противъ чего Ѳедоръ Ковалевъ первоначально сильно возражалъ и говорилъ женѣ, что не позволить этого. Наконецъ, около этого времени, уже и сама старуха Ковалева находилась подъ неотразимымъ вліяніемъ Виталіи. Это видно изъ того, что когда Ковалевъ, какъ самъ о томъ рассказывалъ, первоначально возражалъ своей женѣ, протестуя противъ закапыванія, и даже пожаловался на жену самой Виталіи, а матери рѣшительно сказалъ: «лучше острогъ, чѣмъ яма», то его мать послѣ совѣщаній съ Виталіей сказала ему: «надо идти въ яму, иди сыночекъ: въ тюрьмѣ тебя станутъ рѣзать, мучить, и ты откажешься отъ вѣры»...

Таковы были первоначальные, такъ сказать, предварительные разговоры!

ГЛАВА V.

Слухи о народной переписи.

Народная перепись явилась тѣмъ внѣшнимъ событіемъ, тѣмъ подходящимъ предлогомъ, къ которому стало приурочиваться существовавшее уже раньше душевное волненіе. Въ это время выступили на сцену и ярко сказались *историческія переживанія*. Въ Герновскихъ событіяхъ нашего времени мы видимъ много общаго съ *самосожаніями, самоутопленіями и самоистребленіями*, которыя съ особенной силой проявились въ концѣ XVII и въ XVIII

вѣка въ нашемъ отечествѣ, которыя нескоро исчезли вполнѣ и даже проявились въ 1862 году. Терновскія событія составляютъ лишь одно изъ послѣднихъ звеньевъ въ этомъ своеобразномъ явленіи, свойственномъ русскому народу.

Когда въ декабрѣ прошлаго года счетчики народной переписи постучались въ дверь *Терновскаго скита*, то высунувшаяся рука передала имъ записку, которая носитъ яркій архаическій характеръ и отличается всѣми признаками историческаго переживанія. *«Мы—христіане, говорилось въ запискѣ. Намъ нельзя никакова новаго дѣла принимать, и мы несогласны по новому записывать наше имя и отечество. Намъ Христось есть за всѣхъ и отечество и имя. А вашъ новый уставъ и метрика отчуждаютъ отъ Христа и отъ истинныхъ христіанскія вѣры и приводятъ въ самоотверженіе отечества, а наше отечество Христось. Намъ Господь являеть во святомъ Евангелии своемъ. Рече Господь своимъ ученикомъ: всякъ убо иже исповѣсть мя предъ чловѣки; исповѣмъ его и азъ предъ отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ, а иже отвержеться мене предъ чловѣки, отвержея его и азъ предъ отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ. Посему отвѣщаемъ мы вамъ вкратцѣ и окончательно, что мы отъ истиннаго Господа нашего Иисуса Христа отверженія не хотимъ и отъ православныхъ вѣры и отъ святыхъ соборныхъ и апостольскія церкви отступити не желаемъ и что святіи отцы святыми соборами приняли, то и мы принимаемъ, а что святіи отцы и святіи апостолы прокляли и отринули, то и мы проклинаемъ и отрываемъ. А вашимъ новымъ законамъ повиноватися никогда не можемъ, но желаемъ паче за Христа умерети».*

Почти такого же содержанія грамота ¹⁾ и точно также была подана въ оконце раскольниками, которые

¹⁾ Сапожниковъ. Самосожженіе въ русскомъ расколѣ. Моск. 1891, стр. 102.

сожглись въ 1736 году. То же читаемъ въ письмѣ, поданномъ сгорѣвшими раскольниками въ 1723 году, наконецъ, тѣ же чувства находимъ въ основаніи самоубійственныхъ рѣшеній въ Терновскихъ хуторахъ. Къ разбору этого психическаго состоянія мы еще возвратимся впоследствии (см. ниже глава XV-я).

ГЛАВА VI.

Предъ самоистребленіемъ.

Наибольшій психологическій интересъ представляютъ время и событія, непосредственно предшествовавшія роковымъ рѣшеніемъ Терновскихъ сектантовъ. По рассказамъ Ковалева, Виталія и Поля Младшая давали совѣтъ «запостытсѣя». Мысль же о закапываніи въ яму возникла, по его словамъ, впервые у его жены Анны, которую называли Анюшей. Дѣло происходило такимъ образомъ. Всего за нѣсколько дней до рокового дня — 23-го декабря; во время безпокойной ночи, проведенной въ избѣ Оомина, обсуждался вопросъ о возможной судьбѣ дѣтей въ случаѣ ожидавшагося заключенія взрослыхъ въ острогъ. Такъ какъ предполагалось «запостытсѣя въ острогъ», то нѣкоторые выразили мысль, что, по смерти взрослыхъ, дѣти будутъ крещены по православному. При этой вѣсти Анюша, державшая на рукахъ ребенка, крѣпко прижала его и произнесла слова: «не отдамъ ребенка на пошбель; лучше пойду съ нимъ въ мошлу». Объ этихъ словахъ было немедленно доведено до свѣдѣнія Виталіи дѣвочкой Ооминой (дочерью Назара Оомина), а впоследствии самимъ Ковалевымъ. Ковалевъ рассказываетъ, что Виталія, услышавши про слова Анюши, вопреки его ожиданію, не толь-

ко не выразила его женѣ порицанія, но сказала: «это она хорошо придумала, это пророчество. Добро, что она это нагадала, ей первой будетъ спасеніе». И тутъ же Виталія строго сказала Ковалеву, что, если онъ не согласится на Аннушкино рѣшеніе, то на него упадетъ грѣхъ за *три души* (Ковалевъ понималъ: за душу жены и двухъ дѣтей). Эти слова сильно подѣйствовали на Ѳедора Ковалева, но еще болѣе подѣйствовали подобныя же слова матери, съ которой, какъ видно, Виталія немедленно переговорила. Послѣ этого, колебанія Ѳедора исчезли, и онъ присталъ къ рѣшенію жены. Съ этого времени мысль о могилѣ или, какъ выражается Ковалевъ, «о ямѣ» овладѣла всѣми. «Въ яму»,—было всеобщимъ рѣшеніемъ, въ особенности въ средѣ женщинъ. Съ этимъ временемъ, по словамъ Ковалева, совпадаетъ необыкновенно напряженная и спѣшная дѣятельность Виталіи. Она всѣхъ торопила, говоря: «*скорный, скорный*», и стала принимать во всемъ не только распорядительное, но и исполнительное участіе, приготовляла погребальныя принадлежности, приглашала къ себѣ дѣтей и женщинъ. Такъ-ли на самомъ дѣлѣ происходили событія, или они въ такомъ видѣ отразились въ умѣ Ковалева? Мы думаемъ, что Ковалеву, человѣку простому и недалекому, болѣе была видна внѣшняя сторона событій, въ особенности картина волненій, которымъ и самъ онъ поддавался. Но изъ рассказовъ старика Я. Я. рисуется внутренняя сторона событій и выясняется, что событія далеко не были неожиданными, что исходнымъ пунктомъ всѣхъ рѣшеній были обитательницы скита, въ особенности Поля Младшая и Виталія. Онѣ подготовляли событія и по всей вѣроятности *подсказывали и самыя рѣшенія* чрезъ посредство женщинъ и дѣтей—подростковъ; одно изъ этихъ рѣшеній въ минуту возбужденія было высказано Анюшей среди большого общества. Въ такомъ

именно смыслъ рисуется дѣло по тѣмъ даннымъ, которыя намъ удалось получить изъ бесѣды со старикомъ Я. Я.

На основаніи этихъ данныхъ, необходимо прійти къ заключенію, что мысль о закапываніи заживо созрѣла въ скитѣ уже въ ноябрѣ, т. е., задолго до произнесенія Анюшей ея патетическихъ словъ, и однакожъ, по переходѣ въ избы Терновскихъ обитателей, эта мысль вызвала на первое время немалое смущеніе и возраженія. Одни требовали пассивнаго отношенія къ ожидавшимся событіямъ: *«будемъ ждать, что будетъ»*,—этого вначалѣ добивался и Ѳедоръ Ковалевъ; другіе возставали противъ самой мысли о закапываніи, усматривая въ этомъ замаскированное самоубійство, многіе прямо говорили: *«это все равно, что наложить на себя руки»*... *«какъ-бы отъ одного одного грѣха уйти, да не попасть въ другой»*. Для рѣшенія этихъ недоумѣній, по замѣчанію старика Я. Я., читали много старыхъ книгъ, и «великіе были споры». Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до второй половины декабря. Въ обсужденіяхъ, которыя велись въ скитѣ и внѣ его, Виталія стала принимать чрезвычайно живое участіе, и ею была высказана мысль, что *все, что дѣлается для Бога— не грѣхъ*, и она вмѣстѣ съ Полей нашла въ книгахъ будто-бы подтвержденіе правильности такого мнѣнія. Послѣ этого—наложить на себя руки для многихъ уже не казалось дѣломъ грѣховнымъ. Такимъ образомъ мысль о *закапываніи* вышла несомнѣнно изъ скита и послѣ борьбы и противодѣйствія возымѣла, наконецъ, власть надъ умами обитателей хуторовъ. Повидимому, патетическія слова Анюши были лишь случайнымъ эпизодомъ въ подготовленномъ Виталіей планѣ. Но эти слова показали Виталіи, что наступалъ часъ перейти отъ словъ къ дѣлу. Съ этого именно момента и начинается та торопливая дѣятельность Виталіи, о которой говоритъ Ковалевъ. Виталія, видимо,

боялась упустить психологическій моментъ и торопилась дать возможно быстрый ходъ дѣлу. Она коварнымъ образомъ приглашаетъ къ себѣ родную сестру свою Елизавету Денисову изъ Николаева подъ тѣмъ предлогомъ, что якобы она (Виталія) тяжело больна и желаетъ проститься съ сестрой. Отъѣздъ Денисовой въ Терновскіе хутора былъ совершенно неожиданнымъ для ея мужа и для ея дѣтей и для родныхъ. Какъ видно изъ рассказовъ Ѳедора Ковалева, Виталія съ пріѣздомъ Денисовой быстро и рѣшительно повела свое убійственное дѣло. Она вышла изъ своего скрытнаго состоянія, всѣхъ заторопила и общими усиліями у Денисовой, повидимому, совершенно не подготовленной, исторгнуто было согласіе на закапываніе вмѣстѣ съ другими, такъ что уже на слѣдующій день по пріѣздѣ Денисовой въ хутора произошло закапываніе. Самъ Ковалевъ удивляется быстротѣ, съ которою Денисова согласилась на закапываніе. Очевидно, что настроеніе въ хуторахъ до такой степени было сильно, что Денисова сразу подчинилась общему рѣшенію. Такимъ образомъ, едвали можно сомнѣваться въ томъ, что *Виталія звала къ себѣ сестру съ готовымъ намѣреніемъ закопать ее вмѣстѣ съ другими*. Не остается также сомнѣнія и въ томъ, что поспѣшный вызовъ Денисовой сдѣланъ былъ Виталіей въ тотъ именно моментъ, когда колебанія хуторянъ были сломаны, и когда уже двѣ семьи—семья Ѳоминыхъ и семья Ѳедора Ковалева—изъявили согласіе закопаться въ ямѣ. Ковалевъ настолько любилъ дѣтей и свою Анюшу, что уже не колебался идти съ ними въ общую могилу, побуждаемый къ тому и женой, и собственной матерью. Повидимому, Денисова должна была послужить лептой или жертвенной данью со стороны Виталіи на этомъ алтарѣ сочиненнаго ею безумнаго замысла. Такимъ же жертвеннымъ приношеніемъ со стороны

Поли Младшей явился ее отецъ. И Виталія, и Поля для успѣха дѣла нашли необходимымъ лгать каждая отъ себя по человѣческой жертвѣ. И въ самомъ дѣлѣ изъ разсказа Ѳедора Ковалева видно, что Виталія, рѣшившаяся вызвать къ себѣ сестру, съ приѣздомъ ее сразу направила дѣло къ исполненію и проявила въ это время необычайную настойчивость и быстроту, которая удивила самого Ковалева. Она не щадила красокъ и сильныхъ словъ и не останавливалась ни предъ какими средствами: она говорила, что и антихристъ пришелъ, что конецъ міра наступить не то, что чрезъ годъ—два, а можетъ быть чрезъ два—три дня, что тотъ, кто не захочетъ закопаться, дѣлаетъ пустой расчетъ въ какихъ-нибудь два—три лишнихъ дня жизни. Виталія приводила своими рѣчами всѣхъ въ совершенное отчаяніе. По словамъ Ковалева, Виталія останавливалась на подробностяхъ предстоящей страшной смерти, она не скрывала ее ужасовъ и говорила, что закопавшіеся проживутъ отъ одного до трехъ дней, не болѣе, но затѣмъ непосредственно перейдутъ въ чертоги небесные. «Два—три дня мукъ, говорила она, ничто въ сравненіи съ муками вѣчными. Подумай, поясняла она каждому, можешь-ли ты пересчитать дождевыя капли; сколько капель въ дождѣ, столько лѣтъ муки въ аду; лучше два—три дня муки въ ямѣ и — небесное царствіе».

ГЛАВА VII.

Заживо погребенныя (первая группа).

Ночь на 23 декабря проведена была намѣченными жертвами въ домѣ Назара Ѳомина. Сверхъ того, здѣсь была Виталія, Поля Младшая и монашка Таисія, извѣст-

ная подъ именемъ *Tausin Рассейской*, и слабоумный братъ Ковалева Дмитрій. Въ разстояніи нѣсколькихъ аршинъ отъ дома, вдоль боковой стѣны его, идетъ тотъ погребъ, который въ эту ночь долженъ былъ сдѣлаться человѣческой могилой. Съ 7 или 8 час. вечера изба Оомина уже была наполнена людьми. Собравшіеся послѣ церковныхъ службъ, пѣсенъ, сопровождавшихся слезами и взаимнымъ прощаніемъ, спустились въ погребъ, и здѣсь общими усиліями началось приготовленіе могилы. Ооминымъ, при участіи Оедора Ковалева и Кравцова, было пробито отверстіе въ задней стѣнѣ погреба, и затѣмъ всѣ они трое съ поспѣшностью начали рыть мину. Нѣсколько часовъ длилась работа и, наконецъ, была готова небольшая комната (мина) такихъ размѣровъ, что человѣкъ вдоль и поперекъ ея могъ свободно помѣститься въ лежачемъ положеніи: мина была пяти аршинъ длины, столько-же ширины и болѣе двухъ аршинъ высоты въ средней части, такъ какъ была сводообразной формы, и въ средней части ея человѣкъ могъ стоять почти не сгибаясь. Раньше, чѣмъ была окончательно готова импровизированная могила, изъ дома Ооминыхъ нѣкоторые изъ оставшихся тамъ спустились въ погребъ и здѣсь почти всѣ, не исключая и Виталіи, принимали участіе въ приготовленіи могилы — кто рылъ, кто убиралъ землю. Всѣ были въ большомъ волненіи, и всѣхъ торопила Виталія. Передъ роковымъ моментомъ всѣ жертвы одѣлись въ *смертное* платье. Послѣ общей похоронной службы, спѣтой всѣми, первой вошла въ приготовленную могилу Анята съ двумя дѣтьми. Вопреки свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ газетахъ, что первымъ вошелъ Ооминъ, мы со словъ Ковалева исправляемъ эту неточность: первой вошла именно Аняша, какъ вообще въ этомъ, безпримѣрномъ по своимъ ужасамъ, событіи женщины были впереди и направляли дѣло. Когда вошли всѣ участники,

и готовился послѣднимъ войти Ѳедоръ Ковалевъ, уже въ числѣ первыхъ твердо рѣшившійся умереть, то тутъ неожиданно возникло нѣкоторое недоумѣніе. Ѳоминъ, который долженъ былъ заложить мину свнутри, поколебался, боясь какъ-бы это дѣйствіе не было равносильно наложенію на себя рукъ: онъ усиленно, со слезами сталъ умолять Ковалева не входить въ мину и заложить ее снаружи. Такъ какъ обстоятельство это вызвало неожиданную задержку, то Виталія дала распоряженіе, чтобы Ковалевъ остался снаружи и закладывалъ мину. Такимъ образомъ въ мину вошли девять человекъ: Назаръ Ѳоминъ лѣтъ 45, съ женой Домной 40 лѣтъ и тринадцатилѣтней дочерью Прасковьей, Евсей Кравцовъ 18 лѣтъ, работникъ въ домѣ Ѳомина, Анюша Ковалева 22 лѣтъ съ двумя дочерьми—3 лѣтъ и грудной, Елизавета Денисова 35 лѣтъ, родная сестра Виталии, старикъ Скачковъ, лѣтъ около 70, отецъ Поли Младшей. Закрытіе отверстія происходило быстро и съ особенной торопливостью. Виталія, какъ простой рабочій, разбрасывала и утаптывала землю на днѣ погреба, съ цѣлью скрыть слѣдъ совершившагося. Отверстіе заложено было камнемъ на глинѣ и, по словамъ Ковалева, съ нѣкоторыми усиліями его можно было бы раскрыть. Но для большей вѣрности дѣла мина была заложена двойной стѣнкой, именно, внутри выведена была Ѳоминымъ вторая стѣна, такъ что кладка Ковалева и кладка Ѳомина прилегали одна къ другой. Ѳоминъ и Ковалевъ работали одновременно.

Какъ только заложень былъ Ковалевымъ послѣдній камень онъ вмѣстѣ съ Виталіей, Полей Младшей и монашкой Таисіей быстро вышли изъ погреба, заперли его на замокъ и поспѣшно, почти бѣгомъ, удалились. Два или три дня Ковалевъ и не приближался къ этому мѣсту... Теперь переходимъ къ судьбѣ закопанныхъ.

Слезы, молитвы, взаимныя прощанія и экстазь, въ которомъ находились въ послѣднюю ночь всѣ, рѣшившіеся «закопаться въ яму», были такъ велики, а торопливость, съ которою шло все дѣло, была такъ необычна, что эти условія исключали для людей всякую возможность, хотя-бы на минуту, остановиться и подумать о страшномъ будущемъ, которое скоро должно было для нихъ наступить. Кромѣ *Анюши Ковалевой* и ея двухъ дѣвочек—грудной и трехлѣтней—въ могилу вошли *Назаръ Оминъ* съ женой и тринадцатилѣтней дочерью *Прасковьей*, работникъ *Омина Кривцовъ*, сестра *Виталии Елизавета Динисова* и старикъ *Скачковъ*, отецъ *Поли Младшей*. Всѣ они вошли въ яму съ горящими свѣчами, книгами, иконами; кромѣ того, они захватили съ собою мужской тулупъ, чтобы было на чемъ положить дѣтей и корыто, чтобы укачивать въ немъ грудного ребенка *Ковалевой*. Замуровавшіеся сидѣли со свѣчами и, вѣроятно, умерли раньше, чѣмъ погасъ послѣдній огонь, судя по тому, что при открытіи ямы, въ апрѣлѣ, найдено было, что крышка столика, на которомъ стояла свѣчка, оказалась значительно обгорѣвшей,—что могло случиться въ ту пору, когда заключенные въ могилѣ были мертвы или находились въ агоніи. Горѣніе свѣчи въ замкнутомъ пространствѣ могло еще продолжаться и въ то время, когда человѣческая жизнь уже была невозможна.

Сколько времени могли прожить оставленные всѣми несчастные? Что они испытывали? Какъ умирали?

Грудной ребенокъ *Анюши* найденъ былъ у ея обнаженной груди, другая дочь ея была рядомъ. Три трупа взрослыхъ мужчинъ найдены лежащими по срединѣ пещеры. Старикъ—отецъ *Поли*—лежалъ головой въ небольшомъ, вѣроятно, имъ самимъ вырытомъ, углубленіи. Всѣ эти трупы обращены были лицомъ вверхъ и были посы-

паны сверху и отчасти обложены землей. По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми мы бесѣдовали, земля положена была на головы и грудь этихъ труповъ пережившими ихъ товарищами по могилѣ. Мы думаемъ объ этомъ иначе и выскажемъ наше мнѣніе дальше. Трупъ Анюши, трупъ Денисовой, трупъ дѣвицы Оومیной находились у самаго заложенаго отверстія. Очевидно, что въ тяжкую минуту смерти эти болѣе молодые субъекты тѣснились здѣсь, у свѣже задѣланнаго отверстія—у этого мѣста, чрезъ которое они вошли, и съ которымъ могла связываться еще какая-нибудь, хотя малѣйшая, надежда на спасеніе. Судя по положенію труповъ, несчастные стояли здѣсь, пока ихъ не оставили силы, и затѣмъ падали въ беспорядкѣ другъ на друга и умирали. Субъекты постарше—мужчины и старикъ—очевидно, уже раньше оставили всякую надежду и ложились умирать, не подходя къ отверстию. Они, какъ сказано выше, найдены лежащими въ срединѣ мины.

Едва-ли нужно говорить о томъ, что смерть всѣхъ была ужасной. Можно сказать почти съ увѣренностью, что тѣ, кто былъ по старше, умирали раньше, болѣе молодые—послѣ. Группа съ Анюшей, найденная вблизи заложенаго отверстія, вѣроятно, пережила другихъ и, въ ужасѣ близкой смерти, при видѣ умирающихъ и уже умершихъ, не отходила отъ отверстія, ожидая спасенія и, быть можетъ, тщетно призывая тѣхъ, кто уже былъ далеко.

Входившіе въ могилу, повидимому, менѣе всего думали объ ужасахъ медленной смерти отъ задушенія; пока закладывали отверстіе мины, они пѣли религіозныя пѣсни, но когда Ковалевъ и другіе ушли изъ погреба—что было съ заключенными въ роковую яму—о томъ можно судить по тому положенію, въ которомъ найдены трупы три мѣсяца спустя.

Одной изъ самыхъ страшныхъ перспективъ, которую рисуетъ себѣ человѣческое воображеніе, это — смерть въ замкнутомъ пространствѣ, и средневѣковые рассказы о людяхъ, замурованныхъ въ нишахъ зданій, принадлежатъ къ наиболѣе ужаснымъ. Въ этихъ рассказахъ приводятся различныя подробности и, между прочимъ, тотъ фактъ, будто бы у заживо погребенныхъ найдено было въ послѣдствіи разорванное платье, изгрызенныя руки и т. под. Намъ ненужно останавливаться на опроверженіи этихъ баснословныхъ рассказовъ. Не такъ происходитъ смерть въ подобныхъ условіяхъ, и не въ такомъ положеніи найдены трупы несчастныхъ, обрѣкшихъ себя на вольную смерть. Ни малѣйшей царапины не было найдено на трупахъ и никакого иного поврежденія. Заключенные, подъ вліяніемъ недостатка воздуха, задыхались и, тяжело страдая, постепенно теряли силы. Жажда свѣжести и холода была, безъ сомнѣнія, нестерпимой, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ ея, несчастные страдалцы клали себѣ холодную землю на грудь и на лицо, чтобы хотя нѣсколько освѣжить себя и облегчить свои муки. Этой же жаждой было вызвано и то, что старикъ Скачковъ, отецъ Поли, вырылъ себѣ небольшое углубленіе въ боковой стѣнкѣ ямы и на свѣжую, холодную землю этого углубленія умирая положилъ свою голову.

Какъ долго могла продолжаться агонія? Это было обусловлено размѣрами пространства, въ которомъ находились девять человѣкъ. По приблизительному расчету кубической вмѣстимости ямы, мѣстные врачи выразили мнѣніе, что смерть наступила въ промежутокъ времени отъ полутора часа до восьми часовъ.

Не лишена интереса та подробность, что положеніе труповъ было самое беспорядочное какое можно себѣ представить — въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, одни

лежали на другихъ, скорченные, согнувшіеся. Все указываетъ, что смерть была тяжкая, и что несчастные въ агоніи метались, ползали, двигали членами, пока въ нихъ не прекратилась жизнь.

ГЛАВА VIII.

Заживо погребенные (вторая группа).

Четыре дня спустя, именно въ ночь на 27 декабря, произошелъ новый рядъ вольныхъ смертей и смертоубійствъ. Внѣшняя сторона событія состояла въ слѣдующемъ. Врѣстахъ въ полтора отъ усадьбы Ковалевыхъ и Оминыхъ находится усадьба Суховыхъ. Здѣсь была сдѣлана года два тому назадъ выемка земли подъ постройку дома. И вотъ эта выемка послужила мѣстомъ для новой общей могилы. Въ одномъ изъ угловъ выемки начата была и выведена въ горизонтальномъ направленіи длинная, на подобіе бутылки, мина. Рыли мину—*Суховъ* и *Павловъ*. Они работали нѣсколько часовъ ночью, и когда Ковалевъ съ Виталіей прибыли на это мѣсто,—яма почти была готова. Въ эту яму готовились войти Суховъ, его жена, ихъ дочь Татіяна 7-ми лѣтъ и сынъ Максимъ 4-хъ лѣтъ и Павловъ съ двухлѣтней дочерью Александрой. Старушка мать Сухова, Виталія и Федоръ Ковалевъ все время присутствовали, пока заканчивалось рытье ямы. Виталія дѣятельно помогала, разбрасывая и утаптывая вынутую землю, для сокрытія всякихъ слѣдовъ. Какъ и при *первомъ* закапываніи, готовившіеся войти въ могилу простились съ оставшимися и другъ съ другомъ, одѣли *смертное* платье и, на-

путствуемые Виталией, по одиночкѣ проникли въ яму. Послѣ повторнаго опроса Ковалева—готовы ли они умереть или можетъ быть, кто-либо выдетъ изъ ямы,—они твердо отвѣчали, что желаютъ умереть. Послѣ этого Ковалевъ заложилъ входъ и вмѣстѣ съ Виталией быстро направился въ Ковалевскую усадьбу въ скитъ. Это случилось далеко за полночь, вѣроятно, около двухъ или трехъ часовъ по полуночи, а начато было приготовленіе мины какъ только стемнѣло и наступила ночь.

Что касается подробностей закапыванія, личныхъ свойствъ закопавшихся и психологической подкладки событія, то намъ удалось собрать слѣдующія данныя.

Яма, какъ уже было сказано, имѣла приблизительно форму длиннорлой бутылки, шейка которой имѣла два суженія и расширеніе между ними. Федоръ Ковалевъ, входившій въ мину, гдѣ онъ простился съ *Суховыми* и *Павловыми*, слѣдующимъ образомъ описываетъ устройство мины. Входъ былъ сравнительно узокъ, и черезъ него можно пройти только ползкомъ. Проползши аршина два по узкому каналу, вступали въ расширеніе, въ которомъ можно было свободно сидѣть, не нагибая головы; расширеніе это Ковалевъ называлъ *спнцами*. Изъ сѣнецъ велъ дальше узкій и тѣсный ходъ въ слѣдующее—последнее, уже довольно просторное помѣщеніе, имѣвшее видъ земляного погребка и настолько невысокое, что въ немъ можно было стоять, только наклонивши голову. Ковалевъ, входившій въ это помѣщеніе въ морозную ночь, рассказываетъ, что дышать было свободно, но отдавало сыростью. Когда онъ вышелъ наружу, то, какъ сказано было, послѣ двойнаго опроса могильныхъ узниковъ, онъ сталъ закладывать мину. Пока онъ закладывалъ мину, онъ слышалъ, какъ *тамъ* молились и разговаривали. Повидимому, у Виталии или у кого-нибудь изъ другихъ лицъ существовали

сомнѣнія насчетъ прочности замуровки первой мины; поэтому, для задѣлки этой мины, были сдѣланы особыя, исключительныя приготовленія, вполне обезпечивавшія задѣлку и исключавшія всякую возможность выхода. Быть можетъ, это—плодъ предусмотрительности и рѣшимости несчастныхъ *второй группы*; но, вѣроятноже, что это было дѣломъ Виталии, какъ мы заключаемъ о томъ изъ нѣкоторыхъ психологическихъ соображеній. Въ описанныхъ *стѣнкахъ* мины Ковалевъ нашелъ большой, тяжелый камень и массу мелкаго камня и свѣжей глины. Съ немалымъ трудомъ Коваловъ, по указанію Виталии, вдвинулъ большой камень во второе горлышко мины; послѣ чего оставалась незначительная работа—положить остальные камни. Заваливши камнями плотно отверстіе, Ковалевъ, еще разъ опросивши заключенныхъ, сталъ забивать промежутки между камнями сырой глиной. Дѣлалъ онъ это, какъ говорить, съ тою цѣлью, чтобы *духъ не выходилъ* оттуда, и чтобы впослѣдствіи по запаху никто не могъ узнать, что здѣсь погребены люди. Затѣмъ заложены были стѣнцы и, наконецъ, заложены были землей и утрамбованы наружная шейка мины и наружное выходное отверстіе. Разказавши изложенныя сейчасъ подробности, Ковалевъ замѣтилъ, что изъ первой мины (въ усадьбѣ *Томина*) возможно было-бы высвободиться, если бы того пожелали заключенные, но изъ этой мины выходъ былъ невозможенъ.

Смерть лицъ, заключенныхъ въ эту мину, была одной изъ самыхъ мучительныхъ. Послѣ задѣлки отверстія мины, жизнь заключенныхъ могла продолжаться отъ 1—3 часовъ. Въ первой минѣ (въ усадьбѣ *Томина*) кирпичная стѣнка погреба, составлявшая вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ стѣнъ мины, еще допускала нѣкоторую возможность вентиляціи чрезъ свои поры; здѣсь входное отверстіе было не только заложено, но и законопачено глиной, и всякій обмѣнъ

газовъ былъ невозможенъ, — въ силу этого, явленія задушенія должны были наступать быстро и рѣзче. Картина, которую представляли открытыя трупы, была наиболѣе поразительной и ужасной въ сравненіи со всѣми другими смертями этого рода въ Терновскихъ хуторахъ. Описанія врачей и другихъ очевидцевъ, съ которыми мы по этому предмету бесѣдовали, полны потрясающихъ подробностей. Всѣ трупы этой ямы составляли одну общую кучу, въ которой человѣческія тѣла были сплетены самымъ беспорядочнымъ образомъ, согнутые, скорченные, одни на другихъ.

Трупъ Сухова найденъ въ полусидячей позѣ, съ разставленными ногами и наклоненной головой и туловищемъ, у ногъ его лежалъ трепъ его жены головой къ нему, а трупы дѣтей лежали на трупѣ матери, прислонившись къ отцу. Очевидно, что, среди быстро наступившаго задушенія, могильные узники безпомощно ползали и метались, а дѣти жались къ родителямъ, ища помощи въ тяжкихъ мукахъ. Ни въ этой могилѣ, ни въ первой минѣ не найдено было ни одного трупа со спокойной позой, какая обыкновенно свойственна людямъ, умирающимъ отъ болѣзней естественною смертию. Напротивъ, всѣ трупы до единого были въ такихъ позахъ, которыя свидѣтельствуютъ о предсмертныхъ мученіяхъ и судорогахъ, что и естественно при насильственной смерти совершенно здоровыхъ людей.

Всѣ трупы этой мины, какъ и трупы, найденные въ первой минѣ, одѣты были въ манатейкахъ и кожаныхъ поясахъ съ четками въ рукахъ. Сверхъ того на мужчинахъ были круглыя шапки, а на женщинахъ такъ называемые апостольники. Всѣ были безъ обуви.

Что касается душевнаго состоянія этой группы заживо погребенныхъ, о немъ можемъ сказать только не-

многое. Наиболѣе симпатичнымъ является Павловъ, мужъ Настасьи, 26 лѣтъ. Какъ можно заключить изъ словъ Настасьи, ея мужъ Іовъ былъ мягкаго, добраго характера. Поддавшись общему теченію, онъ долго уговаривалъ жену слѣдовать за нимъ и, когда та не склонилась на его слова и просьбы, онъ вечеромъ, въ роковой день, 26 декабря, взявъ съ собою единственную дочь Александру и ушелъ съ нею. Знала ли жена, куда ее зоветъ мужъ, и куда онъ ушелъ, взявши крошечнаго ребенка? По этому вопросу мы имѣли разговоръ съ вдовой Павлова—Настасьей, молодой женщиной, лѣтъ 20-ти. Къ сожалѣнію, разговоръ происходилъ при другихъ и въ обстановкѣ, исключавшей возможность полной откровенности: поэтому предложенные нами вопросы и полученные на нихъ отвѣты носятъ характеръ вынужденной условности, и хотя, въ виду этого они не имѣютъ юридическаго достоинства, тѣмъ не менѣе, они не лишены нѣкотораго психологическаго значенія. Разговоръ, приблизительно, состоялъ въ слѣдующемъ. Настасья съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, который родился уже послѣ смерти мужа, на предложенный вопросъ, жалѣетъ ли объ умершихъ—мужѣ и ребенкѣ—разсказала, что не можетъ забыть о нихъ, что она просила и умоляла мужа не *идти*, но мужъ въ свою очередь просилъ, умолялъ и требовалъ, чтобы она слѣдовала за нимъ. По этому поводу между супругами происходили долгіе, часто горячіе разговоры, въ результатѣ которыхъ каждая сторона осталась при своемъ. Въ тотъ вечеръ, какъ мужъ съ дѣвочкой ушелъ «*неизвѣстно куда*», Настасья ушла къ своей матери. На вопросъ, куда мужъ звалъ ее, она отвѣчала: «не говорилъ куда, сказалъ только: пойдешь со мной, такъ узнаешь». Между супругами были также горячіе разговоры о ихъ дочери, и Павловъ тайкомъ взялъ дочь и ушелъ. На вопросъ прощался ли

мужъ съ ней, уходя, она отвѣчала: *«въстимо, прощался, какъ не прощался»*.

— Но такъ ли прощался, какъ прощаются передъ смертью? Настасья отвѣчала, что она не знала, что мужъ идетъ на смерть.

— Да онъ то зналъ, что прощается въ послѣдній разъ и, должно быть, прощался, какъ передъ смертью.

Настасья на это отвѣчала только грустной улыбкой.

Изъ разсказа Ковалева видно, что въ ту пору, когда Павловъ, со своимъ двухлѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ, входилъ въ яму, онъ вспомнилъ о женѣ и произнесъ слова: *«эхъ! мнѣ то трудно, а ей—женское дѣло—и тою труднѣе»*.

Для насъ осталось неяснымъ, подъ чьимъ непосредственнымъ вліяніемъ молодой Павловъ рѣшился закопаться. По всей вѣроятности, это произошло при посредствѣ семейства Суховыхъ, которые закопались въ этой же ямѣ.

Остается не вполне яснымъ, что собственно спасло Настасью, и какъ случилось, что она не послѣдовала за мужемъ, такъ какъ Павловъ предъ тѣмъ какъ уйти, раздарилъ свое имущество, и въ хуторахъ было извѣстно, что Павловъ *«уѣзжаетъ со всемъ семействомъ»*. Почти несомнѣнно, что Настасью спасла ее бабушка Бочарова, къ которой она ушла, какъ только мужъ ушелъ изъ дому. Быть можетъ, беременность Павловой и ожиданіе близкаго разрѣшенія послужили мотивомъ спасенія ея для тѣхъ, кто этого желалъ, а для болѣе опытныхъ и перспектива разрѣшенія въ самой ямѣ. Быть можетъ, мы когда-нибудь узнаемъ подробности.

Старуха Сухова, постоянная жительница скита, по всей вѣроятности, уговорила какъ свою невѣстку Прасковью Сухову, такъ и своего сына Матвѣя закопаться. Объ этомъ съ большою вѣроятностью можно судить по-

тому, что старуха Сухова вмѣстѣ съ Виталией присутствовала при рытьѣ могилы и при ея задѣлкѣ.

Наиболѣе непонятнымъ для многихъ, въ особенности для близко знавшихъ, было закапываніе Матвѣя Сухова. Матвѣй Суховъ былъ извѣстенъ, какъ безпробудный пьяница и потерянный человѣкъ. Онъ проводилъ время въ бездѣльи, въ пьянствѣ, въ кутежахъ и развратѣ. Нерѣдко его видели катающимся на извозчикахъ, разтѣзжающимъ по трактирамъ и непотребнымъ домамъ; его почти никогда не видѣли трезвымъ. Даже старикъ Я. Я. при всемъ своемъ благодушіи и добротѣ отозвался, въ бесѣдѣ съ нами, о Матвѣѣ Суховѣ:

«Впрно, впрно,... такой онъ былъ человѣкъ... крѣпко нехорошей жизни,... на извозчикахъ разтѣзжалъ въ нехорошія мѣста». «Ужъ какъ онъ закопался, и я тому удивляюсь», закончилъ старикъ. По слухамъ, которые мѣстными жителями считаются за достовѣрные, Матвѣй Суховъ, во время своего послѣдняго кутежа, дней за восемь—за десять до закапыванія, будто-бы, прощаясь подъ пьяную руку съ женщинами, въ обществѣ которыхъ находился, сказалъ, что прощается *навѣки* и ужъ больше ихъ никогда не увидитъ. Нечего говорить, что и тонъ этихъ словъ, и обстановка, среди которой они были произнесены, нимало не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобы устами Сухова въ эту минуту руководило покаянiе, скорѣе, это былъ нездержанный языкъ пьяной головы, которая готова выдать вѣдомую ей пикантную тайну. Правдоподобно, что Суховъ въ томъ мѣстѣ и въ той обстановкѣ, про которую сейчасъ была рѣчь, рѣшилъ покутить *въ послѣдній разъ*, какъ это дѣлаютъ извѣстной категоріи самоубійцы изъ тѣхъ, которые, съѣвши лукуловскій обѣдъ въ обществѣ потерянныхъ женщинъ, выходятъ въ сосѣдную комнату и пускаютъ себѣ пулю въ лобъ. Таковъ именно Матвѣй

Суховъ по свѣдѣніямъ, которыя нами отовсюду получены о немъ. Однако-же не подлежитъ сомнѣнію, что Матвѣй Суховъ, въ послѣдніе пять дней своей жизни не пилъ напитковъ и оставался трезвымъ въ качествѣ лишеннаго воли хроническаго пьяницы. Онъ былъ подъ надзоромъ домашнихъ, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ яму онъ вошелъ непосредственно волею матери и жены, но не своею собственной.

Большую психологическую важность имѣетъ вопросъ о томъ знала-ли вторая партія закапывавшихся, что они уже *не первые*, что раньше ихъ закопались другіе. На этотъ вопросъ можно дать положительный отвѣтъ, что *это не было извѣстно*. Виталія и ея демоническія сотрудницы держали все дѣло въ большой тайнѣ, и Виталія религіозными угрозами и клятвами взяла слово съ Ковалева никому не говорить о томъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Ковалевъ держалъ данное ей обѣщаніе и, какъ показало затѣмъ слѣдствіе, отъ него трудно было добиться истины изъ-за его сдержанности. Но здѣсь, въ торжественную и страшную минуту, участникомъ которой онъ былъ, изъ устъ его вырвалось невольное признаніе. Когда большой камень уложенъ былъ имъ въ горло мины, и черезъ минуту Ковалеву предстояло проститься съ тѣми, кого уже навсегда этотъ камень отдѣлялъ отъ людей, Ковалевъ торжественно сказалъ: *«прощайте, кланяйтесь тамъ нашимъ, поклонитесь Анюшѣ»*. И только теперь, изъ обмѣна нѣсколькими словами, оказалось что *вторая партія* ничего не знала о *первой*. Тогда Ковалевъ кратко передалъ вѣсть о *деяти закопанныхъ*. Эта передача не казалась Ковалеву нарушеніемъ тайны, такъ какъ переходъ его собесѣдниковъ въ иной міръ былъ дѣломъ безповоротно рѣшеннымъ, почти уже совершившимся.

ГЛАВА IX.

Арестъ Виталии и другихъ.

Прежде, чѣмъ произошло закапываніе третьей и четвертой группъ живыхъ людей, случились обстоятельства, которыя имѣли значительное вліяніе на весь ходъ Терновскихъ событій. Если-бы этихъ обстоятельствъ не было, то Терновская драма, полная психологическаго и бытового значенія, навѣрное не осталась бы въ томъ мракѣ, какой скрываетъ ее отъ насъ въ настоящее время. Мы разумѣемъ здѣсь арестъ и послѣдовавшее затѣмъ освобожденіе Виталии и съ нею шести другихъ лицъ.

О томъ, что пятнадцать челоувѣкъ закопались живьемъ, — никто не зналъ за предѣлами Терновскихъ хуторовъ, но и въ Терновскихъ хуторахъ, какъ мы видѣли, страшная тайна хранилась строго, и вторая партія жертвъ шла въ могилу, не зная о первой. Тайна была извѣстна немногимъ и до поры до времени не была никѣмъ разглашена. Тѣмъ не менѣе, мѣстныя власти нашли необходимымъ, 5-го февраля, подвергнуть аресту Виталию и съ нею шесть другихъ лицъ. Арестъ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что эти лица, во время народной переписи, отказались дать о себѣ свѣдѣнія; въ силу этого они привлекались къ отвѣтственности за *безпаспортность* и были подвергнуты предварительному аресту. Поведеніе арестованныхъ уже съ первой минуты было столь необычно, что невольно наводило на серьезныя подозрѣнія.

При первомъ допросѣ арестованные обнаружили явные признаки значительнаго возбужденнаго состоянія. Они, въ особенности женщины, употребляли столь рѣзкій, страстный тонъ рѣчей, такой вызывающій образъ дѣйствій, что обстоятельство это не могло не обратить

и, дѣйствительно, обратило на себя вниманіе какъ врачей, такъ и слѣдователей. Возбужденное состояніе въ особенности наглядно проявилось въ томъ, что женщины завели споръ между собой, и одна изъ нихъ, именно, Авдотья Ковалева по самому незначительному поводу въ рѣзкихъ и страстныхъ формахъ сдѣлала замѣчаніе Виталии, хотя поведеніе послѣдней нисколько не оправдывало такого несдержаннаго отношенія къ ней. Такъ какъ со стороны властей ничего не было сдѣлано такого, что могло бы взволновать арестованныхъ, то ненормальность ихъ настроенія духа становилась внѣ сомнѣнія. Уже небольшая психологическая опытность позволяла бы сдѣлать заключеніе, что возбужденное состояніе духа арестованныхъ не соотвѣтствуетъ ближайшей дѣйствительности и допускаетъ два объясненія: или арестованные *страдаютъ помпшательствомъ*, или *съ ними произошли какія-нибудь исключительныя событія* (несчастія, преступленія и т. п.), которыя лишали ихъ спокойствія духа. Ту или другую вѣроятность было необходимо предположить въ полной увѣренности, что одна изъ нихъ окажется фактомъ. Необходимо было самое полное врачебное или юридическое изслѣдованіе.

Такъ какъ возбужденное состояніе было признано и слѣдователями, и врачами уже при первомъ допросѣ арестованныхъ, то, соотвѣтственно этому, обхожденіе съ ними слѣдователей приняло характеръ той уступчивости и снисходительности, которую мы обнаруживаемъ, когда подозрѣваемъ болѣзнь. Поведеніе арестованныхъ въ тюрьмѣ продолжало быть еще въ болѣе рѣзкой степени такимъ же загадочнымъ, какимъ оно, показалось вначалѣ. По наблюденію начальника тюремнаго замка, заключенные вели себя настолько странно, что положительно вселяли подозрѣніе въ приготовленіи себя къ смерти. Такое ихъ

поведеніе главнымъ образомъ выражалось въ томъ, что всѣ они отказались отъ пищи и питья, и съ 5-го по 9-е число февраля никто изъ нихъ абсолютно ничего не ѣлъ и капли воды не пилъ, говоря, что кормить ихъ не обязаны ни правительство, ни частныя лица, и что по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ они могутъ принимать только ту пищу, которую сами зарабатываютъ личнымъ честнымъ трудомъ, и поэтому они и впредь не будутъ ни пить, ни ѣсть. Первый день заключенія въ тюрьмѣ всѣ они непрерывно молились, произнося шопотомъ какія-то молитвы, стоя большею частью на колѣняхъ, и дойдя до изнуренія, легли и уснули. На другой и въ остальные дни они постепенно все меньше и меньше молились, очевидно, вслѣдствіе чрезмѣрнаго физическаго изнуренія, дошедшаго до того, что всѣ они едва могли стоять на ногахъ, причемъ двѣ женщины и старикъ, не будучи болѣе въ силахъ стоять, опустились на полъ. Съ этимъ старикомъ случилось слѣдующее обстоятельство. Когда, по распоряженію тюремнаго начальства, заключеннымъ предложены были фрукты, кажется, апельсины, то старикъ, мучимый жаждой, схватилъ апельсинъ такъ быстро и такъ жадно съѣлъ, что его не могли остановить и удержать товарищи—сектанты. Послѣ этого они начали осыпать его угрозами и снова проявили большую возбужденность. Въ виду этого тюремное начальство распорядилось переодѣть ихъ въ арестантскую форму. Переодѣтые въ казенное бѣлье и арестантскую одежду, они настойчиво просили начальника тюрьмы выдать имъ въ камеру по-смертную ихъ одежду, отобранную у нихъ вмѣстѣ съ прочими ихъ собственными вещами; когда же имъ въ этомъ было отказано, они умоляли начальника тюрьмы, чтобы въ случаѣ ихъ смерти въ тюрьмѣ, они были похоронены не въ казенномъ бѣльѣ, а въ ихъ собственномъ

одѣяніи, приготовленномъ ими исключительно для облаченія послѣ смерти. 9-го февраля они обратились къ начальнику тюрьмы съ просьбой раздать всю ихъ одежду, кромѣ посмертнаго одѣянія, заключеннымъ въ тюрьмѣ, такъ какъ они уже, кромѣ посмертной одежды, ни въ чемъ больше не нуждаются. Въ виду ихъ рѣшимости умереть въ тюрьмѣ съ голоду, эти сектанты 9-го февраля, по распоряженію товарища прокурора окружного суда, были изъ тюрьмы освобождены и отданы подѣ домашній арестъ въ домъ той самой Александры Ковалевой, у которой они были задержаны.

Освобожденіе арестованныхъ изъ-подъ тюремнаго заключенія является совершенно исключительнымъ по своимъ мотивамъ. Судебныя власти освободили арестованныхъ *не по юридическимъ, а по врачебнымъ соображеніямъ*, именно, изъ боязни, что арестанты могутъ умереть съ голоду. Такимъ образомъ, разслѣдованіе загадочныхъ фактовъ было приостановлено въ тотъ моментъ, когда казалось бы, оно должно было сдѣлаться наиболѣе тонкимъ и дѣятельнымъ. Мы не считаемъ себя опытными въ вопросахъ судебныхъ и слѣдственныхъ, но сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія по вопросамъ чисто медицинскимъ.

Отказъ отъ пищи и попытки на самоубійство являются безусловнымъ показаніемъ къ помѣщенію въ психіатрическое заведеніе. Но прежде, чѣмъ это могло быть сдѣлано, тюремному врачу надлежало принять дѣятельныя мѣры къ врачебному охраненію лицъ, которыя стали столь опасными для самихъ себя. Ближайшей мѣрой для этого былъ бы переводъ арестантовъ въ тюремную больницу и искусственное кормленіе. Къ великому прискорбію ни то, ни другое не было сдѣлано. Отказывавшіеся отъ пищи арестанты не были переведены въ больницу и не были накормлены искусственно, какъ то предписывается

наукой, хотя такое кормленіе представляетъ одну изъ самыхъ простыхъ, общедоступныхъ врачебныхъ мѣръ и легко могло бы быть исполнено тюремнымъ или инымъ врачомъ. Съ другой стороны, не менѣе прискорбнымъ является и тотъ фактъ, что со стороны и врачей, и слѣдователей не былъ возбужденъ вопросъ о состояніи умственныхъ способностей арестованныхъ. Въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, Авдотьи Ковалевой, мы, на основаніи собранныхъ нами данныхъ, высказываемъ положительное убѣжденіе, что она страдала помѣшательствомъ. Переводъ такой арестантки въ психіатрическое заведеніе былъ безусловно необходимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ крайне необходимъ переводъ всѣхъ остальныхъ въ тюремную больницу, въ виду того, что по причинѣ отказа отъ пищи они, видимо, изнемогали, и жизни ихъ отъ того угрожала опасность. Быть можетъ, одна эта простая мѣра могла бы успокоить этихъ людей, дать иное направленіе событіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это успокоило бы и слѣдователей и дало бы имъ возможность вести свое дѣло неторопливо и обдуманно, не тревожась мыслью о здоровьи арестованныхъ и не торопясь давать свободу, которая въ сущности угрожала здоровью гораздо болѣе, чѣмъ лишеніе ея. Наконецъ, вполне естественнымъ былъ бы переводъ всѣхъ арестованныхъ въ психіатрическую лечебницу на испытаніе и леченіе, въ виду того, что отказъ отъ пищи и попытка на самоубійство вообще требуютъ помѣщенія въ лечебницу. Безъ сомнѣнія, въ лечебномъ заведеніи той или иной категоріи жизнь арестантовъ была бы сохранена, возбужденное состояніе ихъ было бы успокоено, и они могли бы дать показанія врачамъ и слѣдователямъ при больничной обстановкѣ. Эти показанія, вѣроятно, послужили бы высокоцѣннымъ матеріаломъ для разъясненія безпримѣрныхъ бытовыхъ явленій русской

жизни. Но теперь, со смертью Виталии и Поли, ключъ къ разъясненію этихъ явленій безвозвратно потерянь. Объ этомъ можно скорбѣть тою скорбью, какую испыталъ бы историкъ, если-бы былъ утраченъ какой-нибудь цѣнный пергаментъ, какой-нибудь нескрѣпленный документъ, какой-нибудь *инсцит*. Таковыми, именно, являются погибшіе сектанты. Но прежде всего и болѣе всего нельзя не горевать о томъ, что люди больные и ненормальные, требовавшіе опеки и попеченій, были лишены ея и отданы подъ надзоръ полиціи. Вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось то обстоятельство, что всѣ эти люди погибли насильственной смертью. Искусство и мѣры полиціи безсильны были охранить жизнь тамъ, гдѣ для этого требуется искусство и попеченіе врачебное.

ГЛАВА X.

Заживо засыпанные землей (третья группа).

Пятидневный отказъ отъ пищи и вмѣстѣ отъ питья долженъ былъ неминуемо вызвать у Виталии и другихъ арестованныхъ лицъ явленія остраго малокровія мозга, наряду съ общимъ упадкомъ питанія и разстройствомъ дѣятельности сердца. Эти фізіологическія условія въ свою очередь должны были повлечь за собою усиленіе того возбужденнаго состоянія и тѣхъ разстройствъ, которыя, какъ мы видѣли, рѣзко были выражены. Дальнѣйшее теченіе событій вполнѣ этому соотвѣтствовало. Послѣ первыхъ закапываній, 23-го и 27-го декабря, наступила пауза, прошелъ благополучно мѣсяць безъ новыхъ

жертвъ. Несмотря на проповѣдь Виталии, новыя жертвы не являлись такъ скоро, какъ первыя. Изъ разсказа старика Я. Я. оказывается, что проповѣдь Виталии и Поли Младшей не слабѣла, но результаты ея ограничивались тѣмъ, что являлись лица, готовыя *запоститься*, но уже не было, повидимому, желающихъ подвергнуть себя такому страшному способу самоубійства, какъ закапываніе живьемъ. Въ теченіе января мѣсяца въ скитѣ и у нѣкоторыхъ лицъ внѣ скита самоистязаніе ограничивалось скудной діетой. Жильцы скита получали мало пищи и меньше обыкновеннаго квасу, но никого не лишали питанія совсѣмъ. Виталия лишь предлагала чрезъ Полю Младшую и другихъ лицъ своего штата совѣты ѣсть хлѣбъ и квасъ, или только квасъ и яблоки, и согласно заявленію жильца отпускалась соотвѣтственная порція. Съ возвращеніемъ Виталии изъ-подъ ареста въ положеніи дѣлъ происходитъ замѣтное ухудшеніе. Нѣкоторымъ жильцамъ скита въ нѣкоторые дни совсѣмъ перестали давать порцію, другимъ уменьшали и начали предъявлять болѣе строгія требованія режима. Нѣкоторыя лица въ это время были несомнѣнно психически разстроены, какъ, напри- мѣръ, молодая дѣвица *Ульяна Ковалева* и *Поля Старшая* и, вѣроятно, также и *Викторія*, извѣстная на хуторахъ подъ именемъ *Викторіи Рассейской*. Когда въ началѣ февраля произведены были аресты за беспаспортность, то нѣкоторыя изъ беспаспортныхъ и уклонившихся отъ записи не были арестованы, или, какъ говоритъ Ѳедоръ Ковалевъ, были *забракованы* изъ-за своей дряхлости или болѣзни, какъ, напри- мѣръ, Поля Старшая, Викторія и Сухова. Хотя эти три старухи не были арестованы, но они находились въ крайнемъ нервномъ возбужденіи и безпокойствѣ; онѣ неотступно просили Ковалева: «найди намъ мѣсто и закопай насъ». Въ такомъ же состояніи находилась и дѣвица

Авдотья Ковалева (сестра Ѳедора). Она возвратилась изъ-подъ ареста въ состояніи крайняго изнеможенія вслѣдствіе того, что, находясь подъ арестомъ, она оставалась безусловно безъ пищи и питья и даже не утоляла своей жажды снѣгомъ, какъ дѣлали ея другія товарищи по аресту; она не могла ходить, шаталась и падала въ обморокъ, какъ только вставала. Съ нею во время содержанія подъ арестомъ случился эпизодъ. Она подобно другимъ не открывала своей личности, во избѣжаніе быть записанной, но кто-то изъ родныхъ, во время посѣщенія ея, опозналъ ее,—что и дало возможность властямъ записать ея фамилію. Обстоятельство это она признала равносильнымъ *записи антихриста*, и ея безпокойство усилилось. Хотя, по освобожденіи ея изъ-подъ ареста, Виталія „отчитывала“, ее, но она нисколько не успокоилась и искала смерти, продолжая отказываться отъ пищи. При такихъ условіяхъ ея смерть была неизбежной. Она проводила свое время молча, въ сидячемъ положеніи, согнувшись и прислонившись, и безропотно страдала; ея видъ возбуждалъ безграничную жалость, какъ можно заключить изъ рассказовъ Ковалева.

Какъ только арестованные возвратились изъ тюрьмы, три старушки, остававшіяся дома („забракованныя“), т. е., Сухова, Поля Старшая и Викторія Рассейская, стали усиленно просить Ковалева (какъ уже мы упоминали) закопать ихъ. Онѣ невыразимо тревожились, были въ непрерывномъ страхѣ и постоянно говорили: «насъ заберутъ въ острогъ и запишутъ». Успокоить ихъ было невозможно, онѣ не оставляли Ѳедора Ковалева со своими умаливаніями—закопать ихъ. Весьма вѣроятно, что двѣ старушки, Викторія и Поля Старшая, были помѣшаны.

Здѣсь естественнымъ является вопросъ, откуда старушки узнали о закапываніяхъ? Объ этомъ имъ могла сказать старуха Сухова, которая была сама свидѣтельницей и участницей въ закапываніи всего семейства ея сына. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Ѳедора Ковалева, въ это время уже повсюду, и въ Терновскихъ хуторахъ и далеко за ихъ предѣлами, какъ въ колокола звонили,—разсказывали о совершившихся закапываніяхъ, и въ этомъ смыслѣ посторонніе люди предлагали жителямъ Терновскихъ хуторовъ пытливые вопросы. По мнѣнію Ѳедора Ковалева, тайна закапываній была разглашена *Таисіей Рассейской*, такъ какъ Таисія была очень неосторожна и невоздержна въ рѣчахъ. Таисія же, какъ было уже нами сказано, была свидѣтельницей перваго закапыванія.

Живо переданный намъ Ѳедоромъ Ковалевымъ разговоръ его со старушками намъ удалось записать отчасти почти стенографически, отчасти по свѣжимъ воспоминаніямъ.

— Всѣ три просили меня „найди для насъ мѣсто, закопай насъ, открой яму, идѣ Назаръ“ (т. е. Назаръ Ѳоминъ).

— Нельзя туда, гдѣ Назаръ, какъ вы будете лезть, топтаться по нимъ и тамъ негдѣ сидѣть, тамъ нѣту мѣста, куда вы ихъ уберете.

— Ну, сбоку выкопай другую мину.

Всю недѣлю старухи неотступно просили, но Ковалевъ все не соглашался. Но съ возвращеніемъ Виталіи изъ острога, старушки снова окружили Ковалева своими просьбами.

— Скорѣй выпроваживай извозчиковъ (т. е. извозчиковъ, которые привезли арестованныхъ—Виталію и другихъ изъ тюрьмы).

— Выпроваживай извошиковъ и шукай ¹⁾ для насъ мѣсто, вези насъ въ скалу ²⁾, тамъ темно въ пещерѣ, тамъ въ пустотѣ мы умремъ.

— Но вы кашляете, не удержитесь отъ кашля, и васъ сейчасъ найдутъ.

На утро старухи стали снова просить Ковалева все о томъ же. Тутъ къ нимъ присоединилась Виталія. Она сказала:

— Сотвори ты милость, сотвори любовь, что ты за каменный: онѣ схимницы и кланяются тебѣ не достойному въ ноги.

Ковалевъ, уже чувствовавшій великую тяжесть на душѣ отъ первыхъ закапываній, старался по возможности отклонить отъ себя новую тяжелую миссію.

— Матушка, говорилъ онъ Виталіи, — теперь уже нѣту *переписи*, какъ бы грѣха не было.

Но Виталія и Поля Младшая на это страстно воскликнули: «Господи! спроси грѣхъ на насъ».

— Ну благословите, сказалъ послѣ этого Ковалевъ Виталіи; если на васъ грѣхъ, благословите, пойду, и рѣшился идти въ усадьбу Горзина (въ верстѣ отъ усадьбы Ковалевыхъ). Въ это время во всей усадьбѣ не было другихъ лицъ, кромѣ самой Горзиной, такъ что, по соображеніямъ Ковалева, въ этой усадьбѣ можно было разсчитывать провести нѣсколько часовъ, не рискуя встрѣтить свидѣтелей.

Въ 8-мъ часу вечера, когда едва начинало темнѣть, 12-го февраля, Ковалевъ вмѣстѣ съ тремя старухами и Виталіей направился въ усадьбу Горзина. Въ это время ему случилось проходить мимо сестры Авдоты, которая

¹⁾ Шукай т. е. ищи — мѣстное выраженіе.

²⁾ Извѣстныя каменоломни недалеко отъ хуторовъ.

сидѣла съ поникшей головой. Она, не подымая головы, дернула Федора за платье и тихо еле слышнымъ голосомъ сказала:

— Копай на *четыре*хъ.

— Что ты, сестра! да ты совсѣмъ слабая и безъ того сейчасъ помрешь.

Авдотья стала плакать.

— Для чужихъ стараешься, сказала она, — а для сестры не хочешь. Виталія вмѣшалась въ дѣло и сказала:

— Грѣха нѣтъ, копай и для нея.

Всѣ отправились въ усадьбу Горзина. Виталія шла впереди съ тремя старушками: Суховой, Полей Старшей и Викторіей Рассейской, за ними шелъ Ковалевъ. А Авдотья Ковалева съ трудомъ двигалась и постоянно отставала, такъ какъ была крайне слаба. — Пришли на мѣсто.

Уже раньше, Ковалевъ, *обдумывая мѣсто, идѣ можно бы закопать*, не находилъ такихъ укромныхъ угловъ въ усадьбѣ Горзина, гдѣ можно было бы вывести мину въ родѣ первыхъ двухъ, и объяснилъ своимъ спутницамъ, что можетъ ихъ закопать только въ простой ямѣ, если онѣ на это согласны. Тѣ на все соглашались.

Когда мѣсто было выбрано, Ковалевъ началъ копать яму, а *онъ пятеро*, говоритъ Ковалевъ, сидѣли тутъ же рядомъ. Авдотья еле живая, безжизненная сидѣла и смотрѣла тупо, безучастно, какъ братъ размѣрилъ мѣсто и началъ работу. Ковалевъ отмѣрилъ въ ширину столько мѣста, „*какъ на двухъ*“, и сталъ копать вглубь, постепенно расширяя могилу. Приготовленіе ямы потребовало около 6-ти часовъ времени, и только за полночь могила была готова. Она представляла собою обыкновенную могилу, какую роютъ для покойниковъ, съ тою разницею, что сверху она была „*вродѣ, какъ на двухъ*“, а внизу, „*какъ на четырехъ*“. Такую форму Ковалевъ при-

далъ могилѣ съ тою цѣлью, чтобы облегчить себѣ трудъ выемки земли. Глубина могилы была почти въ ростъ его самого. Когда могила была готова, онѣ переодѣлись въ смертныя платья. Послѣ этого Ковалевъ, стоя въ могилѣ, принялъ сестру, какъ ребенка, на руки и спустил ее въ могилу, такъ какъ она была крайне слаба, чтобы сойти самой. Послѣ этого Ковалевъ вылѣзъ изъ ямы и, подавая руку остальнымъ, помогалъ имъ спрыгнуть внизъ. Всѣ четверо улеглись на бокъ, рядышкомъ, плотно прижавшись одна къ другой и прикрывъ себѣ лицо полотенцемъ. Ковалевъ немедленно сталъ засыпать яму землей. По его словамъ, онъ кидаль землю на ноги и затѣмъ на туловище лежавшихъ въ могилѣ и, по-временамъ пріостанавливаясь, слышалъ, какъ онѣ шептались между собой: „прости, прости“. Ковалевъ избѣгалъ бросать землю на лицо и на тѣло, чтобы не причинять ударовъ, а направлялъ комки бросаемой земли по стѣнкамъ могилы, отъ которой земля отражалась, разбиваясь въ мелкіе комья. Прежде чѣмъ забросать землей голову и лицо, онъ пріостановился и сталъ слушать, не слышно-ли разговора, и не пожелаютъ-ли встать изъ могилы, но къ удивленію замѣтилъ, что уже не слышно ни разговора, ни движенія. Тогда онъ быстро бросилъ нѣсколько полныхъ лопать земли, которая закрыла головы. Послѣ этого Виталія велѣла ему утаптывать землю, и онъ, потоптавшись въ могилѣ, начиналъ снова забрасывать ее землей, снова топтался, снова бросалъ землю, пока не дошелъ до уровня почвы. Остальная земля была разбросана имъ и Виталіей, и все сравнено съ землей. Послѣ этого онъ и Виталія направились въ Ковалевскую усадьбу и вернулись туда уже на разсвѣтѣ послѣ четырехъ часовъ по полуночи.

Смерть четырехъ заживо засыпанныхъ землею лицъ

должна была произойти быстро и могла послѣдовать отъ прижатія землей грудной клѣтки, прежде даже, чѣмъ были засыпаны голова и лицо, или во всякомъ случаѣ, смерть наступила непосредственно вслѣдъ за прикрытіемъ лица землей. О быстрой смерти жертвъ свидѣлствуютъ знаки, найденные на трупахъ послѣ вынутія ихъ изъ земли, именно: сильно выпученные глаза, опухшій вынутый языкъ, синій цвѣтъ лица и проч. Этихъ признаковъ не было на трупахъ изъ первыхъ двухъ минъ, гдѣ смерть происходила гораздо медленнѣе.

ГЛАВА XI.

Реакція противъ самоистребленія.

Съ возвращеніемъ Виталии и другихъ изъ-подъ ареста, 9 февраля, нравственная атмосфера въ Терновскихъ хуторахъ существенно перемѣнилась, и это ясно сказалось при закапываніи третьей группы сектантовъ,—что произошло 12-го февраля. И настроеніе лицъ, которыя шли на смерть, и обстановка смерти рѣзко отличались отъ того, что мы видимъ при первыхъ двухъ закапываніяхъ (23 и 27 декабря). Протекшіе съ того времени полтора мѣсяца произвели перемѣну въ общемъ настроеніи сектантовъ и по всей вѣроятности и во взглядахъ ихъ на событія. Можно сказать, что уже замѣтна была и сказалась глубокая реакція противъ отвратительныхъ человѣкоубійственныхъ дѣйствій, которыя были внушены мирному населенію хуторовъ кружкомъ фанатическихъ затворницъ. Ѳедоръ Ковалевъ, безпрекословно зарывавшій первую и вторую группы и чувствовавшій себя при этомъ, какъ чело-вѣкъ, совершающій священнодѣйствіе, теперь согласился

на зарытіе третьей группы только послѣ продолжительныхъ просьбъ зарывавшихся старушекъ, послѣ неотступныхъ настаиваній ихъ и послѣ особыхъ просьбъ самой Виталіи, которая притомъ должна была дать, по его требованію, торжественное заявленіе, что она беретъ на себя *грѣхъ* этого дѣла. Въ самомъ скиту только одинъ чело- вѣкъ, слабый старикъ, согласно требованію Виталіи, *за- постился* по выходѣ изъ тюрьмы, но всѣ другіе не отка- зывались отъ *ѣды* *вполнѣ* и принимали пищу, хотя въ ограниченномъ количествѣ, но въ правильные промежутки. Изъ лицъ, жившихъ внѣ скита, т. е. изъ мірянъ, только Авдотья Ковалева оставалась абсолютно безъ *ѣды*, всѣ же другіе принимали пищу. Не остается сомнѣнія, что склонность къ самоистребленію значительно ослабѣла, и даже *на замореніе себя голодомъ* почти не находилось же- лающихъ. Самъ Ѳедоръ Ковалевъ не только возлагалъ отвѣтственность за закапываніе на Виталію, но и пытался возражать ей, высказывая сужденіе: «*матушка, нынче уже нѣтъ переписи, какъ бы грѣха не было*». Экстазь уже, ви- димо, проходилъ и появлялось размышленіе, разсудокъ вступалъ въ свои права. Самое закапываніе трехъ стару- шекъ и съ ними Авдотьи Ковалевой носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ первыя два закапыванія. Тамъ не было страха, тамъ былъ экстазь, люди находились въ уми- леніи, не были лишены способности выражать свои чув- ства, бесѣдовали, молились, плакали, радовались, были одушевлены надеждой и другими чувствами возбужда- ющаго характера. Здѣсь было противоположное душевное состояніе. Три старушки и Авдотья Ковалева находились подъ постоянными *нетущими* чувствами: у старушекъ былъ *страхъ и тяжелья ожиданія*, у Авдотьи Ковалевой *печаль и отчаяніе*, и это ясно сказалось въ послѣднюю минуту, когда *они четверо* сидѣли тупо, молча нѣсколько

часовъ, пока на ихъ глазахъ готовилась для нихъ могила. Ихъ закапываніе никакъ нельзя назвать вольной смертью, какъ у первой группы, напротивъ, это было простое, мрачное лишеніе себя жизни—самое обыкновенное самоубійство, вытекавшее изъ непобѣдимаго болѣзненнаго страха и отчаянія.

Такимъ образомъ, ко времени возвращенія Виталіи изъ тюрьмы, нравственная атмосфера, въ которой находилось въ послѣдніе мѣсяцы населеніе хуторовъ, значительно перемѣнилась, но эта благотворная перемѣна не коснулась тѣхъ лицъ, которыя были несомнѣнно психически-больны или находились въ состояніи тяжелаго психическаго недомоганія, именно — Авдотьи Ковалевой и трехъ старушекъ. Ихъ самоубійство является фактомъ чисто болѣзненнымъ, психопатическимъ въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Каково бы ни было наше мнѣніе о Виталіи, личность которой къ крайнему сожалѣнію осталась не выясненной, вслѣдствіе отсутствія наблюденія за нею въ тюрьмѣ,—не подлежитъ сомнѣнію, что въ ней самой начиналась реакція противъ того безумнаго фанатическаго дѣла, виновницей котораго она стала. Уже рѣзкое замѣчаніе, которое ей сдѣлала Авдотья Ковалева въ первый день ареста, когда она укоряла Виталію какъ-бы въ измѣнѣ прежнимъ ея убѣжденіямъ, показываетъ, что въ ту пору Виталія уже сознавала необходимость отступленія назадъ и сообразно этому измѣняла тонъ своихъ рѣчей и образъ дѣйствій,—что и ввело Авдотью Ковалеву въ заблужденіе. Но затѣмъ тюремное содержаніе съ отказомъ отъ пищи произвело совершенно противоположное дѣйствіе, и теперь дѣятельность Виталіи направилась далѣе не только по фанатическому, какъ было раньше, но отчасти по болѣзненному пути, въ силу остраго малокровія мозга.

Существенная перемѣна, которую мы видимъ въ душевномъ состояніи и дѣятельности Виталіи, состояла въ томъ, что она начинаетъ принимать меньшее участіе въ дѣлахъ и, видимо, начинаетъ испытывать страхъ. Она уже не заботится о новыхъ дѣлахъ, но главнымъ образомъ думаетъ о ликвидаціи старыхъ и всего болѣе заботится о сохраненіи втайнѣ того, что уже произошло. Она закликаетъ Ковалева никому не выдавать тайны дѣлъ, въ которыя онъ посвященъ, ни подъ какимъ видомъ не показывать мѣстъ, гдѣ произошли закапыванія; она употребляетъ заклинанія и религіозныя угрозы за нарушеніе этой тайны. Страхъ и упадокъ духа Виталіи въ особенности замѣтенъ въ томъ, что, какъ увидимъ ниже (см. глава XII), она гораздо меньше руководила событіями и сама подчинилась ихъ случайному теченію; самое закапываніе третьей группы является далеко не дѣломъ Виталіи, а состоялось по естественному ходу вещей. Наконецъ, Виталія, какъ-бы въ противоположность тому, что проповѣдывала и чего требовала отъ другихъ, начала втайнѣ отступать на дѣлѣ отъ своихъ собственныхъ убѣжденій. Требуя отъ всѣхъ поста, умѣряя и уменьшая порціи у скитниковъ, сама она, повидимому, употребляла пищу *не въ самыхъ скудныхъ размѣрахъ*, судя по тому, что ея трупъ найденъ не очень исхудалымъ, а въ ея желудкѣ и кишкахъ при вскрытіи найдены остатки пищи, тогда какъ у другихъ лицъ, вмѣстѣ съ нею закопавшихся, въ желудкахъ не найдено никакихъ остатковъ пищи¹⁾. При такихъ усло-

¹⁾ Что касается другихъ сторонъ ея жизни и поведенія, то загниlostью трупа состояніе внутреннихъ органовъ не могло быть изслѣдовано и потому нѣкоторые существенные вопросы остались неразъясненными; вскрытіе же лучше сохранившагося трупа Авдотьи Ковалевой показало, что она была дѣвственница.

віяхъ рѣшимость самой Виталіи закопаться съ перваго раза *не* представляется естественной и понятной. Мы тѣмъ не менѣе постараемся дать посильное объясненіе на основаніи добытыхъ нами фактовъ.

Повидимому, главнѣйшимъ условіемъ, поколебавшимъ вѣру и фанатизмъ Виталіи, была указанная уже нами выше реакція противъ самоистребленія; но еще большее вліяніе произвелъ начинавшійся общественный судъ, сказавшійся въ стоустой молвѣ. Въ народѣ слышались проклятія и ужасъ противъ закапываній, о которыхъ, какъ говорилъ Ковалевъ, повсюду рассказывали—какъ въ колокола звонили. Еще не было раскрыто дѣло, еще не были найдены могилы, но общій говоръ о страшныхъ Терновскихъ событіяхъ уже стоялъ въ воздухѣ, и виновница этихъ событій уже чувствовала на себѣ всю тяжесть приговора народной, а быть можетъ, и своей собственной совѣсти. Упадокъ духа Виталіи очевиденъ, и ея самоубійство является событіемъ, вытекавшимъ изъ страха и отчаянія. Это вовсе не былъ торжественный актъ, какимъ было первое закапываніе, это было суетливое бѣгство растерянной души съ лица земли.

ГЛАВА XII.

Событія предъ смертью Виталіи.

Событія между 12-мъ и 28 февраля, т. е. отъ времени закапыванія третьей группы до закапыванія Виталіи, носятъ на себѣ характеристическій отпечатокъ случайности и отсутствія руководящаго начала. Какъ можно за-

ключить изъ разказовъ Ѳедора Ковалева и старика Я. Я., у Виталіи не было опредѣленнаго плана, и она предписывала только постъ, но сама, какъ мы видѣли, не вполнѣ строго слѣдовала этому режиму. Состояніе общаго упадка духа и общаго гнета овладѣло всѣми. Но въ особенности это состояніе сказалось на старухѣ Ковалевой. Быть можетъ, во всѣхъ Терновскихъ событіяхъ никто больше ея не пострадалъ душою. Она потеряла все, что было самага дорогаго—свою наиболѣе даровитую и наиболѣе мягкую и симпатичную дочь Авдотью, потеряла горячо любимую невѣстку и двухъ внучатъ, потеряла въ числѣ закопанныхъ много другихъ лицъ, болѣе или менѣе близкихъ родныхъ. Оставшіеся въ живыхъ не могли дать ей утѣшенія въ страшныхъ потеряхъ. Но въ особенности она страдала, при видѣ Ѳедора Ковалева, который изъ веселаго семьянина, окруженнаго молодой жизнью, сдѣлался полузатворникомъ, полумонахомъ, перешелъ на житье въ скитъ и при свиданіяхъ съ матерью приводилъ ее въ отчаяніе своимъ тупымъ видомъ и страданіями, которыя онъ начиналъ чувствовать, и о которыхъ первая узнала мать. Но болѣе всего на старухѣ Ковалевой отражался гнетъ того факта, что она являлась главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за все случившееся, какъ старшая въ семьѣ, какъ хозяйка дома, съ согласія которой совершились всѣ событія, такъ какъ Виталія, какъ нами уже было упомянуто (см. выше стр. 172), хотя распорядилась всѣмъ самовластно, обо всемъ однако-же сообщала старухѣ Ковалевой, видимо, желая подкрѣпить себя ея авторитетомъ и отвѣтственностью. «Тетиньки»—какъ называла Виталія старуху Ковалеву—обо всемъ докладывалось, на все спрашивался якобы ея совѣтъ. Самая рѣшимость колебавшагося Ѳедора Ковалева закопаться въ первой группѣ состоялась, главнымъ образомъ, подъ нравственнымъ давленіемъ

матери. Такимъ образомъ, старуха Ковалева на своей душѣ носила всю тяжесть совершившихся событій. Нравственный гнетъ, который она испытывала, былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что вся ея жизнь прошла честно, добродѣтельно, въ любви къ людямъ и къ своимъ близкимъ, и ничто не предвѣщало ей такой страшной старости.

Какъ можно судить по рассказамъ Ѳедора Ковалева, душевное состояніе его матери было чрезвычайно тяжелое, и это рѣзко отразилось на ея внѣшнихъ чертахъ. Ея лицо потемнѣло, глаза впали, черты лица опустились, и весь корпусъ ея согнулся впередъ и вбокъ: она представляла самый жалкій видъ. Она стала молчаливой и проводила время въ своемъ крошечномъ флигелькѣ вблизи скита, гдѣ она постоянно находилась въ обществѣ своего сына Дмитрія. Этого Дмитрія одни считали *полуумнымъ*, другіе называли его *глухо-ньмымъ*. Онъ жилъ въ передней того помѣщенія, которое занимала Ковалева. Уголь, въ которомъ жилъ Дмитрій, представлялъ собой крошечное пространство безъ свѣта, отдѣленное отъ остальной комнаты простой соломой, связанной въ снопики. Помѣщеніе это ничѣмъ не отличалось отъ логовища животного. Здѣсь жилъ психически-больной Дмитрій и своимъ тупымъ и молчаливымъ видомъ не могъ дать матери другихъ впечатлѣній, кромѣ самыхъ тягостныхъ. Но старуха Ковалева не разлучалась съ нимъ, и онъ былъ единственный близкій человѣкъ, такъ какъ Ѳедоръ въ тоскѣ, уже овладѣвшей имъ, избѣгалъ общества даже матери и проводилъ время въ скитѣ.

Независимо отъ тяжелыхъ нравственныхъ чувствъ, которыя переживала старуха Ковалева, ее сильно тревожила все расширявшаяся и росшая молва о закапываніяхъ. Подъ влияніемъ этой молвы, быть можетъ, и по другимъ соображеніямъ, нѣкоторые изъ чиновъ полиціи предлагали

Ковалевой не то требованіе, не то добрый житейскій совѣтъ, чтобы она дала запись живущихъ у нея неизвѣстныхъ лицъ, или хотя временно выпроводила бы ихъ отъ себя, пока стихнетъ народный говоръ.

— Ты запиши ихъ — «Галька», «Манька» — или какъ угодно, говорили совѣтники, и пусть себѣ живутъ, какъ жили раньше — никто васъ не тронетъ (такъ рассказываетъ про это Ѳедоръ Ковалевъ).

Сношенія съ властями, никогда раньше не пугавшія Ковалеву, какъ женщину всѣмъ извѣстную и безукоризненную по своей репутаціи, — теперь ее уже сильно безпокоили, въ виду возможности раскрытія страшной тайны, сохраненіе которой изо дня въ день становилось все менѣе и менѣе вѣроятнымъ.

Съ психологической точки зрѣнія является трудно понятнымъ фактъ, почему въ это именно время Виталія все свое вліяніе сосредоточила на старухѣ Ковалевой и, оставивши безъ вниманія другихъ, остановилась именно на ней, запугивала ее и непрерывно твердила: *«ты пропадешь безъ меня, тебя врагъ уловитъ хитростью»*. Эти и подобнаго рода выраженія, по словамъ Ѳедора Ковалева, постоянно слышались въ бесѣдахъ Виталіи съ его матерью. Судя по многимъ даннымъ, собраннымъ нами, необходимо заключить, что Виталія въ это время уже имѣла въ виду лишеніе себя жизни и всю силу своего характера употребляла на то, чтобы склонить старуху Ковалеву на совмѣстную съ нею смерть; о другихъ лицахъ Виталія заботилась меньше, но равнымъ образомъ имѣла положительное намѣреніе, какъ увидимъ ниже, вовлечь и ихъ въ мрачную драму общей гибели. Мы называли раньше это стремленіе Виталіи трудно понятнымъ съ психологической точки зрѣнія, и оно въ самомъ дѣлѣ не перестаетъ быть такимъ, несмотря на всѣ усилія проникнуть въ его смыслъ.

Повидимому, эта психологическая загадка должна быть или может быть объяснена такимъ образомъ, что Виталія не хотѣла смерти, боялась ея и избѣгала: посылая другихъ на смерть, въ могильныя ямы, сама она предполагала оставаться въ живыхъ. Она смѣло истребляла людей, думая, что этимъ путемъ *спасаетъ* ихъ, хотя въ то же время рѣшительно не имѣла въ виду примѣнять къ самой себѣ подобное средство *спасенія*. Но кажется гораздо вѣроятнѣе, что широко жертвуя человѣческими жизнями, Виталія думала не столько о спасеніи людей, сколько о торжествѣ дѣла, которому служила и которому отдалась. Но когда обстоятельства и неумолимая логика вещей стали изрекать свое грозное, судное слово, когда реакція и ропотъ сказались въ средѣ, прежде ей безпрекословно повиновавшейся, когда страхъ уголовной ответственности чуялся въ воздухѣ, — Виталія пришла къ мысли о неизбѣжности самоубійства и, ужасаясь самой мысли быть одной, она съ рѣшительностью и изобрѣтательностью, свойственной ея характеру, составила планъ самоубійства, обставленный всѣмъ ореоломъ того положенія, которымъ она пользовалась въ скитѣ и въ средѣ населенія Терновскихъ хуторовъ. Это было одно изъ тѣхъ безпощадныхъ и холодныхъ рѣшеній, на которыя способна была эта женщина, не чувствовавшая до поры до времени страха передъ самыми страшными вещами.

Стремленіе Виталіи, во что бы то ни стало, привлечь Ковалеву къ самоубійству не подлежитъ сомнѣнію, судя по рассказамъ Федора Ковалева и старика Я. Я. Для этого она пользовалась всѣмъ и не упускала ни одного случая. Такъ, когда Ковалевой, со стороны полиціи, данъ былъ совѣтъ записать жильцовъ хоть вымышленными именами то Виталія тотчасъ воспользовалась этимъ случаемъ, говоря, что *«вѣдь хочется хитростью обойти ее, хитрымъ*

крючкомъ захватить ее“, и при этомъ добавила, что безъ нея Ковалева „попадетъ въ разставленныя врагомъ сѣти“, что въ виду этого должна жить и умереть вмѣстѣ съ нею. Состояніе Ковалевой было таково, что, независимо отъ тяготѣвшаго надъ нею авторитета Виталии, къ самоубійству ее могли побудить тоска и отчаяніе, вызванныя всѣмъ совершившимся, и готовый примѣръ многихъ предшествовавшихъ смертей. Повидимому, никто такъ долго не сопротивлялся мысли о самоубійствѣ, какъ старуха Ковалева. Это видно изъ того, что убѣжденія Виталии, склонявшей Ковалева, были многочисленны и продолжительны, какъ это видно изъ словъ Ковалева. Ускорило развязку обстоятельство случайное въ смыслѣ историческомъ или прагматическомъ, но неизбѣжное и крайне характерное въ смыслѣ психической патологии. Всѣ выдающіяся событія человѣческой жизни не обходятся безъ того, чтобы субъекты психически-больные не приняли участія въ общихъ дѣлахъ и не выступили дѣятелями въ ту минуту, когда здоровые растерялись или изнемогли въ жизненной борьбѣ. Такъ было, на примѣръ, въ дни Парижской коммуны, когда умалишенные попали въ составъ правительства и произвели рядъ дѣйствій, вытекавшихъ изъ ихъ болѣзней ¹⁾. Подобное мы видимъ въ Терновскихъ событіяхъ: дѣятелемъ явился слабоумный Дмитрій Ковалевъ.

Какъ мы уже упоминали выше, о болѣзненномъ состояніи Ковалева существовали различныя мнѣнія: одни считали его глухо-нѣмымъ, другіе полуумнымъ. Для нашей задачи является весьма существеннымъ дѣломъ правильное рѣшеніе вопроса—чѣмъ былъ Дмитрій Ковалевъ. Хотя

¹⁾ Laborde. Les hommes et les actes d'insurrection de Paris, devant la psychologie morbide. Paris, 1872.

его называли глухо-нѣмымъ, однако же не подлежить сомнѣнію, что онъ обладалъ слухомъ, ибо, по словамъ Ѳедора, онъ по-временамъ очень хорошо слышалъ. Съ другой стороны Дмитрій Ковалевъ не былъ и нѣмымъ, такъ какъ, хотя вообще онъ былъ молчаливъ и иногда по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ ничего не говорилъ, однакоже по-временамъ говорилъ очень ясно и отчетливо. Наконецъ, еще одной чертой, свойственной Дмитрію, была его крайняя возбужденность, наступавшая по-временамъ и заставлявшая даже брать его на цѣпь. Тотъ, кто знакомъ съ психическими болѣзнями, не затруднится, на основаніи приведенныхъ фактовъ, распознать въ Дмитріѣ Ковалевѣ больного, страдающаго *идіотизмомъ*. Больные этого рода мало или вовсе не говорятъ, вслѣдствіе слабости мыслительныхъ процессовъ; но въ лихорадочномъ жару—при дѣйствіи на мозгъ горячей крови, а также въ возбужденномъ состояніи подъ вліяніемъ прилива крови къ головѣ, — они вдругъ начинаютъ хорошо говорить и проявляютъ умственныя способности, превышающія обычную всеневную норму ихъ ума. Таковъ былъ именно Дмитрій Ковалевъ, какъ въ томъ мы убѣдились изъ разспросовъ о немъ брата его Ѳедора. Хотя Дмитрій Ковалевъ присутствовалъ при первомъ закапываніи, но, повидимому, потрясающая сцена не оставила на немъ никакого впечатлѣнія. Равнымъ образомъ, на немъ, казалось, не отразились и всѣ другія событія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Такъ какъ его присутствіе, обыкновенно, никого не стѣсняло, то отъ него, какъ и отъ ребенка, не держали никакихъ секретовъ. Однакоже исключительныя событія отразились и въ его тупой головѣ, и вотъ, однажды, онъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, произнесъ патетически монологъ, который поразилъ мать, но въ особенности поразилъ Ѳедора. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Дмитрій сталъ въ позу и страстно заговорилъ:

— Мать, что ты все вотъ такъ, да такъ.

При этихъ словахъ Дмитрій не безъ искусства скопировалъ согнутую, несчастную фигуру своей матери.

— Что ты журишься ¹⁾, продолжалъ онъ, плюнь на все, а тамъ—при этомъ онъ указалъ на небо—тамъ будетъ тебѣ хорошо.

Сцена эта произвела большое впечатлѣніе на старуху Ковалеву. Она произвела также сильное впечатлѣніе и на Ѳедора Ковалева и, быть можетъ, заставила колебавшагося Ѳедора взять на себя предстоящую ему страшную роль закопать мать. До какой степени описанная сцена имѣла вліянія на Ѳедора Ковалева можно заключить изъ того, что во время свиданія нашего съ Ковалевымъ 28-го іюня, Ковалевъ, нынѣ уже почти освободившійся отъ тумана, которымъ онъ былъ окутанъ, все еще выражалъ изумленіе передъ описанной сценой съ его братомъ и даже до нѣкоторой степени былъ того мнѣнія—не говорилъ ли его братъ по внушенію свыше, и въ этомъ смыслѣ даже предложилъ намъ вопросъ. Но въ ту пору, когда сама сцена произошла, Ѳедоръ Ковалевъ принималъ ее за небесное откровеніе.

Виталія воспользовалась словами Дмитрія Ковалева и склонила старуху—его мать умереть вмѣстѣ съ нею, еще разъ подтвердивши: «ты безъ меня пропадешь».

Какимъ образомъ склонены были къ общей смерти другіе участники, объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но нѣкоторыя высоко интересныя сообщенія по этому вопросу получены нами отъ старика Я. Я. Это прежде всего касается вопроса о способѣ самоубійства.

Повидимому, Виталія страшилась всѣхъ другихъ видовъ смерти, кромѣ медленной смерти отъ голода.

¹⁾ Горюешь—мѣстное выраженіе.

По освобожденіи ея изъ-подъ ареста, 9-го февраля, она, кажется, остановилась на мысли о лишеніи себя жизни путемъ голоданія. Въ этомъ направленіи дѣло и поведено было первоначально. По словамъ старика Я. Я., порціи обитателей скита были значительно сокращены, а тѣмъ, кто изъяслялъ на то согласіе, вовсе не давалась ни пища, ни питьё, какъ, на примѣръ, старику, который былъ въ числѣ арестованныхъ и по выходѣ изъ тюрьмы не принималъ пищи и скоро умеръ. Но, повидимому, голоданіе было слишкомъ тяжело для Виталии и, хотя она привыкла къ постной и умѣренной пищѣ, но полный отказъ отъ пищи и медленная смерть отъ голода была для нея нестерпимой, и она употребляла пищу, какъ показало вскрытіе ея тѣла. Но затѣмъ, неожиданно и рѣшительно у нея родился другой планъ, именно смерть чрезъ закапываніе *въ очень тѣсномъ пространствѣ*. Быть можетъ, быстрая смерть Авдотьи Ковалевой и трехъ старушекъ — свидѣтелемъ чего Виталія была — остановила ея мысль на этомъ способѣ, тѣмъ болѣе, что смерть отъ закапыванія въ минахъ, по ея мнѣнію, могла быть слишкомъ продолжительной, судя потому, что первой группѣ закопавшихся она указывала трехдневный срокъ мученій, а она, безъ сомнѣнія, съ цѣлью успокоенія и ободренія навѣрно показала возможно краткій срокъ. Можно предположить, что въ дѣйствительности она считала этотъ срокъ болѣе продолжительнымъ, и ея воображеніе сразу отвернулось отъ перспективы столь продолжительныхъ мукъ. Такимъ образомъ, она остановилась на мысли о закапываніи въ *въ очень тѣсномъ пространствѣ*. Этотъ способъ являлся среднимъ между закапываніемъ въ просторныхъ минахъ первой и второй партіи и закапываніемъ живьемъ третьей партіи. Она была свидѣтельницей этого послѣдняго вида смерти и, при всей ея холодности, не могла не ужаснуться мысли о подобной смерти для нея самой.

Когда Виталія остановилась на способѣ смерти, она прямо и открыто объявила жильцамъ скита о состоявшемся рѣшеніи. Увѣренность ея въ согласіи всѣхъ была такъ полна, что назначенъ былъ срокъ, именно ночь на 21-е февраля, для исполненія. Къ удивленію своему, Виталія встрѣтила неожиданное препятствіе въ старикѣ Я. Я., который рѣшительно отказался закопаться. Этотъ старикъ уже и раньше, въ пору первыхъ закапываній, не раздѣлялъ мысли о необходимости насильственной смерти и склоненъ былъ думать, что такого рода смерть равносильна наложенію на себя рукъ. Теперь онъ твердо заявилъ Виталіи свой рѣшительный отказъ. Между нимъ и Виталіей произошелъ слѣдующій обмѣнъ мнѣній. Видя сопротивленіе старика, Виталія сказала, что больше не остается Святыхъ Тайнъ для причащенія, что имѣется всего для одного раза; между тѣмъ ему—старикѣ весьма необходимо причащаться всякіе сорокъ дней и не стоитъ отсрочивать смерти при такихъ условіяхъ. На это старикъ замѣтилъ: *„Нынче Тайнъ нѣтъ, а тамъ Богъ пошлетъ, откуда-нибудь получимъ“*. Тогда Виталія сказала, что имѣющіяся у нея Тайны—старыя, отъ старинныхъ хорошихъ поповъ, а нынѣшнія Тайны отъ теперешнихъ поповъ той силы не имѣютъ, и что онъ, старикъ, продолжая жизнь, будетъ лишенъ тѣхъ средствъ спасенія, на которыя рассчитываетъ, такъ какъ нынѣшніе попы и даже и архіереи *„одни противъ друиыхъ орудууютъ“* и Тайнъ не выдають.

Такъ какъ Виталія была сильнѣе старика Я. Я. въ діалектикѣ, то онъ разговора съ нею продолжать не могъ, но прибѣгнувъ къ извороту, сказавъ:

— *Матушка, вы всѣ долю молились, а я всею три недѣли, какъ надѣлъ черное платье, я еще недостаточно молился, мнѣ еще надо помолиться, еще я не готовъ на смерть.*

Отказъ старика Я. Я. сильно разгнѣвалъ Виталію. Послѣдствіемъ этого было то, что старикъ Я. Я., бывшій съ другимъ старикомъ въ одной кельѣ, немедленно былъ отъ него отдѣленъ и помѣщенъ особо, въ отдѣльную камеру и два дня не получалъ никакой пищи.

Отказъ старика Я. Я. произвелъ такое сильное дѣйствіе, что закапываніе, назначенное на этотъ день, было отмѣнено и затѣмъ оно произошло, недѣлю спустя, въ ночь на 28-е февраля. Объ этомъ Я. Я. узналъ только впослѣдствіи. Со времени его отказа, ему не сообщали больше никакихъ новостей, держали его въ строгомъ уединеніи и крайне скудно и неаккуратно кормили.

Какъ было выше нами сказано, въ числѣ причинъ, побудившихъ Виталію на самоубійство, былъ страхъ гражданской отвѣтственности за учиненныя, при ея участіи, закапыванія. Хотя власти еще ничего не знали о ея участіи въ этомъ, но она, видимо, боялась, и ея подозрѣнія до крайности усилились послѣ ареста. Хотя она была отпущена на свободу, но за нею, какъ и за другими, былъ установленъ надзоръ полиціи, и обстоятельство это, видимо, сильно тревожило Виталію и другихъ, на совѣсти которыхъ уже лежалъ гнетъ совершенныхъ тяжкихъ дѣяній. Надзоръ полиціи, въ формѣ пребыванія одного или двухъ низшихъ чиновъ полиціи въ усадьбѣ, не оставлялъ въ покоѣ Виталію. Когда въ февралѣ произошелъ обычный въ это время разливъ Днѣстра, который окружилъ Ковалевскую усадьбу кольцомъ быстро текущихъ водъ, то два полицейскіе ушли изъ усадьбы, захвативши съ собой лодки и лишивши тѣмъ всѣхъ жильцовъ возможности уйти изъ усадьбы. Въ это именно время произошло закапываніе. Самое событіе случилось въ ночь на 28-го февраля, слѣдовательно, болѣе двухъ мѣсяцевъ спустя послѣ перваго закапыванія.

Взвѣсивая данныя и впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ бесѣдъ съ Ѳедоромъ Ковалевымъ и старикомъ Я. Я., мы приходимъ къ убѣжденію, что въ описываемое время *страхъ былъ господствующимъ чувствомъ*, которое испытывала Виталія, и которымъ объята были жители скита. Старуха Ковалева находилась почти подъ исключительнымъ гнетомъ тоски и печали. Ѳедоръ Ковалевъ при всей спутанности, которой характеризовалось его душевное состояніе, сталъ испытывать чувство горя отъ потери близкихъ съ зачинавшимся въ глубинѣ души сознаниемъ величайшихъ несчастій, въ центрѣ которыхъ онъ, помимо своей воли, сталъ.

Главнѣйшимъ аргументомъ, къ которому Виталія въ это время наиболѣе прибѣгала, было злуговиваніе угрозами земныхъ и небесныхъ каръ, между тѣмъ какъ раньше въ ея словахъ звучала надежда, указаніе на грядущія блага и проч. Но характерно, что въ самыхъ аргументахъ Виталіи, навѣянныхъ страхомъ, чуялся логическій недочетъ, и это очень тонко подмѣчено старикомъ Я. Я. и названо „недоумьніемъ“. „*Это у нихъ просто было одно недоумьніе*“, сказалъ Я. Я.; причемъ изъ разговоровъ со старикомъ можно было убѣдиться, что слово недоумьніе въ его рѣчи имѣетъ то же самое значеніе, какое мы даемъ словамъ *недомысліе, непониманіе, заблужденіе*.

ГЛАВА XIII.

Смерть Виталіи и другихъ (четвертая группа).

Уже, вѣроятно, вскорѣ послѣ закапыванія третьей группы, Виталія быстро перешла отъ мысли о запощеніи

къ рѣшенію закопаться; но присутствіе въ усадьбѣ полицейскихъ чиновъ являлось обстоятельствомъ, крайне затруднявшимъ продолжительную процедуру, какая требовалась этимъ видомъ лишенія себя жизни. Повидимому, Виталія выжидала болѣе благопріятныхъ условій и продолжала готовить своихъ единомышленниковъ болѣе строгимъ, а себя болѣе умѣреннымъ, воздержаніемъ отъ пищи къ послѣдному шагу. Непосредственно вслѣдъ за отѣздомъ полицейскихъ чиновъ изъ усадьбы послѣдовало закапываніе.

Мѣстомъ для закапыванія былъ избранъ тотъ самый погребъ, котораго такъ добивались три старушки третьей группы, т. е., погребъ въ усадьбѣ Омина, гдѣ зарылась первая группа. Этотъ погребъ находился очень близко отъ усадьбы Ковалевыхъ и скита, что значительно облегчало предстоящую задачу.

Сравнительно поздно въ ночь на 28-е февраля направились туда всѣ участники мрачнаго дѣла.

На этотъ разъ все шло съ чрезвычайной торопливостью. Ночи, по справедливому замѣчанію Оедора Ковалева, были уже въ это время года короче, и уже по одному этому необходимо было торопиться, чтобы до наступленія утренней зари со всѣмъ покончить. Яму могли рыть только двое мужчинъ—Оедоръ Ковалевъ и его братъ Дмитрій. Но болѣе всего посигѣшность внушена была Виталіей, которая и съ первыми закапываніями торопилась, а здѣсь время ожиданія лично для нея, какъ для жертвы, могло быть особенно тягостнымъ; въ силу этого она чрезвычайно торопила обоихъ работавшихъ Ковалевыхъ и со всѣми почти присутствующими помогала приготовленію мины, причемъ сама она трудилась болѣе другихъ, убирая землю.

Прежней мины, которая заключала въ себѣ тѣла первой группы закопавшихся, не коснулись, но было назначено Виталіей смежное мѣсто, именно лѣвая боковая стѣнка погреба, въ которой стали рыть мину въ направленіи перпендикулярномъ или нѣсколько подъ угломъ къ первой минѣ. Разстояніе входныхъ отверстій первой и настоящей мины было не болѣе двухъ съ половиной или трехъ аршинъ. Вырытая мина представляла собою широкую, но невысокую нишу, дно которой было на одномъ уровнѣ съ дномъ погреба или нѣсколько ниже. Ниша была въ длину около двухъ аршинъ, шириной около трехъ съ половиной, а въ высоту имѣла не болѣе трехъ четвертей аршина. Чтобы прорыть мину было необходимо вынуть нѣсколько камней неглубокаго фундамента боковой стѣнки погреба. Когда яма была готова, быстро послѣдовала торопливая неторжественная процедура закапыванія. Несчастныя жертвы помѣстились въ минѣ въ слѣдующемъ, кажется, порядкѣ: Дмитрій Ковалевъ, Виталія, Поля Младшая, Таисія Рассейская и старуха Ковалева. Вырытая ниша была достаточно широка, чтобы въ ней помѣстились шесть человѣкъ, лежа бокомъ вплотную другъ къ дружкѣ, но длина ниши была короче роста человѣка, и всѣ помѣстившіеся въ этой, поспѣшно сдѣланной, неудобной могилѣ должны были согнуться, прижавъ голову къ груди и поджавъ ноги. Когда они улеглись, Ѳедоръ Ковалевъ, по распоряженію Виталіи, заложилъ мину камнями, засыпалъ землей и утрамбовалъ. На этотъ разъ, совершенно одинъ, Ковалевъ быстро ушелъ отъ этого страшнаго мѣста и страшнаго дѣла!

Что касается психическаго состоянія, въ которомъ находились въ послѣднюю ночь закопавшіеся, то оно ближе всего подходитъ къ общей спутанности чувствъ, вытекающей изъ страха. Наболѣе была свободна отъ

этого Виталія. Для нея предствившая смерть была болѣе всего слѣдствіемъ убѣжденія въ необходимости подобнаго шага. Ея послѣднія распоряженія касались болѣе всего сокрытія тайны. Она многократно передавала въ этомъ смыслѣ Ѳедору Ковалеву свои распоряженія, сопровождаемыя клятвами и религіозными угрозами. Виталія грозила Ковалеву страшной отвѣтственностью, если, по его винѣ, тѣла закопанныхъ, въ особенности ея тѣло, будутъ открыты. «Тебѣ будетъ великій грѣхъ, если насъ откроютъ», сказала она. Она, между прочимъ, мотивировала свое требованіе и тѣмъ, что открытіе труповъ можетъ повлечь за собою вскрытіе тѣлъ. Сказался-ли въ этомъ требованіи обычный человѣческой страхъ при мысли о вскрытіи собственнаго тѣла, или же имѣлись въ виду со стороны Виталіи религіозныя или иныя основанія,—осталось неизвѣстнымъ. Затѣмъ, она взяла съ Ковалева строгое клятвенное обѣщаніе, что онъ, послѣ ихъ смерти, не останется въ живыхъ. Она прямо говорила ему: *„не живи послѣ насъ, не пий, умри съ голоду“*. Въ отвѣтъ на это Ковалевъ далъ обѣщаніе: *„какъ васъ зарюю, не буду жить“*.

Изъ подробностей, относящихся къ самой смерти, можемъ привести только, что, легши въ могилу, всѣ жертвы тихо шептались между собой, слышалось, какъ они говорили: *„прости, прости,“* старались поудобнѣе лечь въ тѣсномъ помѣщеніи. Наблюденія единственнаго свидѣтеля событій Ѳедора Ковалева, который и самъ былъ въ это время сильно взволнованъ, носятъ характеръ отрывочный. Впрочемъ, при быстротѣ и торопливости, съ которой шло дѣло, психическое состояніе жертвъ, кромѣ страха и спутанности, едва ли могло содержать другіе элементы.

Пространство, въ которомъ были заключены шесть жертвъ, хотя и допускало нѣкоторую вентиляцію черезъ заложенное входное отверстіе, но въ сущности помѣщеніе было такъ мало, что жизнь могла продолжаться самое короткое время—отъ десяти до двадцати минутъ.

По вскрытіи ямы 6-го мая, погребенные найдены одѣтыми въ монашеское платье, какъ и въ первыхъ группахъ, а Виталія была одѣта въ костюмъ раскольниковъ схимницы, который представлялъ собою длинное суконное платье съ капюшономъ, надѣвавшимся на голову. Все это платье было расшито нашивками и надписями на церковно-славянскомъ языкѣ. По снятіи съ Виталіи одежды, при вскрытіи тѣла, на ней найдены вериги въ формѣ двухъ крестовъ, изъ которыхъ одинъ приходился на груди, другой на спинѣ, причемъ оба были между собою соединены въ верхней и нижней части мѣдной цѣпью небольшого вѣса. Нижняя часть этой цѣпи въ видѣ пояса охватывала тѣло, и концы ея захвачены были замкомъ, ключа къ которому не было.

Кромѣ того при трупѣ Виталіи найдена небольшая жестянка изъ-подъ икры, на которой остались печатныя наклейки съ обозначеніемъ торговой фирмы. Въ жестянкѣ этой находилась небольшая серебряная чаша, крошечная ложечка и шелковый платочекъ для вытиранія губъ, т. е., предметы, относящіеся къ причащенію. Найдены были также старинныя книги и другіе предметы.

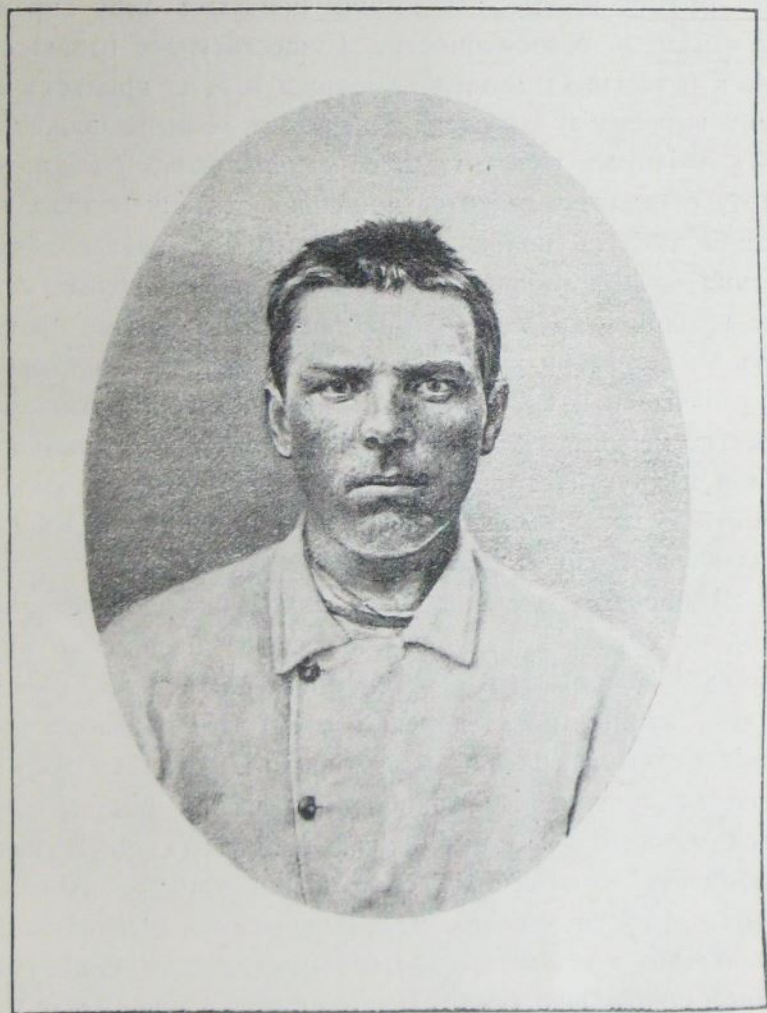
ГЛАВА XIV.

Федоръ Ковалевъ.

Когда былъ арестованъ Федоръ Ковалевъ, и стали извѣстны главнѣйшія подробности Терновскихъ событій, взрывъ общаго негодованія былъ направленъ противъ Федора Ковалева, какъ главнаго, казалось, виновника страшныхъ дѣлъ. Даже въ прессѣ можно было встрѣтить выраженія, характеризовавшія Федора Ковалева, какъ изувѣра и самаго дикаго человѣка, какого воображеніе можетъ представить себѣ. Событія, въ центрѣ которыхъ сила вещей поставила Ковалева, были такъ исключительны и такъ ужасны, что человѣческая мысль не могла не облечь въ тѣ же, ужасныя краски и человѣка, который стоялъ среди этихъ событій и принималъ въ нихъ столь видное участіе. Однакожь, уже и теперь можно сказать, что участіе Ковалева въ Терновскихъ событіяхъ, хотя и было очень *виднымъ*, но далеко не было существеннымъ. Намъ, какъ и всякому, казалось естественнымъ познакомиться поближе съ этимъ человѣкомъ, чтобы тѣмъ до нѣкоторой степени, облегчить себѣ пониманіе бытовыхъ явленій, которыя при первомъ взглядѣ на нихъ вызвали ужасъ, но при ближайшемъ ознакомленіи возбуждаютъ совершенно другое чувство... — безграничную гражданскую скорбь.

Первоначально мы составили себѣ нѣкоторое представленіе о Ковалевѣ изъ разсматриванія его фотографіи, снятой съ него вскорѣ по заарестованіи его, т. е. въ концѣ апрѣля. Затѣмъ два мѣсяца спустя мы имѣли случай видѣть его лично, именно—28-го іюня. Впечатлѣніе получилось весьма неодинаковое, такъ какъ черты лица въ апрѣлѣ и въ іюнѣ оказались существенно различными,

притомъ въ такой степени, какъ это приходится наблюдать лишь весьма рѣдко. Какъ показываетъ прилагаемая

Федоръ Ковалевъ.

фототипія, сдѣланная съ Тираспольской фотографіи, на лицѣ Ковалева ясно отпечатлѣваются слѣдующія черты:

Сокращеніе мышцы, сдвигающей брови.

Сокращеніе пирамидальной мышцы носа.

Сокращеніе мышц, опускающих углы рта.

Вмѣстѣ взятая, эти мышцы придаютъ лицу выраженіе печали и озлобленности. Существующее напряженіе всѣхъ остальныхъ мышцъ туловища и лица придаетъ общему выраженію Ковалева отпечатокъ воли, напряженной подъ влияніемъ чувствъ, т. е., *фанатической рѣшимости*. Этотъ отпечатокъ значительно усиливается еще и тѣмъ, что мышцы обѣихъ половинъ лица сокращены неравномѣрно, именно—лѣвая лобная мышца сокращена значительно сильнѣе правой, отъ чего лѣвая бровь стоитъ выше правой, а въ то же время круговая мышца глаза правой стороны сокращена сильнѣе, чѣмъ на лѣвой, отчего правый глазъ кажется меньше лѣваго. Эта неравномѣрность мимики на одной и другой сторонѣ лица является знакомъ вырожденія и указываетъ на принадлежность Ковалева къ психопатической семьѣ.

Наше ознакомленіе съ чертами лица Ковалева, при личномъ свиданіи съ нимъ, показало совершенно иную мимику, именно—почти незамѣтное сокращеніе пирамидальной мышцы носа, а равно отсутствіе рѣзкаго напряженія въ мышцахъ лица и туловища. Но вмѣсто того замѣчается сокращеніе верхней обрительной мышцы, сдвигателя бровей и мышцы, опускающей уголь рта. Въ такой комбинаціи мимическихъ сокращеній, фигура Ковалева производитъ впечатлѣніе человѣка *доброю, преданною тихой грусти и грустному раздумью* (единовременное умѣренное сокращеніе орбитальной мышцы и сдвигателя бровей). Вмѣстѣ съ тѣмъ неравномѣрность мимики стала замѣтна меньше, что указываетъ на то, что нѣкоторыя природныя неправильности въ характерѣ, рѣзко замѣтныя въ апрѣлѣ 1897 года, къ 28 іюня значительно сгла-

дильсь. Столь рѣзкая перемѣна въ чертахъ, происшедшая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, почти разрѣшаетъ вопросъ о

Федоръ Ковалевъ
(въ костюмѣ раскольничьяго монаха).

значеніи и сущности участія Ковалева въ Терновскихъ событіяхъ. Въ періодъ этихъ событій Ковалевъ находился

подъ могущественнымъ вліяніемъ другой личности и въ такой мѣрѣ усвоилъ себѣ ея нравственный обликъ и характеръ, что это отразилось даже на основныхъ чертахъ его лица. Можно сказать съ совершенной научной точностью, что преступникъ, совершающій иной разъ самыя тяжелыя преступленія, остается по основнымъ чертамъ характера тѣмъ же человѣкомъ, какимъ онъ былъ раньше; здѣсь же у Ковалева мы видимъ временное преобразованіе всего характера. Обстоятельства дѣла и признанія самого Ковалева подтверждаютъ приведенное заключеніе, основанное на фізіогномическихъ наблюденіяхъ.

Отношеніе Ковалева къ тяжелому мраку, окутывавшему жителей хуторовъ осенью прошлаго года, было вполнѣ отрицательное. Опасности, которыя предсказывала Виталія, не пугали Ковалева; онъ долѣе всѣхъ оставался оптимистомъ и даже, въ самую послѣднюю минуту, когда уже всѣми овладѣла мысль о грядущихъ бѣдахъ и о необходимости искать отъ нихъ спасенія въ смерти,—Ковалевъ все еще продолжалъ думать, что необходимо выждать событія, но не идти къ нимъ навстрѣчу, не предварять ихъ. Онъ первый останавливалъ свою жену, склоняющуюся къ смерти и, въ наивности своей, даже принесъ на нее жалобу Виталіи въ увѣренности, что Виталія своимъ авторитетомъ остановитъ страстный порывъ молодой женщины. Онъ даже имѣлъ слабую догадку о дѣйствительной истинѣ, т. е., былъ увѣренъ, что ничего особеннаго не произошло въ мірѣ, и что событія должны идти тѣмъ же порядкомъ, какъ они шли до настоящаго времени. Подъ вліяніемъ этого чутья истины, онъ первоначально обнаруживалъ скептицизмъ въ отношеніи того, что проповѣдывала Виталія, и чему всѣ начали вѣрить. Для разьясненія своихъ сомнѣній, онъ даже воспользовался случаемъ, какъ мы видели, и обратился съ вопро-

сами къ случайно встрѣченному полуобразованному собесѣднику и былъ очень радъ и ободренъ, встрѣтивъ въ немъ поддержку своему скептицизму.

Но причиной всѣхъ дальнѣйшихъ ошибокъ Ковалева была его умственная недалекость и слабая воля, другими словами его малая одаренность отъ природы. Онъ—только добрый человѣкъ, но недалекій и соотвѣтственно тому слабъ волей. Въ этихъ основныхъ чертахъ его характера и кроется источникъ тѣхъ личныхъ несчастій, которыя онъ самъ приготовилъ себѣ, погубивши собственными руками жену, дѣтей, мать, брата, сестру. На Ковалевѣ оправдались тѣ глубокія идеи, которыя, въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, впервые старался раскрыть Шекспиръ,—что причиной несчастій человѣка являются не столько внѣшнія условія, сколько неправильности, или недочеты, лежащіе въ самомъ характерѣ человѣка. Это мы видимъ на Ковалевѣ. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя столько здраваго смысла и воли, чтобы протестовать и бороться съ порывами жены, склонявшейся на смерть, онъ сразу уступилъ Виталіи и своей матери, когда тѣ поддерживали его жену. Здраво понимавшій слова своего случайнаго собесѣдника, онъ вернулся домой просвѣтленный и ободренный его бесѣдой; но здѣсь, увидѣвъ слезы и волненія, поддался этимъ волненіямъ, и слова его собесѣдника, и его собственныя догадки остались въ глубинѣ души безсильнымъ знаніемъ.

Во всей дальнѣйшей трагической жизни Ковалева ясной бороздой сказываются описанныя черты его характера. Въ теченіе января въ его бѣдномъ поработанномъ умѣ успѣло всплыть сознаніе безумности закапываній, и когда старушки приставали къ нему съ просьбой закопать ихъ, у него доставало разума и воли отказывать имъ, полемизировать съ ними и отклонять въ теченіе многихъ

дней ихъ упрашиванія и умаливанія; но достаточно было нѣсколькихъ словъ Виталіи, и онъ, несмотря на правильную постановку дѣла своей оппозиціи, подчинился ея требованію и явился орудіемъ ея воли въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова при томъ въ такой мѣрѣ, въ какой ребенокъ можетъ явиться орудіемъ воли взрослога. Мы не станемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ, такъ какъ они были бы излишними.

Нравственное освобожденіе этого порабощеннаго еловчѣка совершилось медленно; оно началось тотчасъ послѣ смерти Виталіи. Разказы объ этомъ Федора Ковалева, отличающіеся дѣтской искренностью и простотой, полны психологическаго интереса.

Закопавши Виталію, своихъ близкихъ и большую часть жильцовъ усадьбы, Ковалевъ вернулся въ опустѣвшій скитъ, гдѣ онъ нашель старика Я. Я. и еще двухъ—трехъ лицъ. Согласно данному Виталіи обѣщанію, онъ не ѣлъ и не пилъ, оставаясь въ твердомъ намѣреніи записаться и ждалъ, что черезъ три—четыре дня наступитъ свѣтопреставленье, какъ предсказывала Виталіа.

— Три или четыре дня ничего не ѣмъ и не пью рассказывалъ Ковалевъ, вижу—нѣту свѣтопреставленья; я напился водицы на четвертый день. На пятый день нѣту свѣтопреставленья;—я съѣлъ баклажанчикъ.—Такъ прошло двѣ недѣли, продолжалъ онъ, вижу—свѣтопреставленья нѣту, въ острогъ не берутъ, войны нѣту.—Что такое, думаю себѣ, и сталъ хлѣбъ ѣсть и такъ по-маленьку сталъ все ѣсть.

Такимъ образомъ, освободившись отъ гнета чужой мысли и воли, Ковалевъ сталъ правильно понимать окружающія явленія и сообразовать съ этимъ пониманіемъ свои дѣйствія. Какимъ образомъ постепенно воспрянула и возстановилась его порабощенная личность,—объ этомъ

въ его разсказахъ содержатся нѣкоторыя указанія, которыя мы и приведемъ.

Размѣры нравственнаго обезличенія, до котораго доведенъ былъ Ковалевъ, стануть понятными, если мы подумаемъ, что не только мысль и воля у него были подавлены, но даже и чувства были глубоко разстроены, несмотря на то, что эта сторона души у Ковалева развита гораздо лучше, чѣмъ мысль и воля. Мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности и выскажемъ соображенія, которыя намъ кажутся нелишними для лучшаго уясненія этого психологическаго вопроса. Какъ извѣстно, долгъ можетъ иногда побудить человѣка идти противъ естественныхъ чувствъ, но въ нормальномъ человѣкѣ это сопровождается внутренней борьбой, въ которой элементы долга лишь берутъ перевѣсъ надъ обыкновенной природой человѣка, не уничтожая ее въ корень. Но мы сочли бы чудовищнымъ такое человѣческое существо, въ которомъ естественныхъ чувствъ не доставало бы вовсе; да и самой заслуги нравственной не существовало бы, если-бы не было борьбы между долгомъ и естественными требованіями. Извѣстный убійца Карлъ Машъ, совершившій въ своей жизни множество убійствъ, разсказываетъ о себѣ, что, когда ему случилось однажды совершать убійство въ домѣ, гдѣ были дѣти, то, подойдя къ ребенку, котораго онъ также долженъ былъ убить, онъ на минуту остановился и затѣмъ нѣкоторое время колебался, такъ какъ пробудившееся въ немъ чувство жалости мѣшало ему наносить удары съ тѣмъ спокойствіемъ, съ какимъ онъ убивалъ взрослыхъ. Солдаты, разстрѣливающій, по долгу службы, приговореннаго къ смерти, не можетъ съ легкимъ сердцемъ исполнить свой тяжелый долгъ, и старая практика научила военныхъ людей давать въ числѣ другихъ заряженныхъ ружей одно незаряжен-

ное, чтобы тяжелый долгъ--стрѣлять въ ближняго былъ облегченъ нѣкоторой вѣроятностью, что смертоносное оружіе лишено заряда. Каково же должно быть нравственное и эмоциональное состояніе человѣка, совершившаго рядъ чудовищныхъ убійствъ со спокойствіемъ, которое кажется почти невѣроятнымъ. Въ такомъ именно состояніи Ковалевъ совершилъ всѣ закапыванія. И однако-же, этотъ человѣкъ раньше былъ совершенно другимъ: онъ былъ глубоко потрясенъ, когда отъ жены услышалъ впервые о намѣреніи закопаться. Но затѣмъ давленіе авторитета Виталіи и матери и тяжелыя волненія, которыми была полна Терновская атмосфера, а затѣмъ страшная сцена перваго закапыванія ввергли его въ состояніе нравственнаго безразличія и безчувственности. Спокойствіе, съ которымъ Ковалевъ передавалъ подробности потрясающей сцены закапыванія живьемъ своей сестры, справедливо производило наиболѣе тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, кто выслушалъ этотъ рассказъ непосредственно отъ самого Ковалева. Нравственная безчувственность сказалась почти во всемъ. Ковалевъ пересталъ испытывать чувство страха и ночью, послѣ совершенныхъ имъ убійствъ, не испытывалъ боязни. Таково было состояніе этого человѣка, въ сущности добраго по природѣ!

Нравственное возстановленіе Ковалева идетъ медленно, и въ ту пору, когда мы имѣли случай бесѣдовать съ нимъ (28 іюня), его нравственныя силы еще носили глубокіе слѣды потрясенія, но уже онъ стоялъ на вѣрномъ пути, и черты его душевнаго склада освободились отъ тумана, которымъ были закрыты. О процессѣ этого возстановленія мы изъ бесѣдъ съ Ковалевымъ узнали слѣдующія подробности, которыми и дополняемъ сказанное выше.

Въ первые дни послѣ закапыванія жены и дѣтей, Ковалевъ находился въ полномъ нравственномъ безразличіи и безчувствіи и лишь въ дни Рождественскихъ праздниковъ 25-го и 26-го декабря, войдя вечеромъ въ свою опустѣлую избу, онъ впервые почувствовалъ жалость къ умершимъ и заплакалъ, но сердце не отходило. Въ первое время, печальныя воспоминанія о погибшей семьѣ приходили не часто и, хотя они давали отраду безжизненной душѣ, но не могли быть вызваны по произволу, а сами собой рѣдко приходили; большею же частью въ душѣ оставалось тупое безразличіе, которое формулировалось въ такую фразу: *«не жалко и не страшно, потому что они пошли не на муку, а въ царствіе небесное»*. И однако-жъ мысль о переходѣ близкихъ въ царствіе небесное не давала душѣ никакой радости, оставляя въ ней какую-то тяжелую и непонятную пустоту. Самое чувство стыда и виновности какъ-бы совсѣмъ угасло, и Ковалевъ, находясь въ день вскрытія могилы Виталіи на глазахъ многотысячной толпы, ничего особеннаго не чувствовалъ и лишь много времени спустя онъ, по его собственнымъ словамъ, началъ чувствовать нравственную тягость отъ того, когда стоящая толпа устремляетъ на него взоръ и посылаетъ ему проклятія (когда его ведутъ куда-нибудь и т. п.). Но съ теченіемъ времени, мало-по-малу, печальныя воспоминанія и тихое раздумье постепенно просвѣтляли его душу, и по мѣрѣ возстановленія *чувствъ, мысль* Ковалева шагъ за шагомъ начала освѣщать протекшія, *какъ въ кошмарѣ, событія*. Теперь Ковалевъ начинаетъ понимать, что *«горше всѣхъ Виталія виновата»*, и въ объясненіе своей вѣры въ нее говоритъ: *«она не пьетъ, не пьетъ, молится, грамоту читаетъ и она это все одобряла, т. е., закапыванія; на нее все положились: Анюша, Оомина,—все на нее положились, потому что она постница, воздержница,*

никто не думалъ, что это—одна пошибель (т. е. погибель въ томъ, что слушали Виталию). И какъ это не перебили (т. е. не помѣшали), и не нашлось такою человѣка, чтобы разсказать» (т. е. объяснить, образумить)—закончилъ онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ о невозвратномъ.

Въ заключеніе нашихъ бесѣдъ, на вопросъ о женѣ и дѣтяхъ, Ковалевъ снова повторилъ: *«сердце и теперь все болитъ и не отходитъ. Спать—сплю, а какъ проснусь—сейчасъ сердце болитъ. И какъ не болеть? Другой матери и другой жены не будетъ».*

Въ настоящее время (іюнь 1897 г.) Ковалевъ со всѣми говоритъ вполне откровенно и съ особенной искренностью; на каждый вопросъ отвѣчаетъ подробностями, которыя превышаютъ самый запросъ собесѣдника. Видимо, что въ обмѣнѣ мыслей онъ находитъ себѣ утѣшеніе. Изъ устъ его часто слышится фраза: «и какъ не нашлось человѣка, чтобы объяснить».

Къ концу нашей продолжительной бесѣды съ Ковалевымъ, неожиданная ассоціація вызвала въ нашемъ умѣ цѣпь мыслей о бѣдной простодушной Чешской вдовѣ, которая положила свою вязанку дровъ на пылавшій костеръ Юганна Гусса. Она умерла съ утѣшительной мыслью, что совершила доброе дѣло, прибавивъ лишній огонь для еретика. Такой же нравственно-бѣдный и простодушный Ковалевъ сдѣлалъ нѣчто, безпредѣльно превосходящее подвигъ Чешской вдовы, и теперь прозрѣлъ и пришелъ къ ясному пониманію своего непоправимаго заблужденія. Самымъ симпатичнымъ впечатлѣніемъ, которое оставилъ въ насъ своей личностью Ковалевъ, это—его наивныя непрестанныя усилія вспоминать и разбирать свои ошибки и давать самому себѣ совѣты, какъ надо было поступить тогда-то и тогда-то. Въ обмѣнѣ мыслей, котораго онъ, видимо, ищетъ, онъ находитъ себѣ утѣшеніе, какъ въ

источникъ живой воды, которая смываетъ налетъ съ его ума. Фразу, услышанную отъ насъ по поводу народной переписи, что людей надо перечесть такъ же, какъ деньги въ кошелькѣ,—эту фразу онъ повторилъ нѣсколько разъ, какъ-бы въ противовѣсъ тому нелѣпому толкованію, которому онъ вѣрилъ, и которое такъ дорого обошлось ему.

Теперешній Ковалевъ — это тихая, неусыпающая грусть о невозвратномъ и неустанное исканіе истины, для разсѣянія слѣдовъ еще не вполне исчезнувашаго изъ души тумана.

ГЛАВА XV.

Заключительныя замѣчанія.

Событія, подобныя тѣмъ, которыя случились въ Терновскихъ хуторахъ, какъ ни кажутся поразительными и безпримѣрными, на самомъ дѣлѣ представляютъ далеко не рѣдкое явленіе въ нашей исторіи и неоднократно происходили не только въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ, но даже и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Несмотря на разницу времени болѣе, чѣмъ въ два столѣтія, Терновская драма въ такой мѣрѣ сходна до подробностей съ самоистребленіями, бывшими при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ, Иоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, что не можетъ быть и рѣчи о чемъ-нибудь новомъ и небываломъ, напротивъ, на все случившееся необходимо смотрѣть, какъ на печальное, но обычное историческое явленіе въ русской жизни. Правда, явленіе повторяется все рѣже и рѣже, но едва-ли навсегда исчезло.

Издавна способы самоистребленія были различны: изъ нихъ самымъ частымъ способомъ было *самосожженіе*. Для этого выбирались избы, обкладывались горючимъ матеріаломъ и зажигались, при чемъ почти всегда гибли всѣ, кто не ускользнулъ отъ роковой засады. Иногда дѣлалась специальная постройка для *гары*, на примѣръ, болѣе или менѣе значительное пространство обносилось оградой изъ весьма горючихъ матеріаловъ (смолы, стружекъ, соломы и даже пороха). Сожигались болѣе или менѣе въ значительномъ числѣ — сотнями и даже тысячами. При Петрѣ Первомъ сгорѣлъ (сжегъ себя) князь Мышецкій со всей дворней — свыше 100 человекъ.

Другимъ нерѣдкимъ способомъ самоистребленія было *мореніе голодомъ*. Кромѣ того, употреблялось *самоутопленіе*, при чемъ старшіе топили дѣтей или младшихъ, сопротивлявшихся смерти. Наконецъ, практиковались и *закапыванія*. Андрей Иоанновъ, описывая случавшіяся при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ самосожженія, говоритъ: *въ Новгородской области многіе въ могилахъ живые погребались и тако живота своего бѣднаго лишались; и въ той же Новгородской области тоже многія тысячи онемъ въ овинахъ горѣли и въ лѣсахъ, а въ луговой сторонѣ въ морильняхъ отъ учителей своихъ запертыя помирали* ¹⁾.

Обстановка, при которой происходили самоистребленія въ два послѣднія столѣтія, до такой степени напоминаетъ обстановку Терновскихъ событій даже до подробностей, что намъ невольно приходитъ на мысль, что въ самоистребленіяхъ мы встрѣчаемся не просто съ историческими или бытовыми явленіями, но въ извѣстной степени съ явленіями *патологическими*, относящимися къ

¹⁾ Д. И. Сапожниковъ. Самосожженіе въ русскомъ расколѣ. Москва, 1891 г., стр. 15.

разряду такъ называемыхъ *психическихъ эпидемій*. Въ самомъ дѣлѣ явленія бытовныя или историческія, хотя и повторяются, но всегда съ нѣкоторыми перемѣнами, обусловленными протекшимъ временемъ и исторіей; между тѣмъ явленія патологическія гораздо болѣе неподвижны, гораздо менѣе измѣнчивы. Бредъ помѣшанныхъ, галлюцинаціи алкоголиковъ гораздо менѣе подлежатъ измѣняющему дѣйствию времени и обстоятельствъ и остаются въ теченіе вѣковъ шаблонными и стереотипными. Этой именно особенностью отличается самоистребленіе въ русскомъ народѣ.

Что касается причинъ этого страннаго явленія, то намъ почти буквально приходится повторить то, что было сказано двѣсти лѣтъ назадъ въ одномъ оффиціальномъ документѣ. Описывая одно изъ самосожженій, случившееся въ 1684 году, въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ помѣстьѣ Сикорскихъ, въ деревнѣ Лейкинѣ, оффиціальное донесеніе заканчивается словами, — что *крестьяне сожгли сами себя, а для чего то учинили, про то никто не вѣдаетъ* ¹⁾.

Историки, занимавшіеся вопросомъ о самоистребленіяхъ, высказываютъ касательно причинъ этого явленія мало опредѣленные взгляды; но наибольшую опредѣленностью отличается точка зрѣнія Пыпина, который причину самоистребленія видитъ въ преслѣдованіяхъ, какимъ подвергался расколъ со стороны правительства. Почти такой же взглядъ, какъ Пыпинъ, но гораздо рѣзче, высказываетъ о самосожженіяхъ авторъ предисловія къ новому изданію «Исторіи Выговской Пустыни» ²⁾. Но объясненія обоихъ авторовъ, если ихъ признать вѣрными,

¹⁾ Сапожниковъ, I. с. стр. 27.

²⁾ Ibid., стр. 151.

примѣнимы только къ нѣкоторымъ случаямъ, такъ какъ извѣстно изъ исторіи немалое число несомнѣнныхъ примѣровъ, которые не могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія преслѣдованій. Намъ кажется, что оба уважаемые историка обобщили частные случаи. Въ этомъ отношеніи интересны фактическія данныя, приводимыя Сапожниковымъ ¹⁾; изъ этихъ данныхъ видно, что самоистребленія практиковались по преимуществу въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ они не случались или случались рѣже, несмотря на то, что именно здѣсь отношеніе властей къ расколу было болѣе рѣзко. Наконецъ, такой крупный историкъ, какъ Соловьевъ, усматриваетъ причину самосожиганія не въ преслѣдованіяхъ правительства, а въ иныхъ условіяхъ. Очевидно и несомнѣнно, что въ самоистребленіяхъ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ сложнымъ, которое не можетъ быть объяснено одной исторической точкой зрѣнія. Намъ кажется, что важнѣйшимъ источникомъ для объясненій самоистребленій могло-бы послужить подробное психологическое и психіатрическое изслѣдованіе тѣхъ лицъ, которыя были непосредственными участниками событій; но такъ какъ источникъ этотъ для Терновской драмы со смертью Виталия и другихъ утраченъ, то остается единственная возможность сдѣлать нѣкоторые выводы по этому важному вопросу, руководясь исключительно соображеніями, основанными отчасти на фактическихъ, отчасти на психологическихъ данныхъ. Психологическія и психіатрическія данныя мы считаемъ въ этомъ случаѣ важнымъ источникомъ разъясненія и будемъ пользоваться этимъ источникомъ, подтверждая наши выводы историческими справками.

¹⁾ Ibidem. Стр. 152—153.

Къ числу историческихъ данныхъ относится прежде всего то обстоятельство, что самоистребленіе свойственно исключительно или почти исключительно расколу. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что самоистребленіе — по крайней мѣрѣ массовое, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, — относится къ широкой области *церковной* или *религіозной жизни*, но оно не вызвано политическими или иными условіями. Политическая жизнь, социальныя бѣдствія, преслѣдованія правительствъ скорѣе вызываютъ появленіе мятежей, бунтовъ, *активнаго сопротивленія*; въ самоистребленіяхъ же мы имѣемъ дѣло съ психологическимъ явленіемъ *глубоко пассивнаго типа*. Этой своей стороною самоистребленіе ближе всего подходитъ къ явленіямъ патологическимъ. Эта особенная черта не ускользнула и отъ вниманія автора предисловія къ новому изданію «Исторія Выговской Пустыни». Онъ усматриваетъ въ этой чертѣ *средство уравнять свое безсиліе въ борьбѣ пожертвованіемъ личностей*. При всемъ глубокомъ уваженіи нашемъ къ мнѣнію почтеннаго историка, не можемъ не сказать, что въ словахъ его содержится не объясненіе психологическаго факта, а лишь простое засвидѣтельствованіе его.

Другую отличительную черту самоистребленій составляетъ то обстоятельство, что они всегда совпадали съ какими-либо особенными событіями церковной жизни. Такъ частыя массовыя самоистребленія при Алексѣѣ Михайловичѣ, при царяхъ Ѳеодорѣ, Иоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ соотвѣтствовали времени появленія раскола. Въ это время, въ русской жизни, самоистребленія были чрезвычайно часты. Но и эта сязь не противорѣчитъ предположенію, что въ самоистребленіяхъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, не лишенными, между прочимъ, и болѣзненнаго оттѣнка. Въ самомъ дѣлѣ, съ психіатрической точки зрѣнія можно считать вполне доказаннымъ, что политическіе переворо-

ты и религіозныя событія всегда оказывали вліяніе на увеличеніе числа душевныхъ заболѣваній или на болѣе рѣзкія проявленія тѣхъ болѣзненныхъ состояній, которыя до этого времени были выражены слабо или оставались скрытыми. Этотъ фактъ, конечно, необходимо понимать въ томъ смыслѣ, что всякаго рода преобразованія и перемѣны въ жизни политической или въ вопросахъ совѣсти и т. п., составляя успѣхъ жизни, требуютъ напряженія и подъема силъ. На такой подъемъ способны только лучшіе люди, но не тѣ, кто слабъ душой и тѣломъ. Прогрессъ жизни подвигаетъ впередъ лучшихъ людей и выбиваетъ изъ строя или оставляетъ за флагомъ неподготовленныхъ и слабыхъ. Въ вопросахъ умственного или нравственного прогресса такими *слабыми* обыкновенно являются субъекты съ такъ называемыми *болѣзненными и неправильными характерами*. Возникшее въ недавнее время въ психіатріи ученіе объ этихъ характерахъ должно быть принято во вниманіе при объясненіи исключительныхъ явленій, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь. Болѣзненные характеры, менѣе замѣтные при обычномъ теченіи жизни, могутъ рѣзко проявиться въ ту пору, когда жизнь дѣлаетъ поворотъ, къ которому эти натуры не могутъ такъ легко приспособиться, какъ натуры нормальныя. Въ такомъ случаѣ эти натуры обнаруживаютъ странную дѣятельность и даже заболѣваютъ психически въ эндемическихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ преобразованія или реформы отдѣляютъ здоровое отъ болѣзненнаго и являются той силой, которая увлекаетъ за собой все здоровое и ломаетъ все болѣзненное и слабое.

Изслѣдуя явленія самоистребленія съ изложенной точки зрѣнія, мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми существенно важными фактами, указывающими на особенную роль болѣзненныхъ натуръ въ эпоху преобразованій: нату

ры эти рѣзко выступаютъ со своей психопатической реакціей и, какъ *странные* персонажи въ драмахъ, подчеркиваютъ собою могучій ходъ реформы. На этихъ болѣзненныхъ натурахъ и на ихъ психопатической реакціи мы остановимъ наше вниманіе тѣмъ болѣе, что этотъ новый вопросъ, созданный психіатрической наукой, не былъ предметомъ особаго вниманія историковъ и публицистовъ.

Во всѣхъ случаяхъ самоистребленія яркой чертой, замѣтной въ настроеніи массъ, является *пессимизмъ*, отсутствіе вѣры въ лучшее будущее и упадокъ духа. Типическій примѣръ такого состоянія духа находимъ въ *Письменныхъ Извѣстіяхъ* Чаусскихъ раскольниковъ. „Нынѣ, говорится въ *Извѣстіи*, какъ духовныя и земскія власти не по избранію Святаго Духа поставляются, а злата ради; того ради они нарицаются отъ бѣсовъ, а не отъ Бога; того ради нынѣшнія власти во всемъ жестоки, инъливы, наглъ, люты, яры, нестройныя, страшны, ненавистны, мерзки, не крошки, лукавы; своими ересьми и прельщеніемъ они отставляють челоувковъ отъ пути праваго и сводятъ въ пошбельный путь“, „нынѣ во всю страну посылають указы и законенія съ посланники жестокими,—тѣ нарицаются бѣсы, чувственные челоувки... Нынѣ гладъ по всей земль, запустѣніе церкви, умноженіе ересемъ“... Какъ видно, рѣчь идетъ не о какихъ-либо исключительныхъ, но о самыхъ обыкновенныхъ общественныхъ недостаткахъ, а между тѣмъ тонъ, которымъ описываются эти недостатки, свидѣтельствуеть о крайнемъ *пессимизмѣ* авторовъ и указываетъ на ихъ болѣзненную чувствительность, на душевное страданіе, вызванное *преувеличенной* оцѣнкой обычныхъ общественныхъ золъ. Такимъ отгѣнкомъ отличается большая часть раскольническихъ писаній и жалобъ, но въ особенности такой отпечатокъ замѣчается въ словахъ и жалобахъ тѣхъ, которые обрекали себя на

самоистребленіе. Весьма замѣчательно, что даже и въ этихъ крайнихъ случаяхъ жалобы нерѣдко носили характеръ общихъ печалованій и всеобщаго *недовольства* *всѣмъ* безъ указанія на какія-либо конкретныя обстоятельства или частныя событія, вызвавшія такое настроеніе. Всѣ такія жалобы отличаются общимъ и субъективнымъ отпечаткомъ мало мотивированной міровой скорби. Читая эти жалобы и взвѣсивая психологическіе оттѣнки чувствъ, которыми онѣ запечатлѣны, мы приходимъ къ убѣжденію, что въ большинствѣ случаевъ стремленіе къ самоуничтоженію вызвано было скорѣе субъективнымъ состояніемъ, нежели внѣшними событіями. Внѣшнія же событія, въ этихъ случаяхъ, служили лишь поводомъ къ самоистребленію, но вовсе не причиною: истинная причина коренилась въ болѣзненномъ настроеніи и въ давнемъ, готовомъ пессимизмѣ, которымъ жили отдѣльныя лица или цѣлыя группы людей.

Рядомъ съ пессимизмомъ и съ крайней болѣзненной чувствительностью всегда стоитъ склонность къ самоубійству у раскольниковъ XVII вѣка. Эту связь тонко подмѣчаетъ Андрей Іоанновъ. *Къ самоубійству столько склонны, говорилъ онъ, что всегда навѣдываются, идѣ, когда и сколько сожлось или запостилось самовольно* ¹⁾.

Пессимизмъ и стремленіе къ самоубійству яркой чертой проходитъ и въ Терновскихъ событіяхъ. Съ полнымъ правомъ можно сказать, что событія эти являются безпочвенными и безосновательными и представляютъ собою плодъ измѣненнаго настроенія духа, вызваннаго скорѣе психопатическими причинами, нежели внѣшними событіями. Въ самоистребленіяхъ Терновскихъ, какъ и въ самосожиганіяхъ XVII вѣка, мы видимъ слѣдующія сходныя психоло-

¹⁾ Сапожниковъ, I. с., стр. 151.

гическія черты: замѣна разсудка чувствомъ, слабая воля и склонность къ самоубійству.

Было-бы крайне важнымъ дѣломъ разрѣшить вопросъ о томъ, къ какой болѣзни, или къ какому психическому состоянію относится группа указанныхъ симптомовъ, — можно-ли ихъ отнести къ *большой истеріи* или къ такъ называемому *утомленію жизни* — *taedium vitae*. То и другое психопатическое состояніе можетъ появляться какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ массъ людей. Появленіе ихъ у отдѣльныхъ людей не представляетъ никакихъ трудностей для объясненія. Что же касается эпидемическаго распространенія болѣзненныхъ состояній, то для объясненія ихъ можно допустить, отчасти, общность условій, въ которыхъ живутъ массы. Главнымъ же образомъ, массовая психопатія является искусственнымъ результатомъ *психологическаго подбора*. Этотъ подборъ можно прослѣдить въ исторіи самосожиганій XVII и XVIII вѣка, но въ особенности въ Терновскихъ событіяхъ.

Въ исторіи самосожиганій мы постоянно встрѣчаемся съ фактомъ болѣе или менѣе продолжительной подготовки массъ путемъ пропаганды, увѣщаній и обмановъ со стороны такъ называемыхъ *учителей*, какъ ихъ называетъ народъ, или *расколоучителей*, какъ они именуется официально. Эти *учители*, помощью разнообразныхъ пріемовъ, старались объединить субъектовъ болѣзненнаго и психопатическаго типа и направить ихъ *сообща* къ той цѣли, къ какой тѣ стремились, т. е., къ самоистребленію. Въ этихъ случаяхъ учителя въ сущности дѣлали то же, что теперь дѣлаютъ американскіе *клубы самоубійць*. Безъ сомнѣнія, въ этихъ случаяхъ религіозные агитаторы пользовались существовавшей въ населеніи склонностью и старались ее развить и придать ей болѣе широкіе размѣры. Замѣчательно, что во многихъ случаяхъ и, кажется, даже

въ большей части случаевъ, агитаторы сами не участвовали въ самосожиганіяхъ, но ограничивались тѣмъ, что, увлекши множество жертвъ въ роковую засаду, сами незамѣтно ускользали отъ опасности, оставались въ живыхъ и даже пользовались имуществомъ сгорѣвшихъ. Множество примѣровъ подобнаго рода приведено у Сапожникова ¹⁾. Объ этомъ свидѣтельствуется также Дмитрій, митрополитъ Ростовскій ²⁾. Правда, случалось, что агитаторы самосожиганій и сами участвовали въ общей гибели, но чаще, однако-же, они сожигали другихъ, а сами оставались въ живыхъ. Безъ сомнѣнія, это дѣлалось зачинщиками не всегда по дурнымъ побужденіямъ (напримѣръ, для грабежа, для захвата имущества сгорѣвшихъ и проч.), но чаще всего съ тою цѣлью, чтобы сохранить самихъ себя для дальнѣйшей дѣятельности. Совершенно то же наблюдаемъ и въ Терновскихъ событіяхъ. Какъ мы видѣли выше (стр. 218), главнѣйшія руководительницы Терновскихъ событій, Виталія и Поля Младшая, первоначально не предполагали лишать себя жизни, и самоубійство ихъ явилось для нихъ въ послѣдствіи актомъ неизбѣжнымъ по мотивамъ чисто внѣшнимъ.

Еще большее сходство Терновскихъ событій съ самосожиганіями минувшихъ вѣковъ обнаруживается въ подборѣ жертвъ. Главнѣйшимъ орудіемъ этого подбора явился *Терновскій скитъ*, куда стекались лица одинаковыхъ убѣжденій и сходныхъ настроеній духа. Подборъ усиливался дѣятельностью Виталіи, которая сортировала старыхъ жильцовъ и вновь прибывающихъ. Благодаря

¹⁾ Сапожниковъ. Самосожиганія въ русскомъ расколѣ и проч. стр. 80, 103, 113, 114 и др.

²⁾ Розыскъ, стр. 569—580.

такой сортировкѣ, населеніе скита состояло изъ одряхлѣвшихъ и полуумныхъ субъектовъ, а также изъ пессимистовъ и людей психически-больныхъ, мрачныхъ, боязливыхъ, подозрительныхъ, которые, утративъ чувство жизни, могли пребывать въ полутемныхъ, грязныхъ, удушливыхъ келіяхъ скита, похожихъ болѣе на логовища животныхъ, чѣмъ на человѣческое жилье. Видъ этихъ жилищъ (см. выше гл. II-я) ясно показываетъ, что обитатели ихъ болѣе всего думали о томъ, чтобы сократить свою жизнь, а не о томъ, чтобы исполнить тотъ или иной человѣческой долгъ. При такомъ составѣ скита—его вліяніе на чувствительныхъ нервныхъ людей и особенно на дѣтей и подростковъ оказалось чрезвычайно вреднымъ. Дѣти и одряхлѣвшіе старики подпали всецѣло вліянію скита.

Такимъ образомъ возникло патологическое ядро, состоящее изъ субъектовъ наиболѣе болѣзненныхъ и одностороннихъ. Эта сплоченная масса, объединенная и руководимая Виталіей, производила значительное дѣйствіе на окружающую среду. Въ рукахъ Виталіи скитъ явился истиннымъ орудіемъ *патологическаго подбора* и опаснѣйшимъ источникомъ *психической заразы*. Подобные факты не новы въ исторіи. Вредное вліяніе раскольничьихъ скитовъ было извѣстно издавна. Уже въ прошломъ столѣтіи (въ 1723 году), въ видахъ предупрежденія самоожженій, Святѣйшій Синодъ постановилъ: *Сообщить Сенату въ дѣльнѣмъ о самоохотно сюръязшихъ раскольникахъ, требовать распоряженій его о разсылкѣ крѣпкихъ указ. въ ко всѣмъ вотчинникамъ, или ихъ управителямъ о томъ, чтобы они нишдѣ въ помѣстьяхъ своихъ, ни подѣ какимъ видомъ, не дозволяли раскольникамъ строить скитовъ себѣ и пустынекъ, а чтобы жили подобные люди съ прочими крестьянами*

въ селахъ и деревняхъ не отложно¹⁾). Это сообщеніе Синода показываетъ, что опасное значеніе объединенія и сплоченія помѣшанныхъ и психопатовъ было давно замѣчено.

Въ Терновскихъ событіяхъ мы встрѣчаемся, кромѣ того, съ проявленіемъ, въ болѣе рѣзкихъ формахъ, того условія, которое замѣчается и въ другихъ психопатическихъ эпидеміяхъ, именно — мы видимъ здѣсь непосредственное участіе въ дѣлѣ, не только *психопатическихъ субъектовъ*, но и *помѣшанныхъ*. Вліяніе помѣшанныхъ на здоровыхъ людей, насколько намъ извѣстно, не было предметомъ научнаго изслѣдованія, но оно несомнѣнно существуетъ и становится особенно замѣтнымъ въ періоды умственныхъ броженій и психическихъ эпидемій. Въ психопатической эпидеміи 1892 года, извѣстной подъ именемъ *Малеванины*¹⁾, которую мы имѣли случай наблюдать, во главѣ движенія стоялъ Малеваный, страдающій типической формой помѣшательства. Сдѣланный нами на мѣстѣ подсчетъ количества помѣшанныхъ въ нѣсколькихъ деревняхъ показалъ, что количество помѣшанныхъ въ сектѣ Малеванцевъ было больше, нежели въ средѣ остального населенія, не принимавшаго участія въ религіозномъ броженіи. Было также нами замѣчено, что религіозное броженіе поддерживалось въ населеніи ближайшихъ къ Кіеву уѣздовъ, пока самъ Малеваный находился въ домѣ умалишенныхъ въ Кіевѣ. А когда Малеваный былъ отданъ на попеченіе родныхъ и появился въ средѣ невѣжественнаго сельскаго населенія, броженіе значительно усилилось и охватило многіе уѣзды Кіевской и смежныхъ губерній: начались паломничества къ Малеваному, и стали то тамъ, то сямъ, среди здороваго до-

¹⁾ Сапожниковъ, I. с. стр. 47.

¹⁾ Сикорскій. Психопатическая Эпидемія 1892 г. въ Кіевской губерніи. Кіевъ, 1893.

толѣ населенія, вспыхивать эпидеміи большой истеріи съ судорогами, галлюцинаціями и бредомъ. Но когда, вслѣдъ затѣмъ, Малеваный опять былъ изъятъ изъ населенія и помѣщенъ въ отдаленную отъ Кіева Казанскую Окружную Лечебницу для умалишенныхъ, религіозное броженіе въ народѣ стало быстро стихать и уже не повторялось. Несомнѣнно, что присутствіе умалишенныхъ въ средѣ невѣжественнаго населенія не можетъ оставаться безъ вреднаго дѣйствія на нѣкоторую часть этого населенія. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ призрѣніе душевно-больныхъ еще крайне мало развито, и гдѣ огромная масса помѣшанныхъ и идіотовъ пребываютъ нравственно и фізіологически среди самаго населенія,—это вредное вліяніе должно быть болѣе значительнымъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Менѣе замѣтное въ обыкновенное время—вліяніе это проявляется съ особенной силой при обстоятельствахъ исключительныхъ. Въ Терновскихъ событіяхъ такое крайне вредное вліяніе производилъ идіотъ Дмитрій Ковалевъ и двѣ помѣшанныя Поля Старшая и Викторія Рассейская, а также Авдотья Ковалева, Сухова (мать) и вѣроятно другіе. Ознакомившись на мѣстѣ съ психопатическими явленіями Малеванщины (въ 1892—1894 годахъ) и съ подробностями Терновскихъ событій, мы не можемъ не высказать нашего убѣжденія въ томъ, что крайне слабое развитіе дѣла призрѣнія умалишенныхъ въ Россіи надолго еще будетъ поддерживать у насъ расположеніе населенія къ психопатическимъ эпидеміямъ. Въ Англіи болѣе половины умалишенныхъ изъяты изъ населенія и находятся въ лечебныхъ заведеніяхъ, у насъ же не болѣе $\frac{1}{20}$ части помѣшанныхъ находятся въ больницахъ, остальные же продолжаютъ жить среди здоровыхъ и, участвуя во всѣхъ дѣлахъ, налагаютъ патологическій отпечатокъ на событія въ исключительныя минуты обще-

ственной жизни. Это наглядно проявилось въ Терновскихъ событіяхъ, благодаря вліянію скита, въ которомъ наряду съ сектантами было значительное число психопатическихъ субъектовъ и даже помѣшанныхъ.

Немалыя трудности представляетъ рѣшеніе вопроса, что именно послужило непосредственнымъ ближайшимъ поводомъ къ развитію эпидеміи Терновскихъ событій. Въ прессѣ указаны были два событія: *всеобщая народная перепись и открытіе мощей Святителя Θεодосія Улицкаго*. Первое событіе относится къ области политической жизни, второе къ церковной. Внѣшнимъ образомъ Терновскія событія несомнѣнно связаны съ всеобщей народной переписью, однако-же, по своему внутреннему характеру, событія эти всецѣло относятся къ сферѣ религіозной, или церковной жизни. Правда, трудно указать непосредственную связь Терновской эпидеміи съ церковнымъ торжествомъ 9-го сентября; но, по времени, нѣкоторая связь, повидимому, существуетъ, и Θεодоръ Ковалевъ положительно указываетъ на начало сентября, какъ на время, когда безпокойство и броженіе среди Терновскихъ раскольниковъ рѣзко обозначилось. Безъ сомнѣнія, открытіе мощей святителя Θεодосія явилось крупнымъ событіемъ не только въ церковной, но и въ народной жизни: оно вызвало общее народное возбужденіе, выразившееся подъемомъ духа, паломничествомъ, усиленіемъ надеждъ и чаяній. Несомнѣнно также, что на раскольниковъ и другихъ дессидентовъ это церковное торжество не могло не произвести противоположнаго дѣйствія, не могло не напомнить объ ихъ обособленіи, о мучительномъ религіозномъ отщепеніи и отдѣленіи отъ великаго народнаго организма, съ которымъ они соединены языкомъ, бытомъ, обычаями и въ то же время рѣзко разграничены въ церковномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніи. При религіоз-

ности русскаго народа это раздѣленіе является весьма существеннымъ обстоятельствомъ для народной совѣсти и влечетъ за собою нѣчто въ родѣ безмолвнаго, непре-
 кращающагося суда одной стороны надъ другой, т. е., православныхъ и старообрядцевъ. Этотъ народный судъ явно сказался во время открытія труповъ погибшихъ сектантовъ, когда тысячи зрителей своими массами запрудили Терновскіе хутора, и когда сотни изумленныхъ лицъ, собравшихся на крышахъ, деревьяхъ, возвышенныхъ мѣстахъ, устремили взоры свои на страшную картину откапыванія труповъ. Въ собравшейся толпѣ слышались угрозы, раздавались проклятія; въ настроеніи тысячъ присутствующихъ сказывалось строгое осужденіе не только Терновскимъ сектантамъ, но и всему расколу. Это осужденіе принимали на свой счетъ не одни Терновскіе обитатели, но и многочисленные представители другихъ раскольническихъ толковъ и согласій, присутствовавшіе при открытіи труповъ. Они чувствовали тяжесть событія, которое ложилось укоромъ на весь расколъ безъ различія его партій. Какъ на подробность, свидѣтельствующую о такомъ настроеніи старообрядцевъ, можемъ указать на тотъ фактъ, замѣченный многими, что окрестные старообрядцы старались всѣми мѣрами загладить и смягчить впечатлѣніе Терновскихъ событій и, во время извлеченія изъ земли труповъ и вскрытія, помогали полиціи, переносили разлагающіеся трупы, до которыхъ никто не хотѣлъ прикоснуться. По замѣчаніямъ наблюдателей, этимъ они хотѣли дать какъ-бы нѣкоторое удовлетвореніе негодованію и безмолвному осужденію массы, безропотно покоряясь суду народной совѣсти.

Такимъ образомъ, раздѣленіе русскихъ людей на старообрядцевъ и православныхъ не остается безъ серіозныхъ психологическихъ послѣдствій; оно способно коле-

бать настроеніе народныхъ массъ въ особенности среди событій исключительныхъ. Успѣхъ и подъемъ духа у однихъ можетъ вызывать противоположныя чувства у другихъ. И въ самомъ дѣлѣ, многія событія въ церковной жизни православныхъ вызывали у старообрядцевъ то фанатизмъ и озлобленіе, то упадокъ духа и скорбь. Скорбь, печаль, упадокъ духа и неразлучная съ ними склонность къ самоубійству появляются именно у лучшей части раскольниковъ, у людей съ нѣжной душой, для которыхъ рознь по высшимъ вопросамъ жизни является источникомъ глубокаго страданія, истинной міровой скорби. Въ этомъ смыслѣ и торжество 9-го сентября не могло остаться безъ вліянія на старообрядцевъ.

Это церковное торжество произвело вообще немаловажное впечатлѣніе на народную душу. И въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ два параллельныя и почти одновременныя событія—канонизацію Святителя Θεодосія и канонизацію трехъ святыхъ Западной церкви, то перевѣсъ окажется на сторонѣ русскаго церковнаго торжества, по силѣ и степени народнаго участія въ немъ. Такимъ образомъ, каковы бы ни были взгляды на сущность и значеніе церковнаго торжества 9-го сентября, нельзя не признать, что оно произвело значительное впечатлѣніе на народныя массы—впечатлѣніе весьма неодинаковое для православныхъ и для старообрядцевъ. По понятіямъ народной совѣсти, открытіе мощей Θεодосія Углицкаго явилось событіемъ, оправдывающимъ одну сторону и осуждающимъ другую. Говорятъ, что такое именно настроеніе замѣчалось осенью минувшаго года въ средѣ Терновскихъ сектантовъ и послужило основаніемъ пессимизма, который такъ рѣзко проявился именно въ это время.

Пессимизмъ особенно былъ замѣтенъ въ Терновскомъ скитѣ, и дѣятельность Виталии и ея сотрудницъ по скиту

является попыткой противодействовать этому настроению, найти героическое лекарство против болѣзни, которая грозила поразить многихъ. Повидимому, эта рѣшительная женщина задлась смѣлой мыслью устроить въ Терновскихъ хуторахъ священное мѣсто, богатое останками мучениковъ, у таинственныхъ могилъ которыхъ должны были стекаться поклонники, подобно тому, какъ это случилось въ Черниговѣ. Это предположеніе, слышанное нами на мѣстѣ происшествія, подтверждается поведеніемъ Феодора Ковалева. Когда въ его присутствіи происходило откапываніе замурованныхъ сектантовъ, его настроеніе носило характеръ увѣренности и торжественнаго ожиданія—*вотъ, дескать, сейчасъ покажутся святыя мощи*; но онъ сразу упалъ духомъ, когда его взору представились трупы съ признаками разложенія и съ ползавшими по нимъ червями: онъ увидѣлъ не то, что ждалъ. Это обстоятельство поколебало его фанатическую увѣренность въ правотѣ религіи, которой онъ служилъ, и явилось исходной точкой поворота въ его мысляхъ и началомъ откровенныхъ признаній.

Несомнѣнно, что Виталія и Поля нечужды были нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній о *самоистребленіяхъ* въ русскомъ расколѣ. Объ этомъ можно судить по стилю и содержанию той записки, которая была подана изъ скита счетчикамъ народной переписи, и которая была редактирована, по всей вѣроятности, Полей Младшей. Записка эта во многомъ напоминаетъ тѣ челобитныя и заявленія, которыя писались въ XVII вѣкѣ раскольниками, готовившимися къ *гари*. Весьма правдоподобно, что въ умѣ Виталіи или Поли Младшей, на основаніи историческихъ свѣдѣній, созрѣлъ планъ отвѣтить на церковное торжество 9-го сентября такъ, какъ отвѣчали раскольники XVII и XVIII вѣка на церковныя реформы. Съ этой цѣлью Ви-

талія и Поля Младшая воспользовались готовыми описаніями самоистребленія въ русскомъ расколѣ и подобно учителямъ XVII вѣка возбудили извѣстное настроеніе въ Терновскомъ скитѣ и отсюда направили его въ Терновскіе хутора. Ихъ личныя качества обезпечили имъ успѣхъ печальнаго дѣла.

Въ заключеніе нельзя не высказать нѣкоторыхъ общихъ мыслей, которыя невольно возникаютъ въ умѣ при чтеніи скорбнаго сказанія о безпримѣрномъ несчастіи, поразившемъ расколъ въ лицѣ Терновскихъ сектантовъ. Никогда печальное состояніе раскола не обнаруживалось въ болѣе мрачныхъ краскахъ, какъ въ Терновской драмѣ. Поэтому не должно быть въ отношеніи несчастныхъ сектантовъ иного чувства, кромѣ безграничной жалости, и иного отношенія, кромѣ самыхъ искреннихъ братскихъ усилій къ примиренію и объединенію съ ними. Каковы бы ни были понятія о расколѣ съ догматической и обрядовой стороны, нельзя не признать того факта, что всѣ державшіеся старой вѣры—дѣти того же добраго русскаго народа, что они строго хранятъ въ себѣ всѣ его народныя черты и остаются вѣрными народному духу даже за предѣлами отечества въ Австріи и Турціи.

Въ виду того истинная забота о нихъ (а не одни догматическія словопренія съ ними) являются самымъ настоятельнымъ и самымъ неотложнымъ долгомъ церкви и государства.

